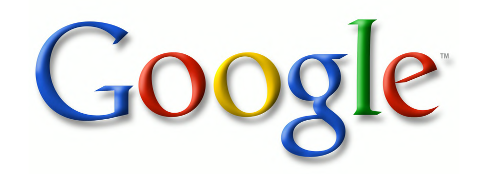

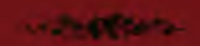
оссійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

N. RIAZANOW.—ZERSTORTE ILLUSIONEN.

Н. РЯЗАНОВЪ.

РАЗБИТЫЯ ИЛЛЮЗІИ.

Къ вопросу о причинахъ кризиса въ нашей партіи.

Изданіе автора.

ЖЕНЕВА 1904.

Замѣченныя опечатки:

Стр.	Стр.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
21	12 снизу	организація	организмъ
21	3 „	комментарій	для крестьянъ комментарій
48	9 „	заканчиваетъ	заканчивается
55	2 сверху	богъ	бой
63	1 снизу	накопляющуюся	накопленную
76	12 „	логической	магической
78	15 „	огорожена	отгорожена
79	1 „	доказываетъ	показываетъ
80	3 сверху	формулой	формой
82	14 снизу	могутъ существовать	могутъ существовать только
87	1 сверху	сферы	сферы

Razbityia illiuzii

Разбитыя иллюзіи.

I.

Вавилонское столпотвореніе.

„Основная мысль Ленина состоитъ въ томъ, что въ такомъ идейномъ дѣлѣ, какъ рабочее соц.-демократическое движеніе вообще, а у насъ въ Россіи, въ особенности, необходимо, чтобы создалось извѣстное духовное ядро, внушающее всѣмъ довѣріе, группирующее умственныя силы партіи, обезпечивающее сохраненіе чистоты ея принциповъ и гарантирующее возможность разобраться и справиться со всѣми сложными вопросами, встрѣчающимися на пути. Таковъ былъ процессъ возникновенія различныхъ соціалистическихъ партій и заграницей. Всюду онѣ группировались вокругъ духовныхъ руководителей (гедисты, бланкисты, лассальянцы и пр.) Другой вопросъ, есть ли у насъ въ настоящее время подобные духовные руководители. Но если ихъ нѣтъ, то никакіе съѣзды, никакія попытки объединенія не помогутъ выбраться на путь настоящей сильной политической партіи. Мы лично не такъ печально смотримъ на дѣло. Мы думаемъ, что редакція „Искры" и „Зари" и близкой къ нимъ „Группы Освобожденія Труда" могутъ и должны сыграть роль этого духовнаго ядра, и потому мы и призываемъ всѣхъ единомышленниковъ, всѣхъ, кто понимаетъ всю серьезность задачи, которую беретъ на себя Росс. Соц.-дем. Раб. Партія— объединиться вокругъ этого ядра. Это и обезпечитъ намъ единство взглядовъ, твердость убѣжденій и возможность справиться со многими трудностями нашей дѣятельности. А главное — только къ такому духовному

ядру, на дѣлѣ показавшему свою способность быть духовнымъ руководителемъ нашего движенія, мы можемъ питать полное довѣріе" *).

Такъ писалъ, почти наканунѣ съѣзда, главный органъ группы, принимавшей дѣятельное участіе въ Организаціонномъ Комитетѣ, а, слѣдовательно, и въ организаціи второго съѣзда. То же самое, почти тѣми же словами, повторилъ на съѣздѣ делегатъ ея Егоровъ въ рѣчи, которая, по словамъ Мартова, является лучшей рѣчью въ пользу признанія „Искры" центральнымъ органомъ реорганизованной или, вѣрнѣе, редезорганизованной партіи. „Тамъ умны" — они намъ дадутъ и „единство взглядовъ" и „твердость убѣжденій". „Призывая товарищей высказаться за признаніе „Искры" органомъ партіи, я полагаю, что таковымъ нашимъ рѣшеніемъ мы обезпечимъ себя на будущее время отъ всякихъ неожиданностей", — убѣдительно доказывалъ Егоровъ.

И вотъ, послѣ долгихъ и упорныхъ усилій, собрался наконецъ съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидаемый съѣздъ. Тридцать семь разъ — тридцать семь! — засѣдалъ онъ, съ „духовнымъ ядромъ" партіи въ полномъ составѣ, — и въ результатѣ все та же „дезорганизованность", все тотъ же „страшный разбродъ", на который съ такой горечью указывалъ авторъ цитированной выше статьи.

„Духовное ядро" раскололось, десятокъ, казалось бы, прекрасно спѣвшихся и сыгравшихся вождей вступили въ самую отчаянную рукопашную и съ остервенѣніемъ „заушаютъ" и „заѣзжаютъ" другъ друга.

Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся, —
Лишь только клочья вверхъ летятъ.

А „руководимые"? Они продолжаютъ пребывать въ твердомъ убѣжденіи, что безъ своихъ „духовныхъ руководителей" они не выберутся „на путь настоящей сильной политической партіи", и вотъ комитеты, одинъ за другимъ, съ усердіемъ достойнымъ лучшей участи, пишутъ челобитныя, въ которыхъ они то „просятъ", то „требуютъ", то „предлагаютъ", чтобы

*) Южный Рабочій № 11 с. 8. Курсивъ нашъ. Эта статья понравилась редакціи „Искры" своей „остроумной" защитой „Что дѣлать?" Ленина.

обломки разбитаго ядра опять спаялись. „Въ этой группѣ они не различали Иванова и Петрова, предъ ними было одно слитое, какъ сталь, цѣлое“. А „Ивановъ и Петровъ“ съ каждымъ днемъ расходятся все больше, пропасть между ними дѣлается все шире. За личными разногласіями начинаютъ обрисовываться все отчетливѣе разногласія идейныя, хотя для борющихся сторонъ они все еще находятся за порогомъ сознанія или только едва переползаютъ черезъ него.

Что же случилось? Что является „всѣхъ бѣдъ причиной“?

Не одинъ мѣсяцъ уже прошелъ со времени съѣзда, не одно произведеніе „подпольной“ и надпольной литературы увидѣло съ тѣхъ поръ свѣтъ, — и мы все еще не дождались ясной и точной формулировки принципіальныхъ — а изъ статей Аксельрода видно, что существуютъ и такія — и организаціонныхъ разногласій, которыя привели къ этому неслыханному расколу.

Организаціонныя разногласія, выяснившіяся еще на съѣздѣ, за исключеніемъ одного изъ нихъ, по вопросу о формулировкѣ перваго пункта устава, разногласія, вопреки Ленину, очень существеннаго, сводятся къ деталямъ, нисколько не измѣняющимъ „субстанцію“ стараго искровскаго организаціоннаго плана. Даже въ 58 №, въ статьѣ, которая, по „свирѣпости“ своихъ полемическихъ ударовъ, далеко оставляетъ за собой однородныя статьи въ „Искрѣ“, Мартовъ все еще утверждаетъ, что „общая основа организаціонныхъ взглядовъ у членовъ редакціи и организаціи „Искры“ была одинакова“.

И если Мартовъ въ этой же статьѣ дѣлаетъ поразительное по своей неожиданности заявленіе, если онъ утверждаетъ теперь, что книга „Что дѣлать“ появилась за личной отвѣтственностью Ленина и, что важнѣе всего, не могла не появиться неподписанной“, то онъ просто забываетъ, что эта книга является развитіемъ и обоснованіемъ неподписанныхъ статей въ „Искрѣ“. Развѣ статьи „Съ чего начать“ и „Вопросы дня“ въ № 4, „Политическій развратъ и экономическое тупоуміе“ въ № 9, Бесѣда съ защитниками экономизма въ № 12, Бесѣда по поводу писемъ читателей“ были подписаны? А статьи „Политическая агитація и классовая точка зрѣнія“ въ № 14 и фельетонъ по поводу письма земцевъ въ № 18 были подписаны?

„Памятливый“ читатель вспомнитъ также „памфлетъ“ Плеханова, направленный противъ меня, въ которомъ сказано, что Ленинъ „всегда дѣйствовалъ въ идейномъ согласіи съ нами“ и статью Аксельрода въ защиту Ленина, какъ автора „Задачъ русскихъ соціальдемократовъ (Искра № 42), гдѣ уважаемый Несторъ русской соціалдемократіи ни однимъ словомъ не обмолвился о глубокой разницѣ между Ленинымъ изъ „Задачъ русскихъ соціалдемократовъ“ и Ленинымъ изъ „Что дѣлать“. Онъ вспомнитъ и статью Мартова „Всегда въ меньшинствѣ“ и его же предисловіе къ „Письму къ товарищамъ пропагандистамъ“. А „заграничники“ вспомнятъ, кромѣ того, и рефератъ Мартова, „направленный противъ „Рабочаго Дѣла“, и по общему отзыву, имѣвшій огромный успѣхъ“ *), тезисы котораго въ свое время циркулировали по всѣмъ заграничнымъ колоніямъ и попадали даже въ Россію.

Забываетъ или все еще не понимаетъ! Иначе, какъ же объяснить то поразительное обстоятельство, что въ редакціонной коллегіи, состоявшей изъ шести человѣкъ, пять человѣкъ допустили, чтобы, въ теченіе всего періода подготовленія съѣзда, безъ всякаго протеста, безъ всякой оговорки, безъ всякаго примѣчанія, печатались названныя выше статьи и циркулировала книга „Что дѣлать?“, которая для всѣхъ русскихъ товарищей являлась лучшимъ обоснованіемъ взглядовъ „Искры“? Или Мартовъ уже забылъ, что пресловутыя посланія о признаніи „Искры“ почти всѣ подчеркиваютъ свою полную солидарность именно съ „Что дѣлать“? Или можетъ быть дѣйствительно правъ авторъ письма Ц. К. въ Тверской комитетъ, что въ редакціи „бралъ верхъ тотъ, кто энергичнѣе отстаивалъ свое мнѣніе“?

Въ брошюрѣ Мартова „Борьба съ осаднымъ положеніемъ“, вышедшей почти одновременно съ 58 № „Искры“, кромѣ все тѣхъ же „полемическихъ красотъ“ противъ Ленина, мы имѣемъ какіе то неясные намеки на какое то „просвѣтлѣніе“, осѣнившее, наконецъ, представителей „меньшинства“. Мартовъ думаетъ теперь, что „иной разъ правъ и Ленинъ, когда утверждаетъ, что мы въ томъ или другомъ вопросѣ отклонились отъ „искровства“ въ специфическомъ смыслѣ“. И въ то же время онъ „не перестаетъ думать, что „Искра“ не

*) См. отчетъ Дейча въ протоколахъ съѣзда Лиги.

была механическимъ соединеніемъ разнообразныхъ элементовъ, что она представляла собою, напротивъ, нѣчто очень цѣльное, „изъ одно о куска вылитое". Видно, что онъ все еще, какъ и Троцкій, боится „запустить руку" въ это „кристаллически цѣльное-цѣлое".

Такъ храмъ разрушенный все храмъ,
Кумиръ поверженный все богъ!

Гораздо рѣшительнѣе Плехановъ. Со свойственной ему „діалектической" внезапностью онъ уже отказался отъ взглядовъ, вѣрнѣе, отказался „терпѣть" взгляды, которые онъ такъ „остроумно" отстаивалъ отъ моего „ортодоксальнаго буквоѣдства". Если бы онъ не засвидѣтельствовалъ въ своихъ статьяхъ силу своего ума и слабость своей памяти, я могъ бы сказать, что онъ, самъ того не замѣчая, запомнилъ нѣкоторыя мѣста моей „никому не нужной" книги. Да и самъ Плехановъ говоритъ, что „новыя" мысли, до которыхъ онъ, конечно, добрался „своимъ умомъ", правда, заднимъ, онъ „думалъ про себя" и прежде, но, вѣроятно, въ силу дипломатическихъ соображеній, простымъ смертнымъ недоступныхъ, считалъ нужнымъ не въ примѣръ такимъ безтактнымъ и прямолинейнымъ буквоѣдамъ, какъ я, „пока что" держать языкъ за зубами. За то теперь „пошло на правду"! И вчужѣ становится страшно за Ленина и „политиковъ". Плехановъ даже дѣлаетъ загадочный намекъ на „какія то печатныя произведенія, пользующіяся у насъ по недоразумѣнію совершенно безупречной репутаціей". Вѣроятно, онъ сдѣлаетъ это въ статьѣ „И въ третій разъ соціализмъ и политическая борьба", которую я съ нетерпѣніемъ жду уже больше года. Поживемъ — увидимъ!

Къ сожалѣнію, новая „эволюція" Плеханова, можетъ быть, именно въ силу своей внезапности, сдабривается такими элементами, которые несутъ на себѣ явную печать оппортунизма, особенно ярко проявившагося въ статьѣ „Чего не дѣлать". Носъ вытащилъ — хвостъ увязъ, хвостъ вытащилъ — носъ увязъ!

Еще рѣшительнѣе Аксельродъ. Но, кромѣ рѣшительности, статьи его отличаются еще качествами, которыхъ мы напрасно будемъ искать въ статьяхъ „съ переодѣваньями" Плеханова. Къ сожалѣнію, указавъ совершенно вѣрно, что партія наша

въ своей практикѣ пережила и переживаетъ періодъ политической ажитаціи, что „классовую борьбу „со всѣмъ буржуазнымъ строемъ" эта практика почти что игнорируетъ и фактически исчерпывается одной только „борьбой съ самодержавіемъ", связанной съ пролетарскимъ ученіемъ лишь социалдемократической фразеологіей", Аксельродъ не понимаетъ или не замѣчаетъ, въ какой тѣсной неразрывной связи эта „практика" находилась съ современной ей „теоріей" или съ „искровствомъ". Для него самого настолько отождествились названія „революціонный соціалдемократъ" и „искровецъ", что ему и въ голову не приходитъ, что можно было быть „искровцемъ" и даже редакторомъ „Искры" и все же находиться на рубежѣ буржуазной демократіи. Вся вина за переживаемый теперь партіей кризисъ сваливается такимъ образомъ на бѣдныхъ „практиковъ". И Аксельродъ приглашаетъ ихъ заняться „вопросомъ о приведеніи нашей практики въ полную гармонію съ принципами, во имя и подъ знаменемъ которыхъ „Искра" и „Заря" вели борьбу съ антимарксистскими тенденціями"!!

И когда онъ рисуетъ намъ „организаціонную утопію теократическаго характера", которую по его словамъ „подготовилъ намъ „періодъ борьбы съ наслѣдіемъ эпохи экономизма", онъ не замѣчаетъ, что эта утопія была уже давнымъ давно готова и съ его же молчаливаго одобренія заражала умы всѣхъ практиковъ.

„Истинная революціонная соціалдемократія въ Россіи, это — редакція Искры. Значитъ, вопросъ о закрѣпленіи побѣдъ революціоннаго соціалдемократизма и объ огражденіи нашей партіи на вѣчныя времена противъ оппортунистическаго или „экономическаго" атавизма рѣшается самъ собою. Верховная власть надъ Партіей должна быть предоставлена въ руки редакціи „Искры", а Ц. К. долженъ быть только коллективнымъ агентомъ этой власти, находиться подъ ея строгой опекой и бдительнымъ контролемъ".*)

Читатель видитъ, что Аксельродъ могъ бы просто цитировать указанную мною статью изъ „Ю. Р". Развѣ это не та самая организаціонная утопія, которую выставилъ Ленинъ въ своей статьѣ „Съ чего начать", а потомъ въ книгѣ „Что дѣ-

*) Фельетонъ П. Аксельрода въ 55 №.

лать?“ „Свѣтское общество, иронизируетъ Аксельродъ, отдается во власть маленькаго духовнаго ордена, который къ тому же, по географическимъ и по инымъ условіямъ, не можетъ даже находиться на территоріи управляемыхъ имъ подданныхъ“. И если онъ теперь смѣется надъ „классической наивностью“ одного изъ комитетовъ, усвоившихъ себѣ принципы, развитые въ статьѣ „Съ чего начать“, то этотъ комитетъ смѣло можетъ ему сказать: врачу, изцѣлися самъ! Гдѣ же были вы со всѣмъ вашимъ теоретическимъ и практическимъ опытомъ?

Кромѣ этого основного недостатка — непониманія тѣсной связи между теоріей „искровства“ съ практикой „искровцевъ“ —статьи Аксельрода, къ сожалѣнію до сихъ поръ не конченныя, страдаютъ еще другимъ недостаткомъ, не менѣе крупнымъ: напуганный, какъ и Мартовъ, опасностью, которая грозитъ русской соціалдемократіи, вслѣдствіе смѣшенія централистической и централизованной организаціи, Аксельродъ ударяется въ противоположную крайность.

Читатель, конечно, пойметъ, почему мы обходимъ молчаніемъ остальную „литературу“, вызванную расколомъ — всѣ эти произведенія Троцкихъ и Павловичей.

Слухъ утомляетъ мнѣ, сплетница, всякою дрянью,
Охъ, насолили мнѣ дрязги и мелочи эти!

Читатель пойметъ также, почему прежде, чѣмъ перейти къ выясненію причинъ этого „вавилонскаго столпотворенія“, гдѣ „своя своихъ не познаша“, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ былъ подготовленъ и созванъ съѣздъ.

II.

Съѣздъ или сговоръ?

„Сравнительная легкость, съ которою О. К. удалось сгруппировать вокругъ себя всѣ дѣйствовавшія подъ знаменемъ нашей партіи силы, служитъ намъ вѣрнымъ залогомъ того, что дѣло, къ которому онъ приступилъ, будетъ доведено до конца.“ Такъ оптимистически смотрѣла на дѣло и та группа, члены которой „смѣли себя считать „настоящими революціонными соціалдемократами“, хотя они расходились съ редакціей „Искры“ не въ одномъ вопросѣ. Большинству этой группы, впервые констатировавшей отступленія редакціи „Искры“ отъ принциповъ революціонной соціалдемократіи, казалось, что самый составъ Организ. Комитета ручается за то, что на съѣздѣ будутъ представлены всѣ соціалдемократическія организаціи. Вѣдь О. К. поставилъ себѣ цѣлью „выработать такую конституцію, которая сдѣлала бы съѣздъ дѣйствительнымъ выразителемъ воли партіи“.

Эта надежда оказалась тоже „разбитой иллюзіей“. Теперь, послѣ протоколовъ съѣзда, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что О. К., говоря словами делегата „Ю. Р.“ Попова, „ничѣмъ не руководилъ: его роль была ролью коммисіи по созыву съѣзда и ролью организатора чисто технической стороны дѣла. Онъ былъ просто коллективнымъ агентомъ „Искры“, исполнителемъ ея велѣній и дѣйствовалъ всегда подъ ея непосредственнымъ руководствомъ“

Первая попытка его проявить свою самостоятельность привела къ немедленному же „разгрому“ его. Такой „ничтожный“ поводъ, какъ приглашеніе „безсильной“ гр. „Борьба“, а затѣмъ предложеніе пригласить съ совѣщательнымъ голосомъ meine Wenigkeit, уже въ началѣ съѣзда, дало поводъ Ленину и Мартову уничтожить или „разгромить“ единственную общепартійную организацію. Самостоятельный актъ О. К. являлся покушеніемъ на непогрѣшимость литературной группы, которая должна была обезпечить всей партіи и „единство взглядовъ“, и „твердость убѣжденій“. Говоря словами Мар-

това, такое предложеніе уже и „по существу было намъ очень непріятно, такъ какъ мы только что, протестуя противъ приглашенія группы „Борьба“, харатеризовали книгу Рязанова, какъ ничего не давшую партіи“. И вдругъ такой пассажъ! *)

Инцидентъ съ группой „Борьба“ вообще очень характеренъ И Мартовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „небольшому столкновенію по ничтожному вопросу суждено было наложить печать на весь ходъ дальнѣйшихъ работъ съѣзда.“

Дѣйствительно, на съѣздѣ Р. С. Д. Р. П. не была допущена группа, большинство членовъ которой состояло изъ товарищей, работающихъ въ партіи съ первыхъ шаговъ ея практической дѣятельности и „провинившихся“ только тѣмъ, что они „смѣли считать себя революціонными соціалдемократами“, хотя расходились съ редакціей „Искры“ въ цѣломъ рядѣ вопросовъ. О. К. и самъ чувствовалъ „неловкость“ своего положенія и, чтобы оправдать себя, мотивировалъ свой поступокъ „разсудку вопреки“ и наперекоръ всѣмъ принципамъ партійной морали. Правда, этотъ актъ О. К. получилъ санкцію всего съѣзда, который „вполнѣ согласился съ мотивировкой О. К.“ и торжественно засвидѣтельствовалъ, что группа „Борьба“ не представляетъ собою особаго теченія въ русской соціалдемократіи“. И когда будущій историкъ опровергнетъ это расходящееся съ истиной заявленіе, онъ прибавитъ, что, конечно, не группа „Борьба“ была виновна въ томъ, что она представляла особое теченіе въ русской соціалдемократіи только потому, что отстаивала принципы международной революціонной соціалдемократіи.

Конечно, чтобы „омерячить“ до такой степени весь съѣздъ, понадобилось сосредоточить все вниманіе его членовъ на личномъ моментѣ. Логика не помогла, оставалось прибѣгнуть къ насилію. Группа не была допущена. А чтобы санкціонировать насиліе, въ ходъ были пущены, — какъ бы это помягче выразиться? — скажемъ „личности“ и „закулисы“. И вотъ, одинъ за другимъ, „стальной щетиною сверкая“, ри-

*) Въ то время, какъ съ совѣщательнымъ голосомъ былъ приглашенъ Кольцовъ, авторъ такихъ цѣнныхъ брошюръ, какъ „Три закона“, О. К. забылъ пригласить на второй очередной съѣздъ партіи Кричевскаго, вмѣстѣ съ Плехановымъ выбраннаго офиціальнымъ представителемъ партіи въ международномъ соціалистическомъ комитетѣ.

нулись противъ отсутствующихъ товарищей „безъ лести преданные“ суздальцы.

„Суздалецъ не посмѣетъ найти свѣтлую точку въ доктринѣ, находящейся почему-нибудь въ опалѣ, но храбрость его граничитъ съ геройствомъ, когда онъ начинаетъ по своему бомбардировать подлежащихъ бомбардировкѣ. Суздалецъ—это заяцъ съ львиной головой. Какой краской тебя съ ногъ до головы вымазать, красной или желтой. „Въ зубы или ручку пожалуйте — вотъ вопросы, постоянно волнующіе суздальца.“ *)

Особенно отличался Троцкій. Не знаю, считывалъ ли онъ и свою „громовую“ рѣчь противъ „Борьбы“ съ записки, посланной ему во время засѣданія Ленинымъ.**) Во всякомъ случаѣ на ней лежитъ явственная печать индивидуальнаго творчества. Съ чисто хлестаковской развязностью, этотъ baladin qui danse sur la phrase, „громилъ“ гр. „Борьба“, за... переметчивость. „Въ этой переметчивости и кроется корень морально-политическаго безсилія „Борьбы“. Но за такое безсиліе не выдаютъ дипломовъ. Оно подлежитъ карѣ. Карой явится отказъ въ приглашеніи на съѣздъ. Такой приговоръ будетъ не только нравственнымъ (sic!) осужденіемъ „Борьбы“, но и предупрежденіемъ всякой группѣ, которая въ интересахъ своей политической карьеры захочетъ просунуть свою групповую физіономію въ ту или иную идейную расщелину, пользуясь трагическимъ положеніемъ партіи“! И нашлись делегаты, — вѣроятно, такіе же „зайцы съ львиной головой“, которые аплодировали этой, скрашенной нравственнымъ паѳосомъ Тартюфа, мѣшанинѣ изъ безсмысленныхъ и трескучихъ фразъ!

Нѣтъ, почтеннѣйшій Балалайкинъ! Этотъ инцидентъ послужитъ предупрежденіемъ, но только въ другомъ смыслѣ! Онъ будетъ напоминать о томъ времени, когда въ партіи роль блюстителей морально-политическихъ принциповъ играли Троцкіе, когда „нравственно карали“ товарищей, отстаивающихъ „догму“ отъ „идейныхъ расщелинъ“, которыя въ ней проводили „духовные руководители“! И будущій историкъ скажетъ, что въ то время,

---

*) Н. Михайловскій.

**) См. курьезное признаніе Троцкаго въ протоколахъ Лиги. Оказывается, что онъ исполнялъ функцію духовной дубины въ могучемъ кулакѣ Ленина! Теперь онъ хлещетъ Ленина „въ зубы“ и приглашаетъ его — знать она сильна! — „устраниться по возможности безъ шума и лишнихъ безпокойствъ“.

когда принципы революціонной соціалдемократіи были „болѣе или менѣе“ забыты, нашлась одна „группка“, которая напоминала партіи о „забытыхъ словахъ“ и указывала, что это забвеніе неминуемо доведетъ ее до „трагическаго положенія“. *)

Но оставимъ всѣхъ этихъ Сорокиныхъ, Кольцовыхъ, Павловичей, Троцкихъ, съ такимъ усердіемъ занимавшихся морально-политическимъ самооплевываніемъ. Мы коснемся только тѣхъ обвиненій, которыя имѣютъ хотя бы тѣнь правдоподобія.

Вопреки утвержденію Мартова, которому опять измѣнила его прекрасная память, члены гр. „Борьба“ не переходили изъ организаціи въ организацію, нигдѣ не уживаясь. Нѣкоторые изъ нихъ были членами бывшаго Союза — и только. Изъ организаціи „Искры“ они никогда не выступали, потому что никогда не входили въ нее. Что они имѣли вполнѣ достаточныя основанія не вступать въ Лигу при ея старомъ уставѣ, пойметъ теперь всякій уважающій себя товарищъ, который дастъ себѣ трудъ познакомиться съ этимъ уставомъ. Что они не могли остаться сотрудниками „Искры“ и „Зари“, разъ имъ не была обезпечена возможность высказывать свое „особое мнѣніе“ — ясно не только для представителей теперешняго „меньшинства“. Что группа „Борьба“ имѣла принципіальныя отличія при самомъ своемъ выступленіи, не могли не видѣть только люди совершенно беззаботные на счетъ теоріи, хотя у самаго Ленина они могли читать, что „отъ упроченія того или другого „оттѣнка“ можетъ зависѣть будущее россійской соціалдемократіи на много и много лѣтъ“.**) Уже въ „Объявленіи объ изданіяхъ гр. „Борьба“ было указано, что „организаціонный планъ“ „Искры“ не имѣетъ ничего общаго ни съ какой „ортодоксіей“, что, по скольку онъ развитъ въ статьѣ „Съ чего начать“, это планъ совершенно фантастическій, разсчитанный на такой періодъ революціон-

---

*) Что касается до обвиненія группы „Борьба“, въ томъ, что она дѣйствовала „въ интересахъ своей политической карьеры“, то отвѣчать на такую низкую и гнусную инсинуацію значило бы опускаться до морально-политическаго уровня Троцкихъ. Будемъ надѣяться, что нравственная атмосфера партіи будетъ, наконецъ, дѣйствительно очищена и что будетъ разъ на всегда положенъ конецъ распространенію завѣдомо-ложныхъ инсинуацій, имѣющихъ цѣлью опорочить политическую репутацію какого нибудь товарища.

**) Ленинъ, „Что дѣлать?“, стр. 15.

наго движенія, когда оно находится еще въ зародышѣ, когда дѣло идетъ о собираніи и сплоченіи отдѣльныхъ сочувствующихъ другъ другу личностей, а не о слитіи или соединеніи уже дѣйствующихъ организацій. *) Въ томъ же самомъ объявленіи указывалось, что, „пренебрегая дѣломъ организаціи пролетаріата, предоставляя его въ исключительное вѣдѣніе „экономистовъ" различныхъ толковъ, революціонная соціалдемократія тѣмъ самымъ способствовала бы, хочетъ ли она этого или нѣтъ, укрѣпленію и развитію тѣхъ условій, при которыхъ рабочій классъ можетъ подпасть подъ политическое вліяніе несоціалистическихъ или даже враждебныхъ соціализму элементовъ". Отмѣчено было также принципіальное отличіе по аграрному вопросу. Вѣрно только одно: при своемъ выступленіи група не указала на свои програмныя отличія. Это объясняется тѣмъ, что тогда эти отличія не могли еще быть „отличіями". Для этого нужно было, чтобы „Искра" отступила отъ „догмы". И гр. „Борьба" уже объяснила, что она не выступила бы съ особеннымъ проектомъ програмы, если бы, къ ея вящшему изумленію — то же разбитая иллюзія! — не оказалось, что „Искра" избороздила старую програму „идейными расщелинами", въ которыя „болѣе или менѣе" проваливались основные принципы „догмы".

И опять таки, вопреки увѣреніямъ Мартова и Троцкаго, група „Борьба", никогда не выступала „примирительницей" и всегда энергично протестовала противъ всякихъ компромисовъ на почвѣ принциповъ".**) Точно также група „Борьба" никогда и нигдѣ не обвиняла „Искру" въ преувеличиваніи разногласій, а въ своемъ летучемъ листкѣ она утверждала лишь, что „такіе планы", какъ развитый въ „Что дѣлать?", могутъ только поддерживать и укрѣплять нашу разъединенность и уже въ своемъ объявленіи рѣшительно высказалась противъ

*) Мы ниже встрѣтимся еще съ аналогичнымъ планомъ Аксельрода, выставленнымъ имъ въ началѣ 90-хъ годовъ.

**) „Какъ бы ни было важно объединеніе, никогда не надо забывать, что объединеніе, купленное цѣною принципіальныхъ сдѣлокъ, очень ненадежно. Въ компромисѣ закрѣпляется цѣлый рядъ явленій уже отживающихъ. Такимъ образомъ, только искусскуственно удлиняется жизнь всякихъ отжившихъ принциповъ. Объединеніе, являющееся результатомъ принципіальныхъ уступокъ, можетъ только задержать ростъ партіи". Н. Рязановъ, Новая программа „Рабочаго Дѣла", стр 49.

попытки Мартова зачислить въ ряды оппортунистовъ всѣхъ товарищей, не соглашавшихся съ тѣмъ, что планъ Ленина единственно ортодоксальный планъ, хотя эти товарищи „принципіально расходились съ представителями экономическаго направленія“. *)

На съѣздѣ такимъ образомъ почти безгранично господствовала „Искра“. Хотя конституція, выработанная О. К., исключала императивные мандаты, громадное большинство делегатовъ было связано „присягою“. Такъ какъ для О. К. понятія „революціонная соціалдемократія“ и „Искра“ были синонимами, а объединеніе партіи могло быть достигнуто только путемъ объединенія вокругъ этой литературной группы, которая должна была дать партіи „единство взглядовъ“ и „твердость убѣжденій“, то О. К. усердно продолжалъ уже начатое „Искрой“ собираніе „рукоприкладствъ“. Страстно жаждая объединенія, желая такъ или иначе положить конецъ дезорганизованности партіи, водворить „порядокъ“ въ „великой и обильной землѣ нашей“, комитеты одинъ за другимъ въ болѣе или менѣе приличной формѣ „присягали“ своимъ будущимъ „духовнымъ руководителямъ“. „Этимъ признаніямъ „Искры“ комитетами, говоря словами одного изъ „твердыхъ“ искровцевъ, не могло помѣшать и не помѣшало плохое или даже полное незнакомство съ ея програмой, ибо признаніе касалось области выражаемыхъ „Искрой“ принципіальныхъ, так-

---

*) Доказательство „переметчивости“ гр. „Борьба“ Троцкій видитъ въ томъ, что я назвалъ Мартова „типичнымъ экономистомъ“. Самого Мартова это привело въ такое „раздраженіе“, что онъ любезно окрестилъ меня „Іудой“. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы успокоить его. Типичнымъ экономистомъ я считалъ автора „Рабочее дѣло въ Россіи“. И таковымъ я считаю его и теперь, какъ считалъ и тогда, когда цитировалъ его брошюру въ своей статьѣ въ Зарѣ (№ 1), въ той самой статьѣ, въ которой „Искра“ „выступила съ прямо полемикой противъ „Рабочаго Дѣла“. Мартова я считалъ до послѣдняго времени типичнымъ „политикомъ“. И если я его теперь не считаю такимъ, то только потому, что, бывши послѣдовательно типичнымъ „экономистомъ“ и типичнымъ „политикомъ“, онъ теперь переживаетъ новую эволюцію, для меня еще не выяснившуюся. И рискуя опять попасть въ „Іуды“, я долженъ заявить, что, хотя въ новомъ изданіи своей брошюры Мартовъ устранилъ указанныя мною „отступленія“, все таки брошюра носитъ явственные слѣды своей „исторіи“. „Экономизмъ“ нельзя исправить механической примѣсью „политики“.

тическихъ и общеорганизаціонныхъ идей русской соціальдемократіи". Комитеты, „призывали" и, пламенѣя „товарищескимъ довѣріемъ", о которомъ такъ краснорѣчиво писалъ въ новомъ евангеліи русскихъ соціалдемократовъ Ленинъ, такали не хуже тѣхъ головотяповъ, которые искали себѣ князя.

„Ладно. Володѣть вами я желаю, — сказалъ князь. — а чтобъ идти къ вамъ жить — не пойду! А вотъ посылаю къ вамъ за мѣсто меня, самаго этого агента. Пущай онъ вами дома правитъ, а я отсель и имъ, и вами помыкать буду!

Понурили головотяпы головы и сказали:

— Такъ!

— И будете вы платить мнѣ дани многія, — продолжалъ князь. — Когда же пойду па войну — и вы идите! А до прочаго вамъ ни до чего дѣла нѣтъ!

— Такъ! отвѣчали головотяпы.

— И тѣхъ изъ васъ, которымъ ни до чего дѣла нѣтъ, я буду миловать; прочихъ-же всѣхъ казнить.

— Такъ! отвѣчали головотяпы.

Была, правда, разница. Наши комитеты „впередъ глядѣли безъ боязни". Вмѣстѣ съ „Южнымъ Рабочимъ" они были убѣждены, что „вопросъ совершенно не въ томъ, будетъ ли хорошо поставлено дѣло на Обуховскомъ заводѣ или въ Кіевѣ и Екатеринославѣ"*), а въ томъ, чтобы имѣть „князей", которые помогутъ имъ „выбраться" на путь настоящей сильной политической партіи. А такіе „князья" были, и все у нихъ было, какъ „на ладони".

Что же удивительнаго, что О. К., исполнивъ свою задачу „своза" делегатовъ, совершенно не позаботился о мало мальски раціональной организаціи съѣзда. Ни по одному вопросу не было приготовлено рефератовъ, которые могли бы служить для ознакомленія членовъ съѣзда съ положеніемъ даннаго вопроса. Да и для чего нужны были эти рефераты, что нужно было еще доказывать, когда всѣ на всемъ уже заранѣе согласились? Всякая попытка обсужденія какого либо вопроса встрѣчалась ропотомъ большинства: она только напрасно отнимаетъ время у съѣзда. „Для чего оттягивать изъ-за формалистики? Всѣ согласны приблизительно во

*) „Южный Рабочій", № 11.

всемъ. Этотъ вопросъ ясенъ“ *) Schwamm drüber! А одинъ изъ „духовныхъ руководителей“, Мартовъ, ставитъ даже на видъ „огромныя неудобства превращать съѣздъ въ ученыя засѣданія“!

По той же самой причинѣ, вопреки всѣмъ правиламъ логики, извращенъ былъ весь порядокъ съѣзда и въ первую голову попадаетъ пунктъ „Мѣсто Бунда въ Р. С. Д. Р. П.“ Почему? Да просто потому, что это была единственная сильная организація, вносившая дисгармонію въ стройное единогласіе присягнувшихъ „Искрѣ“ делегатовъ.

Вся атмосфера съѣзда пропитывается специфическимъ душкомъ, такъ часто вѣявшимъ со страницъ „Искры“. Горинъ напр. великодушно отказывается „допытываться, для чего Мартынову нужно было цитировать безконечно Маркса, Энгельса, Каутскаго, и т. д. и т. д.“ Поповъ вызываетъ аплодисменты, приписывая Акимову пошлые мотивы. Когда приступили къ „распущенію“ допущенныхъ и даже не допущенныхъ группъ, Русовъ, съ вполнѣ похвальной откровенностью, высказалъ, чѣмъ руководились въ этомъ дѣлѣ делегаты: „Южный Рабочій“ совершенно опредѣленно заявилъ въ свое время о полной солидарности съ „Искрой“. Поэтому вопросъ о „Южномъ Рабочемъ“ немного щекотливѣе“! А предсѣдатель „предлагаетъ не употреблять такихъ выраженій (дѣло идетъ о ругательствахъ) по адресу товарищей по партіи, хотя бы и отсутствующихъ“!**)

Одиимъ словомъ вся, полезная работа, которая можетъ и должна быть произведена партійнымъ съѣздомъ, заранѣе сводилась на нѣтъ. Съѣздъ ничего не долженъ былъ вырабатывать, онъ долженъ былъ только санкціонировать и утверждать. И вполнѣ понятно негодованіе Ленина, который такъ сердился на всякія проволочки, чинимыя несогласно мыслящими элементами.

Но, не смотря на различныя „подсиживанія“, съѣздъ, вѣроятно, кончился бы вполнѣ „благополучно“, если бы вдругъ не всплыло наружу одно обстоятельство: оказалось, что то самое „духовное ядро“, объединеніе вокругъ котораго должно

---

*) Слова Костича.

**) Воронежскій комитетъ не былъ допущенъ только потому, что велъ агитацію противъ „Искры“.

было обезпечить партіи „твердость убѣжденій и единство взглядовъ", къ вящшему изумленію всѣхъ делегатовъ, внезапно раскололось. Треснулъ и развалился на части камень, на которомъ должна была быть воздвигнута будущая партія. „Въ датскомъ царствѣ что-то гнило"!

„Цѣлость литературной группы, сплотившей (?!) партію,—говорилъ Мартовъ на съѣздѣ Лиги, ergo уже послѣ раскола, — была основной гарантіей устойчивости партійнаго направленія въ нашихъ условіяхъ, когда оторванность партіи отъ непосредственнаго общенія съ развивающимся пролетаріатомъ и внѣшнія препятствія создаютъ благопріятную почву для всякихъ шатаній. Это было частью моего — и всей „Искры" — символа вѣры, и тотъ, кто хотѣлъ отъ него отказаться, долженъ былъ прямо и ясно сказать это".

Трудно дать болѣе яркое выраженіе того Personencultus, который съ самаго начала пропитывалъ всю организацію „Искры" и такъ часто придавалъ дѣятельности ея „агентовъ" религіозно-сектантскій характеръ. Вмѣсто того, чтобы искать средства, которыя помогли бы сблизить и связать партію съ развивающимся пролетаріатомъ, всей партіи и пролетаріату выдавалось свидѣтельство въ соціалдемократической неблагонадежности, и они отдавались подъ гласный надзоръ или, говоря словами Аксельрода, „во власть маленькаго духовнаго ордена, который къ тому же, и по географическимъ и по инымъ условіямъ, не можетъ даже находиться на территоріи управляемыхъ имъ подданныхъ." *)

Партію приглашали объединяться не вокругъ данныхъ принциповъ, въ основу организаціи клалась не постоянная

*) А Аксельродъ считаетъ эту утопію результатомъ борьбы съ экономизмомъ! Данъ, по увѣренію Мартова, не менѣе компетентный по вопросу объ опредѣленіи искровскихъ вглядовъ, чѣмъ Ленинъ, пишетъ въ своемъ письмѣ противъ послѣдняго: „Можемъ-ли мы поддерживать такое положеніе дѣлъ, которое связываетъ всю судьбу партіи и, слѣдовательно, судьбу русскаго пролетаріата и русской свободы съ судьбой одного лица, какъ бы мы ни вѣрили въ его умъ, талантъ и энергію?" Но ее, конечно, можно связывать съ судьбой данной литературной группы, состоящей изъ нѣсколькихъ лицъ! Или можетъ быть „символъ вѣры" настоящихъ „искровцевъ" признаетъ только троицы? Къ любопытному письму Дана мы еще вернемся ниже.

провѣрка (постоянный контроль) на оселкѣ данныхъ принциповъ (программы) всѣхъ выбранныхъ и отвѣтственныхъ предъ партіей лицъ, которыя выбирались бы и смѣщались партіей, смотря по тому, на сколько точно они являются выразителями и защитниками данныхъ принциповъ. Нѣтъ.

Принципы (программа) принимались со стороны „компактнаго большинства" безъ всякой провѣрки просто потому, что они были выставлены этими лицами.

Партію приглашали объединиться вокругъ данныхъ лицъ, которыя одни только, по убѣжденію Мартова и всѣхъ делегатовъ, являлись „основной гарантіей устойчивости партійнаго направленія" и, давъ партіи „твердость убѣжденій" и „единство взглядовъ" обезпечили бы ее отъ „всякихъ шатаній". Въ основу партійной организаціи клалось одно только довѣріе, и всякая мысль о провѣркѣ, о контролѣ казалась нашимъ новоявленнымъ славянофиламъ въ соціалдемократическомъ облаченіи насиліемъ надъ свободнымъ самоопредѣленіемъ той самой редакціи, которая, говоря словами Аксельрода, была воплощеніемъ истинной революціонной соціальдемократіи.

И когда делегаты, исходя изъ этого твердаго убѣжденія, связали себя признаніемъ „Искры", какъ таковой, они не могли не попасть въ тупой переулокъ, какъ только въ самой редакціи обнаружились разногласія. Принципіальныя разногласія, уже бывшія въ редакціи, но „вгонявшіяся внутрь" въ силу указаннаго Мартовымъ символа вѣры, вдругъ прорвались. Дѣло сводилось такимъ образомъ къ тому, кто прежде откажется отъ „символа вѣры", кто прежде „осмѣлится"? Опираясь на признаніе Ц. О.—„Искры" и вполнѣ справедливо считая себя наиболѣе яркимъ выразителемъ ея направленія, Ленинъ „осмѣлился" первый. И нужна не малая степень политической наивности, воспитанной въ душной атмосферѣ маленькихъ „духовныхъ орденовъ", чтобы видѣть въ этомъ актѣ не логическое послѣдствіе всего положенія, созданнаго нѣсколькими годами искровской пропаганды, а личную злокозненность Ленина.

И если бы старая „Искра" не пріучила свою „паству" искать за принципіальными разногласіями непремѣнно личныя, если бы эта „паства" не привыкла отождествлять всѣхъ своихъ „духовныхъ руководителей", она сейчасъ бы замѣтила за личными разногласіями въ средѣ редакціи

принципіальныя, и мы были бы избавлены отъ компрометирующихъ партію сценъ на съѣздѣ и отъ неменѣе компрометирующей партію полемики послѣ съѣзда.

Въ группѣ, которая должна была избавить партію отъ шатаній, оказались „шатающіеся“ элементы. Партіи грозила опасность. И вотъ одни делегаты, не считавшіе возможнымъ опредѣлить, что „въ томъ стройномъ и кристаллически-цѣльномъ цѣломъ, какимъ была „Искра“, явилось созданіемъ того или другого, настаиваютъ на сохраненіи старой редакціи цѣликомъ, а другіе, вмѣстѣ съ Павловичемъ считавшіе это возможнымъ, рѣшили выбросить за бортъ всѣхъ „шатающихся“, чтобы обезпечить партіи „твердость убѣжденій“ и „единство взглядовъ“. Одни оказались „мягкими“.

„Шли головотяпы домой и воздыхали. „Воздыхали, не ослабляючи, вопіяли сильно!“, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. „Вотъ она, княжеская правда какова,“ говорили они. И еще говорили: „такали мы, такали, да и протакали.“

А другіе оказались „твердыми“. При крикахъ „громъ побѣды раздавайся“, какъ и подобаетъ вѣрнымъ Россамъ, они создали единую и нераздѣльную партію, обезпечили ей „твердость убѣжденій“ и „единство взглядовъ“ и на вѣчныя времена спасли ее отъ дезорганизованности! И, въ видѣ символа, на знамени своемъ нарисовали „ироническій“ всеспасающій искросыпительный кулакъ! Симъ побѣдиши!

III.

Обезпамятѣвшіе марксисты.

Теперь, когда мы знаемъ, какъ созванъ былъ съѣздъ, не трудно отвѣтить, на вопросъ: что могъ дать такой съѣздъ? Ровно ничего, что оправдывало бы его созывъ или „свозъ". И мы вполнѣ понимаемъ тѣхъ „твердыхъ" — тверже мѣди! — „искровцевъ", которые считали съѣздъ простой формальностью. Они разсуждали, какъ достопочтенный Кольцовъ, по старому рецепту Омара. Если делегаты могли бы сказать что нибудь новое, то оно несомнѣнно было бы невѣрно, а все вѣрное, что они могли бы сказать, было бы не ново, т. е. повтореніемъ того, что уже все равно сказала „Искра".

„Вполнѣ отрицая съѣздъ, какъ органъ созидающій и санкціонирующій Ц. К., мы допускаемъ созывъ лишь такого съѣзда, (если „Искра" и О. К. признаютъ это цѣлесообразнымъ), который „формально закрѣпитъ" то, что создано усиліями О. К., съ помощью всей россійской истинно революціонной соціалдемократіи". И подъ „формальнымъ закрѣпленіемъ" они понимали „рядъ совмѣстныхъ обсужденій и распредѣленіе Ц. К. силъ и функцій между представленными организаціями... Не болѣе!" *) И въ самомъ дѣлѣ: чего же больше! „Искрѣ" —функцію распредѣленія функцій, а „представленнымъ организаціямъ" — предоставить различныя функціи, конечно, по системѣ порученій.

„Съѣздъ долженъ былъ радикально ликвидировать пассивы, оставленные предшествовавшими періодами. Для этого ему необходимо было бы ясно опредѣлить тѣ задачи, которыя объединненая партія должна будетъ преслѣдовать и намѣтить тѣ пути, которыми она должна ихъ осуществлять. Дѣло съѣзда было также выработать директиву или указанія центральнымъ учрежденіямъ на счетъ предварительныхъ работъ, необходимыхъ для подготовленія партіи къ расширенію круга

*) Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ (Письмо въ Искру") № 50.

ея задачъ и арены дѣятельности. Но ничего подобнаго сдѣлано не было“, съ горечью прибавляетъ Аксельродъ. Tu l'as voulu, Georges Dandin, tu l'as voulu! можемъ мы только сказать тѣмъ „мягкимъ“—мягче воска!—искрякамъ, которые смотрятъ теперь съ такимъ уныніемъ на свое „разбитое корыто“.

И когда Аксельродъ прибавляетъ, что съѣздъ удовлетворился только обсужденіемъ и утвержденіемъ программы, выработкой устава и выборомъ членовъ въ Ц. О. и Ц. К., то мы можемъ спросить его: а для чего другого созывался этотъ съѣздъ? Пусть онъ посмотритъ въ порядокъ дня, выработанный „Искрой“ и О. К. Найдетъ ли онъ въ немъ хоть какое нибудь указаніе на необходимость „ясно опредѣлить“ задачи будущей партіи? Когда въ своей „никому не нужной“ книгѣ я сдѣлалъ именно эту попытку, *) одна мысль о томъ, что слѣдуетъ подвергнуть пересмотру постановку этихъ задачъ, какъ онѣ были формулированы „Искрой“, казалась „омеряченнымъ“ искрякамъ исчадіемъ самого зловреднаго оппортунизма.

Въ результатѣ: протоколы съѣзда, опубликованіе которыхъ можно было бы привѣтствовать еще больше, если бы они были лучше редактированы, имѣютъ теперь значеніе только, какъ показатель степени развитія, которой достигли элементы, руководимые „Искрой“, и не имѣютъ никакого значенія для громаднаго большинства членовъ партіи, какъ комментарій и руководство въ основныхъ вопросахъ тактики и программы. И для „искровскаго“ съѣзда очень характерно то обстоятельство, что особенно быстро была „отдѣлана“ теоретическая часть программы, конечно, изъ боязни превратить засѣданія съѣзда въ ученыя засѣданія „педантовъ“ и „буквоѣдовъ“!

Достаточно напомнить, какъ принялся за такое же дѣло первый съѣздъ, чтобы видѣть, какъ шагнули мы впередъ какъ разъ въ тотъ періодъ развитія русской соціалдемократіи, когда ея литература вела „исчерпывающую“ теоретическую борьбу со всякими порожденіями голаго практицизма.

Первый съѣздъ ставилъ себѣ задачей выработать программу. Для этого каждый депутатъ долженъ былъ доста-

*) Плехановъ тоже просмотрѣлъ, что моя брошюра посвящена „проекту программы „Искры“ и задачамъ русскихъ соціалдемократовъ“.

вить проэктъ програмы. Теоретическія посылки и практическіе выводы изъ нихъ должны были быть выражены въ ясныхъ, краткихъ выраженіяхъ. Каждое изъ послѣднихъ должно было быть отдѣльно обосновано и образцомъ должна была служить эрфуртская програма. *)

Второй съѣздъ во всемъ этомъ не нуждался. Все было готово. Ничего не понадобилось вырабатывать. Нужно было только санкціонировать.

Посмотримъ же, что утвердилъ съѣздъ, къ чему онъ совершилъ „рукоприкладство"?

Съѣздъ принялъ програму, предложенную редакціей „Искры", вѣрнѣе, санкціонировалъ ея принятіе, фактически имѣвшее мѣсто до съѣзда. **)

Особенное, прямо трогательное единодушіе проявили члены съѣзда, когда утверждали теоретическую часть програмы.

Духовные руководители, забывъ азбуку марксизма, споткнулись на самомъ „порогѣ" програмы и, вслѣдъ за своимъ бывшимъ соратникомъ П. Струве, декретировали, что международный характеръ рабочаго движенія создается въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ обмѣна, — и добродушные делегаты сейчасъ же откликнулись: такъ, точно такъ!

И если теперь наши „практики" въ своихъ спорахъ съ размножившимися у насъ брентанистами — всѣми этими Озеровами, Денами, Вормсами и tutti quanti—будутъ указывать на второстепенное значеніе обмѣна, если они будутъ доказывать, что именно развитіе и распространеніе капиталистическаго способа производства связываютъ всѣ отдѣльныя капиталистическія страны въ одинъ цѣлостный капиталистическій организаціи, то наши струвисты, брентанисты и т. д. и т. д. смогутъ сказать имъ: посмотрите въ свою програму — большую уступку Брентано вы сдѣлать не могли!

„Духовные руководители", какъ кошмаромъ терзаемые призракомъ автора „дрянной книжонки", декретировали, чтобы

---

*) См. Матеріалы для исторіи перваго съѣзда въ сборники Г. А. Куклина: „Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за 40 лѣтъ".

**) Могъ же Ленинъ за нѣсколько мѣсяцевъ до съѣзда писать комментарій къ программѣ „Искры" на томъ основаніи, что она уже пр нята большинствомъ комитетовъ и слѣдовательно является какъ бы партійной программой?

разъ на всегда избавиться отъ всякихъ „недоразумѣній“, слѣдующее „болѣе или менѣе“бернштейніанское положеніе: „Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть ихъ въ пролетаріевъ, съуживая роль остальныхъ въ общественно-экономической жизни, и мѣстами ставя ихъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала“ — и „руководимые“, какъ одинъ человѣкъ, крикнули: такъ, точно такъ!

И если какой нибудь „практикъ“ въ спорахъ съ нашими бернштейніанцами, настоящими и будущими, скажетъ вслѣдъ за Плехановымъ: „Въ самомъ дѣлѣ, если современный капитализмъ... не ведетъ съ одной стороны къ концентраціи капиталовъ въ немногихъ рукахъ и съ другой къ пролетаризаціи массъ все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ, если это такъ, то спрашивается, почему должны расти духъ недовольства, революціонное настроеніе среди рабочаго класса, почему долженъ развиваться антагонизмъ среди рабочаго класса, почему должны обостряться классовыя противорѣчія?“ *) — противники скажутъ ему: загляните въ свою программу, и вы увидите, что вы обобщаете явленія, которыя происходятъ только „мѣстами“, что вы сгущаете краски, говоря о пролетаризаціи массъ все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ тамъ, гдѣ въ пролетаріевъ превращается только часть самостоятельныхъ производителей, а остальные становятся только въ болѣе или менѣе полную (и еще два раза — болѣе или менѣе) зависимость отъ капитала!

„Духовные руководители“, поощряемые примѣромъ Плеханова, уже успѣвшаго забыть, но „своимъ умомъ“ все еще

*) См. рѣчь Плеханова, протоколы съѣзда, стр. 128. Плехановъ очень всесторонній человѣкъ и состоитъ изъ одной, изъ другой, изъ третьей и т. д. и т. д. сторонъ, смотря по настроенію. Такъ, рисуя положеніе крестьянъ на Западѣ, онъ говоритъ: „Расширеніе области господства капиталистическихъ отношеній дѣлаетъ положеніе мелкаго производителя, — какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи, — все болѣе и болѣе непрочнымъ, зависимымъ и тажелымъ“ См. „Пролетаріатъ и крестьянство на Западѣ“, „Искра“ № 33. Конечно, Россія — не Западъ!

не постигающаго разницы между цѣной труда и цѣною рабочей силы, забыли также разницу между количествомъ рабочей силы и количествомъ живаго труда, которое можно выколотить изъ этихъ рабочихъ силъ, и декретировали тождество послѣднихъ двухъ понятій — и „руководимые", не моргнувъ даже глазомъ, грянули: такъ, точно такъ!

И если „практики" будутъ теперь доказывать, что техническій прогрессъ нисколько не уменьшаетъ потребность предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ, что, наоборотъ, именно техническій прогрессъ позволяетъ предпринимателямъ удовлетворять ихъ всегда растущую жажду въ живомъ трудѣ рабочихъ, путемъ усиленной эксплуатаціи того же самаго или даже уменьшеннаго количества рабочихъ силъ, что такимъ образомъ они получаютъ возможность увеличивать долю постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго, что все это ведетъ къ увеличенію резервной арміи, а слѣдовательно къ пониженію заработной платы — противникамъ достаточно будетъ указать „практикамъ" на тотъ пунктъ программы, который доказываетъ, что техническій прогрессъ приводитъ „къ относительному уменьшенію потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ!!

„Духовные руководители", вмѣстѣ съ Плехановымъ кстати и не кстати говорящіе о діалектикѣ — увы! словъ, а не идей и фактовъ — наградили русскую соціалдемократію „метафизической" характеристикой буржуазнаго общества, — и „руководимые" безпрекословно гаркнули: такъ, точно такъ!

И „практикамъ" теперь придется доказывать, что въ Россіи „самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ", что „огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ"!

„Духовные руководители", „болѣе или менѣе" уподобляясь Рошерамъ и Виртамъ, съ удивительной многосторонностью и обстоятельностью указали, что „болѣе или менѣе острые промышленные кризисы, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя" вызываются уменьшеніемъ спроса на рабочую силу и увеличеніемъ зависимости наемнаго труда отъ капитала, т. е. забывъ differentia specifica Марксовской теоріи кризисовъ, повторили Родбертусовскую теорію въ обработкѣ Бернштейна — и „руководи-

мые" забили въ литавры и откликнулись: такъ, точно такъ.

И когда „практики" будутъ доказывать, что какъ бы ни увеличивали заработную плату рабочихъ, какъ бы ни уменьшалась зависимость наемнаго труда отъ капитала, капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ такія условія, при которыхъ временное сравнительное благосостояніе рабочаго класса только является буревѣстникомъ кризиса, — противникамъ придется лишь указать на програму и пресловутый комментарій Плеханова.

И также охотно, съ такой же готовностью, „руководимые" такали, когда „духовные руководители" то заикались, декретируя сначала „относительное или даже абсолютное", а послѣ „относительное, а иногда даже абсолютное ухудшеніе положенія рабочаго класса", то вслѣдъ за Мильераномъ и Жоресомъ пичкали програму повтореніемъ на всякіе лады словъ „конечная цѣль"!

А надъ всей этой теоретической нелѣпицей невидимо парилъ духъ автора „дрянной книжонки", съ торжествомъ уже взвѣшивавшаго шансы, которые даетъ новая программа русскихъ „строптивыхъ" соціалдемократовъ для новаго, еще болѣе рѣшительнаго, похода противъ Эрфуртской программы.

„Въ какое умиленіе придетъ авторъ „дрянной книженки", когда прочтетъ это „гибкое" положеніе! Какое ликованіе начнется въ лагерѣ бернштейніанцевъ, когда они узнаютъ, что подъ этимъ самымъ положеніемъ подписался одинъ изъ самыхъ видныхъ теоретиковъ научнаго соціализма, одинъ изъ самыхъ „строптивыхъ" защитниковъ ортодоксіи — Г. В. Плехановъ! Нашего полку прибыло!"

Такъ писалъ я больше года тому назадъ, когда „по соображеніямъ — Плехановъ очень проницательный человѣкъ — не имѣющимъ ничего общаго съ задачами соціалдемократической програмы", придирался, какъ слѣдуетъ „буквоѣду" къ „нашей" „болѣе или менѣе" нелѣпой програмѣ *).

*) Свои статьи противъ моего „ортодоксальнаго буквоѣдства" Плехановъ кончаетъ слѣдующей цитатой: „Не послѣдняя и сія причина къ несогласію, — писала однажды галантная императрица, — что нѣкоторые порочатъ дѣла другихъ, хотя бы они и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, хотя сами однако же ихъ никогда не сильны сдѣлать". И Плехановъ съ галантностью, неуступающей галантности Екатерины II, прибав-

Я ошибся. Я думалъ, что Бернштейнъ „учтетъ" свою побѣду на страницахъ „Dokumente des Socialismus" но онъ предпочелъ праздновать ее на страницахъ „Socialistische Monatshefte"

Статья Бернштейна носитъ зловѣщее названіе—„Ein Vorwort zur Programmrevision" т. е. предисловіе къ пересмотру программы". Я очень жалѣю, что не могу привести здѣсь эту статью цѣликомъ. Она лишній разъ показала бы нашимъ товарищамъ, какъ важны обязанности, налагаемыя на насъ международнымъ характеромъ нашего движенія. Всякая уступка, сдѣланная бернштейніанству въ своей странѣ, является измѣной по отношенію къ международной „ортодоксіи" и служитъ лишь на руку оппортунизму.

Такъ авторъ „дрянной книжонки" тѣмъ энергичнѣе предпринимаетъ дѣло пересмотра Эрфуртской программы, что „пункты, которые онъ подвергъ критикѣ въ Эрфуртской программѣ, въ новыхъ программахъ, принятыхъ различными иностранными партіями, либо совсѣмъ выпущены, либо выражены въ значительно ослабленной формѣ"...

„И съ этой точки зрѣнія, говоритъ онъ, не смотря на доставленное ими всѣми мнѣ удовлетвореніе, ни новая программа австрійской соціалдемократіи, ни программа венгерской не обрадовали меня такъ сильно, какъ проэктъ программы русскихъ марксистовъ искровскаго направленія. Послушайте только, какъ эта группа, для которой пишущій эти строки является отверженнымъ изъ отверженныхъ, говоритъ о судьбѣ среднихъ слоевъ, которые по словамъ Эрфуртской программы, просто гибнутъ".

Давъ переводъ того абзаца, который я привелъ выше, Бернштейнъ продолжаетъ: „Трудно выразиться болѣе корректно, болѣе осторожно. Самый націоналъ-либеральный нѣмецкій профессоръ политической экономіи ни на секунду не поколебался бы подписать этотъ тезисъ, если бы онъ ему былъ предложенъ. Заключеніе съ тремя „болѣе или менѣе", быть

ляетъ: „Вотъ такъ и Рязановъ. Мнѣ сдается, что нашъ проектъ не нравится ему именно потому, что не имъ сдѣланъ". Плехановъ, при своей слабой памяти, забылъ, конечно, кто были эти „нѣкоторые". Не напомнить ли вамъ, мой галантный возражатель? А пока оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ „галантной" императрицы. Я предпочитаю „общество нѣкоторыхъ".

можетъ, покажется ему черезъ чуръ расплывчатымъ (Schvammig) но черезъчуръ расплывчатое все таки лучше, чѣмъ черезъ чуръ аподиктическое положеніе, оно ни при какихъ условіяхъ не можетъ компрометировать. На „болѣе или менѣе" можно присягнуть что угодно. Въ проектѣ программы самаго аподиктическаго крыла русской соціалдемократіи такія „болѣе или менѣе" и тому подобныя вовсе не аподиктическія выраженія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ изображается экономическое развитіе. И, говоря правду, мы далеки отъ того, чтобы серьезно порицать употребленіе такихъ осторожныхъ выраженій, и въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ мы можемъ только одобрить ихъ. Конечно, указанныя ограниченія не всюду умѣстны. Программа, въ которой они изобилуютъ, въ состояніи вызвать только насмѣшки. Нужно при этомъ строго отличать законы тенденціи и ихъ результаты".

Жаль, очень жаль, что Бернштейнъ не указалъ, какія именно положенія искровской программы пересаливаютъ въ сторону расплывчатости. Конечно, что „врагъ совѣтуетъ, то вѣрно худо", какъ любитъ повторять Плехановъ, но еще хуже то, что онъ расхваливаетъ!

Бѣдный Плехановъ! Со времени его новаго „историческаго поворота" онъ не вылѣзаетъ изъ недоразумѣній. Сначала „забавное недоразумѣніе", потомъ „грустное недоразумѣніе", а на этотъ разъ забавно-грустное или грустно-забавное! Не заразился ли впечатлительный Плехановъ отъ автора „дрянной книжонки" способностью возбуждать и вызывать недоразумѣнія, способностью, которая, по словамъ Парвуса, составляетъ самое сильное духовное оружіе оппортунизма? Не отъ нихъ ли узналъ онъ, что „въ политикѣ неизмѣнныя разъ на всегда принятыя правила неизбѣжно и быстро ведутъ къ пораженію. Кто хочетъ стать достойнымъ (!) побѣды, у того должно оставаться неизмѣннымъ одно только желаніе во что бы то ни стало придти къ своей цѣли"!? Даже Мильеранъ не могъ бы лучше формулировать сущность оппортунизма!

„Напоминаю, что у меня была поставлена дилемма: или критика Рязанова является плодомъ его умственной бѣдности, или — желаніемъ путать вопросы по соображеніямъ личнаго свойства.

Первой части дилеммы группа „Борьба“ не приняла, на что имѣла право. Оставалась вторая часть. Но для меня дилемма остается“. Такъ „галантно“ говорилъ Плехановъ на съѣздѣ „по адресу товарищей по партіи, хотя бы и отсутствующихъ“!

Я далекъ отъ пошлой мысли объяснить всѣ „эволюціи“, зигзаги и повороты Плеханова „соображеніями личнаго свойства“! Но и я стою предъ дилеммой: или эти зигзаги и повороты являются результатомъ „діалектическаго“ легкомыслія обезпамятѣвшаго марксиста, или — желаніемъ путать важные вопросы по политической „беззаботности“ Мнѣ сдается иногда, что Плехановъ просто забавляется. Вѣдь такъ забавно смотрѣть, какъ „то сей, то оный на бокъ гнется“. Дилемма все таки остается. И меня, „ортодоксальнаго буквоѣда“, только восхищаетъ невозмутимое спокойствіе, съ которымъ Плехановъ мѣняетъ свои взгляды отъ понедѣльника до четверга и приписываетъ „личные мотивы“ тѣмъ, кто имѣлъ несчастіе думать уже въ понедѣльникъ то, что Плехановъ тогда забылъ и до чего онъ дошелъ „своимъ умомъ“, хотя правда и „заднимъ“, въ четвергъ!

Трудно сказать, при извѣстной „дипломатичности“ Плеханова, что собственно думаетъ онъ о программѣ. Теперь, когда мы уже узнали отъ него, что, „если уже пошло на правду“, то надо сказать, что „нынѣшніе наши практики“— „политики“ отличаются такою же беззаботностью на счетъ теоріи, какою отличались практики „экономисты“ недавняго прошлаго, мы завтра можемъ также внезапно узнать отъ него, что онъ только по дипломатическимъ соображеніямъ не ставилъ точекъ на і. Когда я указывалъ Плеханову, что нынѣшние политики съ Ленинымъ во главѣ позволили себѣ цѣлый рядъ отступленій отъ идей научнаго соціализма, по скольку онѣ были выражены въ лучшихъ произведеніяхъ гр. „Освобожденія Труда“, онъ услышалъ въ этихъ словахъ „музыку“ особаго свойства. А теперь онъ — увы!—далеко не увѣренъ въ томъ, что всѣ нынѣшніе „политики“ вполнѣ усвоили себѣ взгляды группы „Освобожденіе Труда“. И я не былъ бы нисколько удивленъ, если бы завтра среди соціалдемократическихъ произведеній, которыя по его словамъ пользуются безупречной репутаціей лишь по недоразумѣнію, вдругъ очутилась и новая программа!

Будемъ надѣяться все таки, что онъ, наконецъ, послѣду-

етъ доброму совѣту ко нтированнаго имъ соредактора, Мартова: „Направленіе идущее въ гору, усиливаемое развитіемъ классоваго движенія, фактически не можетъ привести человѣка въ лабиринтъ такихъ противорѣчій, онъ не знаетъ этой безпринципной смѣны лозунговъ. Его языкъ — „да — да, нѣтъ — нѣтъ“ — въ отношеніи категоричности и прямоты принципіальныхъ заявленій“. *) Плехановъ думаетъ иначе. Не смѣшиваетъ ли онъ „діалектику“ съ „эквилибристикой“?

А пока, и „меньшинство“ и „большинство“ пребываютъ въ твердой увѣренности, что программой Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи признана „ортодоксальная“ программа, программа революціонной соціалдемократіи. (см. ст. Мартова, „Нашъ Съѣздъ“, Искра № 53).

Не знаю, играли ли они присягою, но „духовные руководители“ несомнѣнно не сдержали слова, торжественно взятаго на себя въ объявленіи объ изданіи „Искры“.

„Мы, писали они, будемъ вести нашъ органъ въ духѣ строго опредѣленнаго направленія. Это направленіе можетъ быть выражено словомъ: марксизмъ, и намъ врядъ ли есть надобность добавлять, что мы стоимъ за послѣдовательное развитіе идей Маркса и Энгельса и рѣшительно отвергаемъ тѣ половинчатыя, расплывчатыя и оппортунистическія поправки, которыя вошли теперь въ такую моду съ легкой руки Э. Бернштейна, П. Струве и мн. др.“ **) И редакція теперь, при громкихъ аплодисментахъ всѣхъ съѣхавшихся или свезенныхъ делегатовъ россійской революціонной соціалдемократіи, принимаетъ программу, которая своими половинчатостями и расплывчатостью приводитъ въ восторгъ Бернштейна и, раскрывая настежь двери всѣмъ оппортунистамъ, захлопываетъ ихъ предъ носомъ Каутскаго!

*) Л. Мартовъ, „Борьба съ осаднымъ положеніемъ“, стр. 24.

**) „Даже и среди буржуазныхъ идеологовъ, — писала Роза Люксембургъ въ своей статьѣ „Карлъ Марксъ“ („Vorwärts“, 14 марта 1903 г.)—болѣе серьезные, какъ Штаммлеръ, поняли, что противъ такого „глубоко обоснованнаго ученія“ ничего не сдѣлаешь всякими „половинчатостями“ и „болѣе или менѣе“. Къ несчастью, то, что уже понятно болѣе серьезнымъ буржуазнымъ идеологамъ, превышаетъ мѣру пониманія легкомысленныхъ марксистовъ. Они до всего доходятъ „своимъ умомъ“!

Съѣздъ также окончательно санкціонировалъ допущенную съ разрѣшенія группы „Освобожденіе Труда" подмѣну старой революціонной програмы новой оппортунистической на Мартыновско-Ленинскій образецъ. Въ то время, какъ старая программа ясно и категорически заявляла, что, только опираясь на основныя политическія права, добытыя путемъ революціи, рабочая партія выдвинетъ рядъ ближайшихъ требованій, и такимъ образомъ ставила на очередь дня вопросъ о революціи, о низверженіи самодержавія, новая программа уже выдвигаетъ и уже предъявляетъ современному правительству цѣлый рядъ требованій, разсчитанныхъ на періодъ до паденія самодержавія *).

Нѣтъ! Формулируя въ своей програмиѣ предположительно всѣ требованія, которыя мы выдвинемъ во время революціи, мы не должны ни на минуту забывать, что наша программа-минимумъ не имѣетъ никакого практическаго значенія, что она не преслѣдуетъ какія нибудь „положительныя" задачи. Она должна лишь дать отвѣтъ на вопросъ: чего намъ требовать во время революціи? Ея дѣло указать эти требованія рабочимъ массамъ, чтобы въ день революціи онѣ знали, вокругъ какого знамени имъ собраться, чтобы онѣ не были обмануты „честными и неподкупными, умными и образованными" либералами Земскаго Собора. И это не менѣе, если не болѣе важно, чѣмъ „усвоеніе и широкое распространеніе самой мысли о реальной возможности, а можетъ быть и неизбѣжности революціи въ близкомъ будущемъ", — а именно это, по мнѣнію Засуличъ, говорятъ намъ „Іюльскіе дни". Одно должно идти рука объ руку съ другимъ. И наша программа и сама по себѣ, и въ тѣхъ устныхъ и печатныхъ комментаріяхъ, которыми она будетъ сопровождаться, должна всегда напоминать рабочему классу, что внѣ революціи, безъ низверженія самодержавія нѣтъ никакой надежды выйти изъ

*) Во время оно, когда у Плеханова еще не „отшибло память", онъ писалъ русскимъ рабочимъ: „опираясь на завоеванныя вами права, вы сумѣете также хоть немного улучшить свое матеріальное положеніе. Ваши представители потребуютъ отъ Законодательнаго Собранія цѣлаго ряда экономическихъ реформъ въ пользу бѣдныхъ и трудящихся классовъ" и т. д. и т. д. См. статью Плеханова во второмъ номерѣ газеты „Рабочій" 1885), перепечатанную въ сборникѣ Куклина.

этого ада. Этимъ революціоннымъ духомъ пропитаны были и смыслъ, и буква старой программы революціонной соціалдемократіи. Въ новой программѣ онъ совершенно исчезаетъ и уступаетъ, правда, стыдливо оговариваясь, мѣсто болѣе практичному взгляду.

И вмѣсто того, чтобы ясно и категорически заявить, что „убѣжденные, что низверженія абсолютизма можно добиться только путемъ революціи, что всякія уступки, какія будутъ дѣлаться абсолютизмомъ подъ давленіемъ революціоннаго движенія пролетаріата, при сохраненіи самодержавія, являются призрачными“, что только опираясь на добытыя путемъ революціи политическія права, Партія выдвинетъ и потребуетъ въ интерессахъ рабочихъ того то и того то, Партія уже требуетъ всего этого и, какъ бы только въ концѣ программы вспомнивъ, въ какой средѣ ей приходится дѣйствовать, трезвенно прибавляетъ: Съ своей стороны Партія твердо убѣждена въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ достижимо лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ. А пока партія празднуетъ одну побѣду рабочаго класса за другой: сегодня проектъ закона о стачкахъ, завтра о фабричныхъ старостахъ, послѣзавтра отмѣну круговой поруки!

Надо признать, однако, что если въ теоретической части „духовными руководителями“—вполнѣ „самопроизвольно“, конечно, — сдѣланы были только два незначительныхъ измѣненія, то въ практической части наши „практики“ оказались болѣе „упрямыми“. Нельзя, правда, сказать, чтобы многія изъ сдѣланныхъ ими измѣненій особенно „способствовали къ украшенію“ этого уродливаго произведенія программной премудрости, ставшаго теперь общеобязательной партійной программой.

Наибольшимъ измѣненіямъ подверглась аграрная программа. Не „подталкиваемый“ ни однимъ изъ участниковъ съѣзда, Ленинъ вполнѣ „самопроизвольно“ предложилъ маленькую „поправочку“. Если прежде партія обѣщала, что „въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостнаго порядка“ и т. д. и т. д. она „будетъ добиваться“ такихъ то и такихъ то реформъ, ясно подчеркивая такимъ образомъ „максимальный“

характеръ этихъ требованій, то теперь она уже „требуетъ“ ихъ, какъ и въ „рабочей“ программѣ, съ той только разницей, что въ рабочей части она „требуетъ“ безъ всякихъ оговорокъ, а въ крестьянской она „требуетъ прежде всего“. Эта маленькая „поправочка“ однимъ махомъ сноситъ весь „огородъ“, который съ такой помпой нагородилъ Ленинъ въ своемъ комментаріи къ аграрной программѣ. Лишая ее окончательно всякаго смысла, она очищаетъ ее отъ всякихъ „превратныхъ“ примѣсей и превращаетъ въ либеральную аграрную программу sans phrases.

„Отрѣзки“, до съѣзда составлявшіе пунктъ, который являлся „наиболѣе важнымъ, центральнымъ, придающимъ особый характеръ аграрной программѣ“, (слова Ленина) вмѣстѣ съ остальными требованіями, представлявшиіе въ своей совокупности максимумъ требованій, которыхъ мы будемъ добиваться въ день революціи, теперь превратились въ простыя бирюльки, въ которыя русская соціалдемократія обѣщаетъ играть „прежде всего“!

Правда, партія имѣетъ теперь — о, счастіе! — „программу, могущую служить опорнымъ базисомъ для воздѣйствія соціалдемократическихъ организацій на общественное (!) мнѣніе страны“. И нужно только жалѣть, что „независящія обстоятельства“ помѣшали Ленину кончить начатую имъ въ 54 № статью о „Народничествующей буржуазіи и растерянномъ народничествѣ“, въ которой онъ тщетно старается найти какое нибудь принципіальное различіе между своей программой и программой, выставленной въ ст. „Къ аграрному вопросу“ въ № 9 „Освобожденія“. Тѣ же щи, но нѣсколько пожиже!

Въ аграрной программѣ произведены были и другія измѣненія. Выпущенъ пунктъ объ отмѣнѣ круговой поруки, съ такимъ трескомъ „отмѣненной“ Плеве. Теперь только можно постичь всю глубину проницательности Ленина, который еще въ своей статьѣ, въ 4-ой книгѣ „Зари“, вполнѣ резонно писалъ, что „наша аграрная программа, въ преобладающей части ея требованій, будетъ имѣть тѣмъ меньшее практическое значеніе, чѣмъ дальше идетъ развитіе сельскохозяйственнаго капитализма, — ибо остатки крѣпостного права, противъ которыхъ эта программа направлена, вымираютъ и сами собою и подъ вліяніемъ политики нашего правительства“. Кромѣ того, „отмѣна“ круговой поруки „явля-

етъ“ изъ себя одну изъ тѣхъ политическихъ уступокъ, цѣнность и значеніе которыхъ такъ энергично ставилъ на видъ Мартынову Ленинъ въ „Что дѣлать“. И что всего важнѣе: эта „уступка“ получена была даже безъ спеціальной демонстраціи восчувствовавшихъ сѣрыхъ рабочихъ предъ домомъ башибузука Плеве! Понятно, что русской соціалдемократіи оставалось только зарегистрировать свою новую побѣду и съ сознаніемъ исполненнаго долга вычеркнуть это требованіе, какъ уже ненужное, изъ своей программы! Правда, это не мѣшаетъ круговой порукѣ подъ другимъ названіемъ продолжать здравствовать, какъ ни въ чемъ не бывало! *)

За то второй пунктъ аграрной программы получилъ теперь болѣе краткую формулировку: отмѣна всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей! И если у кого нибудь могли еще возникать сомнѣнія на счетъ истиннаго смысла этого пункта, то Ленинъ своимъ разъясненіемъ на съѣздѣ окончательно показываетъ, что для него въ области аграрной политики Брентано и Марксъ едино суть: „Мы добиваемся одинаковаго примѣненія общаго законодательства — того, которое теперь принято во всѣхъ буржуазныхъ государствахъ, а именно исходящаго изъ основаній римскаго права, признающаго и общую собственность, и личную. Общинное землевладѣніе мы хотѣли бы (sic!) разсматривать, какъ общую собственность“.

Къ третьему пункту прибавлено новое требованіе: конфискація кабинетскихъ и принадлежащихъ лицамъ царской фамиліи имѣній. Это требуется „прежде всего“, и такимъ образомъ лишній разъ доказываетъ, что требованія аграрной программы, поскольку они выходятъ за предѣлы „отмѣны“ круговой поруки и законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей, могутъ быть выставлены только въ періодъ революціи. А если такъ, то трудно понять, почему имѣніе герцога Лейхтенбергскаго слѣдуетъ конфисковать, а предъ имѣніями Демидовыхъ, Строгоновыхъ, Шереметьевыхъ мы должны сказать: Halt! Или, быть можетъ, члены съѣзда думали вмѣстѣ съ Костровымъ, который особенно

*) См. хотя бы статью Воропонова въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

настаивалъ на этомъ пунктѣ, что только имѣнія царской фамиліи украдены у народа?

Четвертый пунктъ аграрной програмы съ его пресловутыми крестьянскими комитетами и отрѣзками оказался неудобоваримымъ даже для „осушеннаго“ Троцкимъ и Мартовымъ „болота“. Наши делегаты „зѣло“ упирались. Къ сожалѣнію, дѣльныя въ общемъ возраженія Либера сосредоточивались лишь на вопросѣ о крестьянскихъ комитетахъ. И Ленинъ былъ правъ, когда замѣтилъ ему, что „разъ мы сошлись на основномъ вопросѣ о томъ, что отрѣзки закабаляютъ крестьянъ, то учрежденіе комитетовъ является частностью, изъ за которой нелогично отвергать весь проектъ“. Характерно, что ни одинъ изъ делегатовъ не разсмотрѣлъ вопросъ о возвращеніи отрѣзковъ съ точки зрѣнія принциповъ соціалдемократіи.

И все таки этотъ пунктъ былъ вотированъ только большинствомъ 30 голосовъ противъ 1 при 20 воздержавшихся. И вотированъ былъ съ поправкой Кострова, еще болѣе умножившей многосмысленность этого сомнительнаго пункта. Поправка требуетъ „передачи въ собственность крестьянъ на Кавказѣ тѣхъ земель, которыми они пользуются, какъ временно обязанные, хизаны и пр.“! Нигдѣ не высказывается такъ ярко вся никчемность аграрной програмы „Искры“, какъ въ этой поправкѣ. Напомнимъ читателю, что только въ Тифлисской и Кутаисской губ. сохранились прямые остатки крѣпостнаго порядка. И теперь возстановимъ полный текстъ этого требованія: „Въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка и т. д. мы требуемъ передачи въ собственность крестьянъ тѣхъ земель, которыми они пользуются, какъ временно-обязанные“!? Плеханову и Ленину позволимъ себѣ напомнить, что не только чиншевики—крестьяне, такими же крестьянами являются и хизаны, какъ ими же являются и бессарабскіе царане, о которыхъ почему то никто не вспомнилъ. Между тѣмъ они самимъ безжалостнымъ образомъ экспропріируются „бессарабскими милордами“, которые вмѣстѣ съ бессарабскими цивилистами убѣждены, конечно, что царане и хизаны только долгосрочные арендаторы (какъ это думаетъ и Костровъ). И Плеханову, который и до сихъ поръ еще не понимаетъ, о какихъ „средневѣковыхъ остаткахъ“ говоритъ все время Ленинъ, пора было бы, наконецъ, понять также,

что окрестить такія формы крестьянскаго землевладѣнія (какъ сервитуты, общинное землевладѣніе, Чиншевое право, хизанство и т. п.) „средневѣковыми остатками" и настаивать на ихъ безусловной отмѣнѣ, на основаніи началъ римскаго права, значитъ только играть въ руку „просвѣщеннымъ аграріямъ"!

Вообще, какъ справедливо замѣтилъ на съѣздѣ Маховъ, дебаты по поводу аграрной программы показали, что „большинство говорившихъ (и самъ Маховъ въ томъ числѣ) рѣшительно не понимали, что изъ себя представляетъ выставленная программа и какія цѣли она преслѣдуетъ". Хотя значеніе ея было неясно и для такого выдающагося члена съѣзда, какъ Егоровъ, она по какимъ то загадочнымъ причинамъ не явилась даже предметомъ предварительнагѐ доклада. Такъ, по словамъ Ленина, „коммиссія оказалась не въ состояніи справиться съ этимъ вопросомъ"!! Достаточно пробѣжать рѣчи такихъ „искряковъ", какъ Мартовъ и Троцкій, отстаивавшихъ аграрную программу еще болѣе усердно, чѣмъ ея авторъ, чтобы видѣть, какъ плохо читали они — если только читали — статью Ленина въ № 4 „Зари".

Самъ Плехановъ, въ своемъ отвѣтѣ Мартынову рѣшительно заявившій, что эта аграрная программа „подковываетъ его на обѣ ноги", вдругъ началъ сильно хромать и уже въ слѣдующей рѣчи — потому ли, что былъ скверно подкованъ или потому что боялся прослыть метафизикомъ — замѣняетъ свое метафизическое „да—да" діалектическимъ „да—нѣтъ" и такъ же рѣшительно заявляетъ Либеру, что „мы, конечно, не думаемъ, что въ нашей программѣ нѣтъ пробѣловъ". Вѣроятно, эти пробѣлы будутъ указаны тогда же, когда Плехановъ удосужится намъ показать, какія соціалдемократическія произведенія пользуются еще до сихъ поръ по недоразумѣнію безупречной репутаціей. Прекрасная это будетъ статья! И написана будетъ, конечно, со свойственной Плеханову литературной „галантностью"!

А пока, почтеннѣйшая публика, будьте увѣрены, говорилъ все тотъ же Плехановъ, что „отъ перваго до послѣдняго слова нашъ проектъ программы является истинно-революціоннымъ въ духѣ Маркса и Энгельса и вотъ почему вы можете принять его съ совершенно спокойной совѣстью"! И когда добрые делегаты послѣдовали этому „убѣдительному" совѣту Плеханова, онъ могъ, конечно, „съ законной гордостью ска-

зать, что принятая нами програмиа даетъ нашему пролетаріату прочное надежное оружіе въ борьбѣ съ врагами". C'est mon opinion, et je la partage!

Я не имѣю возможности теперь подвергнуть подробной критикѣ это „прочное и надежное оружіе", да и считаю излишнимъ, потому что мнѣ пришлось бы буквально повторить все, что я сказалъ въ своей критикѣ этой программы, когда она еще была проектомъ. *) Я надѣюсь, что буду еще имѣть случай вернуться къ этому вопросу, когда Ц. О. или Ц. К., или оба вмѣстѣ, напечатаютъ, наконецъ, комментарій къ нашей партійной программѣ. Тогда же я разберу и тѣ возраженія, которыя сдѣлалъ на мою критику Плехановъ — поскольку, конечно, они являлись возраженіями по существу, а не „галантными" варіаціями на приведенныя выше слова галантной „великой блудницы".

Теперь я могу повторить лишь выводъ, къ которому я пришелъ въ своей книгѣ. „Однимъ изъ главныхъ, если не главнѣйшимъ, условіемъ практическаго объединенія является объединеніе теоретическое, согласіе по главнымъ вопросамъ программы и тактики. И если мы хотимъ, чтобы объединеніе было прочно, чтобы оно съ самаго начала не носило въ себѣ зародышей будущаго раскола, мы должны стараться, чтобы оно произошло на почвѣ принципіально безупречной программы... „Экономическій" періодъ нашего движенія, ослабивъ политическій радикализмъ нашихъ требованій, далъ возможность укрѣпиться партіи соціалистовъ революціонеровъ и пріобрѣсти даже приверженцевъ (пока не многихъ) въ средѣ рабочаго класса. Но если до сихъ поръ эта партія особенно подчеркивала умѣренность политической программы соціалдемократіи и выдвигала на первый планъ терроръ, то теперь она получаетъ новую опору въ соціальномъ оппортунизмѣ, который защищается „Искрой".**) Соціалдемократія, принявъ ея программу, лишила бы себя руководящей роли въ освободительной борьбѣ всѣхъ угнетенныхъ классовъ современной

*) См. Н. Рязановъ, Проектъ программы „Искры" и задачи русскихъ соціалдемократовъ, стр. 17—82, 210—283.

**) Въ этомъ отношеніи очень характеренъ поворотъ, который замѣчается въ „Революціонной Россіи". Чуть не въ каждомъ номерѣ помѣщаются одна, двѣ, а то и больше статьи, объ аграрной программѣ русской соціалдемократіи.

Россіи и, не смотря на буржуазно-демократическіе аллюры этой программы, потеряла бы всякое вліяніе на нашу демократію... Если оппортунизмъ въ области политической программы отталкивалъ отъ соціалдемократіи оппозиціонные элементы нашего „общества" и создавалъ лишніе шансы для укрѣпленія буржуазной демократіи, то оппортунизмъ въ области экономическихъ и соціальныхъ требованій оттолкнетъ отъ насъ многіе революціонные элементы трудящихся массъ и создастъ лишніе шансы для укрѣпленія партіи соціалистовъ-революціонеровъ, облекая въ плоть легенду объ индифферентизмѣ соціалдемократіи къ „крестьянству". Къ этому надо прибавить, что и теоретическая часть программы, своими совершенно ненужными поправками искажая ясный и прямой смыслъ „догмы", даетъ только лишнее оружіе господамъ „критикамъ" и какъ бы санкціонируетъ походъ нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ на „догму" во имя „свободы критики" *).

И чѣмъ скорѣе партія откажется отъ этой въ истинномъ смыслѣ слова „деморализующей" программы, тѣмъ скорѣе она станетъ дѣйствительно „принципіально выдержанной коллективной силой, способной руководить всѣми проявленіями классовой борьбы всего пролетаріата всей Россіи", тѣмъ скорѣе она станетъ дѣйствительнымъ авангардомъ рабочаго класса въ его борьбѣ за свое политическое и экономическое освобожденіе!

---

*) Ibid. стр. 298—301.

IV.

Съ пылу, съ жару — по пятаку за пару.

Не лучше обстоитъ дѣло съ резолюціями по главнымъ вопросамъ тактики, т. е. какъ разъ съ тѣми резолюціями, которыя лучше всякихъ уставовъ опредѣляютъ рамки дѣятельности всѣхъ органовъ Партіи. *) Выработкѣ ихъ посвящено было только одно засѣданіе, послѣдніе часы, остававшіеся въ распоряженіи съѣзда. Трудно сказать, почему однѣ резолюціи были приняты и почему были забыты резолюціи по другимъ вопросамъ.

А между тѣмъ, даже по признанію О. К., тактическіе вопросы принадлежали къ числу „мало обсуждавшихся въ печати и мало выясненныхъ". Вопреки обѣщанію, данному въ отвѣтѣ южнымъ товарищамъ, редакція не позаботилась выработать резолюціи по главнымъ вопросамъ тактики и представить ихъ на предварительное обсужденіе товарищей. Не было не только краткихъ мотивировокъ каждой отдѣльной резолюціи, не было даже общаго доклада, который суммировалъ бы всѣ эти резолюціи и поставилъ бы ихъ въ связь съ общими программными задачами. Какъ и въ доброе старое время „экономизма", принципы остались по одной сторонѣ, а тактика по другой, хотя именно у насъ особенно слѣдовало бы часто напоминать о томъ, что критеріемъ правильности тактики является ея „принципіальность", что „принципы" и „тактика" далеко не являются различными категоріями, что „цѣлесообразность" можетъ только тогда служить пригоднымъ подсобнымъ средствомъ при опредѣленіи правильности тактики, если постоянно испытывается сообразіе тактики съ „принципами", формой проявленія которыхъ она всегда должна служить.

„Не мѣшаетъ напомнить, говорилъ на съѣздѣ Лиги

---

*) Конечно, если не смотрѣть на эти резолюціи такъ, какъ на нихъ смотритъ реформированная редакія „Искры", по мнѣнію которой принятыя съѣздомъ резолюціи указываютъ только желательность опредѣленной тактики, а, слѣдовательно, не стѣсняютъ самодѣятельности комитетовъ.

Троцкій, что большинство — почти всѣ — резолюцій выработано меньшинствомъ и обсуждено имъ въ свободныя отъ съѣзда минуты.... Вы знаете, товарищи, какое значеніе имѣютъ тактическія резолюціи въ жизни соціалдемократической партіи. Такимъ образомъ, съ этой стороны дѣятельность нашей партіи теперь опредѣлена волей „меньшинства“.

Посмотримъ же, какъ „меньшинство“ опредѣляло дѣятельность партіи.

О террорѣ второпяхъ забыли. А между тѣмъ опредѣленная и ясная резолюція по этому вопросу въ высшей степени необходима. У насъ пока ничего нѣтъ, кромѣ совершенно несостоятельной деклараціи группы „Осв. труда“ и противорѣчивыхъ заявленій „Искры“, отличающихся силой выраженій по адресу террористовъ, но очень слабыхъ, поскольку рѣчь идетъ о терроризмѣ. Терроризмъ якобинскій, терроризмъ народовольческій, терроризмъ возмездія, терроризмъ экситативный и терроризмъ „синтетическій“ нашихъ соціалистовъ революціонеровъ смѣшиваются въ одну кучу. Въ то время, какъ Ленинъ въ ст. „Съ чего начать“ категорически заявляетъ, „что принципіально мы никогда не отказывались и не можемъ отказываться отъ террора. Это одно изъ военныхъ дѣйствій, которое можетъ быть вполнѣ пригодно и даже необходимо въ извѣстный моментъ сраженія, при извѣстномъ состояніи войска и при извѣстныхъ условіяхъ“, а авторъ ст. „Логика русскаго терроризма“ увѣряетъ, что терроризмъ не опасенъ для рабочаго движенія только при высокомъ развитіи классоваго самосознанія пролетаріата, Мартовъ въ своемъ „Внутреннемъ обозрѣніи“ („Заря“ № 4) не менѣе категорически утверждаетъ, что „терроръ не нуженъ, если организованное массовое движеніе способно побѣдить самодержавіе, онъ безполезенъ, если эта задача не подъ силу народному движенію, и онъ вреденъ, потому что мѣшаетъ работѣ по развитію этого движенія и превращенія его въ организованное“.

Не лучше ли было бы по этому вопросу дать, наконецъ, резолюцію партіи и заявить хотя бы слѣдующее:

Принимая во вниманіе, что главной задачей соціалдемократіи является развитіе классоваго сознанія пролетаріата,

Что въ силу этого она признаетъ нецѣлесообразными тѣ средства политической борьбы, которыя противорѣчатъ прак-

тикѣ массового движенія и затемняютъ или задерживаютъ развитіе классового сознанія пролетаріата,

Что объемъ политическихъ правъ, которыхъ добьется рабочій классъ при ликвидаціи самодержавія, прямо пропорціоналенъ степени его организованности и сознательности,

Что протестъ массовой, насиліе и геройство массовое неизмѣримо плодотворнѣе во всѣхъ отношеніяхъ насилія и геройства индивидуальнаго,

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія, которая сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ, принципіально отвергаетъ терроръ, какъ средство политической борьбы.

Важно было также въ формѣ резолюцій дать опредѣленную директиву для работы въ крестьянствѣ и въ арміи. Въ первой слѣдовало бы подчеркнуть, что русская соціалдемократія никогда не игнорировала крестьянства и съ самаго начала своего существованія поставила себѣ задачей „организацію соціально-революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемірнаго историческаго движенія“, что она отказывалась до недавняго времени отъ непосредственной дѣятельности въ деревнѣ только въ силу практической невозможности, вполнѣ увѣренная въ то же время, что сильно развитый у насъ отходъ сыграетъ роль фактора, революціонизирующаго деревню, что деревня значительно измѣнилась въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, такъ какъ процессъ разслоенія крестьянства создаетъ все больше элементовъ для революціонной агитаціи и пропаганды, что послѣднія крестьянскія волненія являются лишь отголоскомъ революціоннаго рабочаго движенія въ городахъ, принявъ специфическую форму только въ зависимости отъ соціальныхъ условій деревни, что партіи, поэтому, слѣдуетъ усилить работу среди тѣхъ рабочихъ, которые часто возвращаются въ деревню, вести усиленную пропаганду и агитацію въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ собираются большими массами отхожіе сельскохозяйственные рабочіе, организовать, въ мѣру возможности, пропаганду и агитацію непосредственно въ деревнѣ и, кромѣ спеціальной литературы для крестьянъ, создать еще предназначенную для городскихъ рабочихъ литературу о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ резолюціи объ арміи слѣдовало бы, указавъ на то, что отъ поведенія арміи во время революціи зависитъ не только число жертвъ, которыя унесетъ переворотъ, но въ

извѣстной степени и самый успѣхъ революціи, подчеркнуть, что концентрація войскъ въ крупныхъ городахъ приводитъ ихъ въ сопрокосновеніе съ городскими рабочими, что въ виду растущей экономической и политической борьбы русскаго пролетаріата, правительство все болѣе умножаетъ случаи вмѣшательства вооруженной силы въ столкновенія между наемнымъ трудомъ и капиталомъ и вообще въ политическую жизнь страны, что это обстоятельство создаетъ благопріятную почву для массовой агитаціи нашей партіи среди солдатъ, что воздѣйствіе соціалдемократіи на войско является косвенно воздѣйствіемъ и на крестьянство, изъ среды котораго до сихъ поръ главнымъ образомъ рекрутируется наша армія, что съ развитіемъ капитализма процентъ пролетаріевъ въ войскахъ все растетъ и такимъ образомъ создается естественный источникъ распространенія соціалдемократическихъ идей въ войскѣ и что, въ силу всѣхъ этихъ соображеній, партія признаетъ необходимымъ вести усиленную агитацію во время набора, продолжать уже начатую пропаганду соціалдемократическихъ идей въ казармѣ и постараться о томъ, чтобы всякому открытому акту политической борьбы предшествовало ознакомленіе арміи со смысломъ готовящихся событій *).

За то по вопросу объ отношеніи партіи къ либераламъ съѣздъ принялъ двѣ резолюціи: 1) Старовѣра и 2) Плеханова. И та, и другая одинаково оставляютъ желать лучшаго. Первая изъ нихъ, исходя изъ предположенія, что соглашеніе съ либералами на очереди, устанавливаетъ условія этого соглашенія, но въ то же время предъявляетъ либераламъ такія требованія, которыя исключаютъ всякое даже временное соглашеніе. Наивно было бы требовать отъ либераловъ, чтобы „въ своей борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ они рѣшительно становились на сторону Р. С.-Д. Р. П. и чтобы они не выставляли въ своихъ программахъ требованій, затемняющихъ сознаніе рабочаго класса и демократіи вообще". Вторая резолюція, хотя она написана Плехановымъ, который еще и до сихъ поръ не отказался отъ надежды, что наши Колупаевы и Деруновы тоже будутъ имѣть свой Sturm und Drang періодъ, забываетъ, что наша оппозиціонная буржуазія не вся „на

*) См. Летучій листокъ „Борьбы": Задачи соціалдемократіи въ войскѣ.

одно лицо", и по справедливому замѣчанію Мартова, „сводитъ свое отношеніе къ либеральной буржуазіи на отношеніе къ одному писателю" *). Между тѣмъ резолюція, исходя изъ положеній: 1) что соціалдемократія, какъ представительница интересовъ самаго революціоннаго класса, должна поддерживать повсюду всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній", 2) что такъ назыв. русское „оппозиціонное движеніе" охватываетъ самые разнообразные элементы,—должна была бы заявить, что „ни на минуту не переставая вырабатывать въ умахъ рабочихъ болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата", партія готова поддерживать только тѣ буржуазно-демократическіе элементы оппозиціи, которые выставятъ требованіе всеобщаго избирательнаго права, а также полной свободы коалиціи, стачекъ, собраній, слова и печати.

Но поддержка эта вовсе не должна выражаться въ томъ, что мы, какъ это рекомендовала „Искра" „будемъ готовиться къ тому, чтобы на всякое поруганіе сколько-нибудь честнойземщины звѣрскимъ правительствомъ пролетаріатъ могъ отвѣтить демонстраціями противъ помпадуровъ, губернаторовъ, башибузуковъ-жандармовъ и іезуитовъ-цензоровъ" или, какъ говорилъ на съѣздѣ, тогда еще игравшій роль „дубинки" въ рукахъ Ленина Троцкій, въ томъ, что „мы должны оповѣстить народныя массы о смыслѣ и характерѣ требованій, выставленныхъ оппозиціонными Мартыновыми, и такимъ образомъ придавать заявленіямъ этихъ Мартыновыхъ политическій вѣсъ"! Она должна выражаться только въ томъ, что въ борьбѣ съ абсолютизмомъ мы будемъ указывать рабочему классу на его солидарность съ либеральными теченіями въ тѣхъ или другихъ вопросахъ, тѣхъ или иныхъ задачахъ, что мы будемъ всенародно клеймить гнусныя продѣлки нашего правительства, на которыя оно не ску-

*) Въ припадкѣ теоретической „веселости" Плехановъ „напугалъ" теперешнихъ „честныхъ и неподкупныхъ" либераловъ — вѣрнѣе, далъ имъ лишній поводъ продолжать ихъ лицемѣрную политику въ вопросѣ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. „Гипотетически мыслимъ случай, когда мы соціалдемократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права". Къ счастью этотъ новый теоретическій антраша „вождя русской соціалдемократіи" былъ встрѣченъ шиканьемъ даже на такомъ съѣздѣ, какъ нашъ второй.

пится даже по отношенію къ нашимъ кроткимъ либераламъ. Что же касается буржуазной демократіи, если только у насъ сформируется такая, то постоянная поддержка въ указанной выше формѣ и временныя соглашенія, гдѣ и когда это будетъ требоваться условіями борьбы, и въ тоже время безпощадная критика всѣхъ ея иллюзій—вотъ политика соціалдемократіи по отношенію къ ней. Мы никогда не должны забывать, вопреки опять таки „Искрѣ“, что рабочая демократія своими политическими требованіями не по степени, а принципіально отличается отъ буржуазной демократіи, а тѣмъ паче отъ либерализма.*) И это тѣмъ важнѣе, что проповѣдь „Искры“ произвела уже не малую смуту въ умахъ. Могъ же Троцкій заявить на съѣздѣ, что „конституціонныя требованія земской оппозиціи составляютъ минимальную часть общенародныхъ требованій“ и настаивать на необходимости провести эту „идущую въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и затемняющую его сознаніе“ идею въ сознаніе пролетаріата и такимъ образомъ отмежевать нашу партію отъ другихъ! А вѣдь именно Троцкій главнымъ образомъ (вмѣстѣ съ Мартовымъ) до начала засѣданій съѣзда обрабатывалъ подъ „Искру“ тѣхъ практиковъ, которые „не вполнѣ разобрались въ вопросахъ тактики и программы“ или, какъ выражается Мартовъ, осушалъ „болото“! Можно только пожалѣть тѣхъ товарищей, которыхъ „осушали“ этой буржуазно-демократической водицей!

Отношеніе соціалдемократіи къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ выражено въ резолюціи Аксельрода. Принятая съ поправкой Плеханова, она констатируетъ то, чего нѣтъ. Партія соціалистовъ-революціонеровъ есть „не болѣе, какъ буржуазно-демократическая фракція“. Это невѣрно. Конгломератъ различныхъ, окрашенныхъ мелкобуржуазнымъ соціализмомъ, демократическихъ и соціалистическихъ элементовъ съ преобладаніемъ аграрной демократіи, она могла развиться только потому, что „экономическій“ и „политическій“ періодъ нашего движенія создали и создаютъ для нея временную благопріятную почву, ослабивъ сначала нашъ „политическій“, а послѣ „со-

*) Если бы Плехановъ усвоилъ себѣ эту идею, онъ зналъ бы, что пролетаріатъ никогда не можетъ высказаться противъ всеобщаго избирательнаго права, что это можетъ сдѣлать только мѣщанская демократія съ цѣлью сломить сопротивленіе „аристократовъ“ или „пролетаріата“.

ціальный“ радикализмъ. Развитіе и укрѣпленіе революціонной соціалдемократической партіи съ дѣйствительно, а не „болѣе или менѣе“ ортодоксальной програмной, а вмѣстѣ съ ней широко организованнаго политическаго движенія рабочихъ массъ опять сведутъ партію соціалистовъ-революціонеровъ къ ея старымъ размѣрамъ и лишатъ ее притока силъ изъ среды рабочихъ и революціонной интеллигенціи. Такія резолюціи, какъ принятыя съѣздомъ, только усыпляютъ самокритику, создаютъ иллюзію, что „все обстоитъ благополучно“ и заставляютъ смотрѣть на партію соціалистовъ-революціонеровъ, какъ на продуктъ „злой воли“ нѣсколькихъ человѣкъ, отвлекаютъ вниманіе отъ анализа тѣхъ условій, при которыхъ только возможно теперь существованіе этой партіи. Соціалдемократія, которая безъ протеста допускаетъ такія изложенія своихъ взглядовъ, какъ „Къ деревенской бѣднотѣ“ Ленина, не должна удивляться, что найдутся люди, для которыхъ и такое произведеніе, какъ „Что говорятъ соціалдемократы деревенской бѣднотѣ“ является Summa Summarum соціалистическихъ взглядовъ. И если соціалистамъ-революціонерамъ легко доказать несостоятельность искровской аграрной программы даже съ точки зрѣнія общедемократической, то я сильно сомнѣваюсь, чтобы „искровцы“ могли доказать практическую несостоятельность соціалистовъ-революціонеровъ „съ точки зрѣнія общедемократической“*. А теперь, когда авторъ этой резолюціи, Аксельродъ, въ своихъ послѣднихъ статьяхъ старается показать, что при торжествѣ „искровскихъ“ взглядовъ „мы имѣли бы революціонную политическую организацію демократической буржуазіи, ведущую за собою, въ качествѣ боевой арміи, рабочія массы Россіи“, его резолюція получаетъ уже вовсе „невинный“ характеръ.

Увлеченіе демонстраціями, такъ-же характерное для доживаемаго нами періода политической ажитаціи, какъ для пережитаго нами періода экономической ажитаціи харатерно было увлеченіе стачками, нашло себѣ у насъ очень авторитетнаго выразителя въ „Искрѣ“. Поднявъ большой шумъ по поводу рекомендованнаго „Рабочимъ Дѣломъ“ отвѣта насиліемъ на

*) Считая ихъ дѣятельность вредной для общедемократической борьбы противъ абсолютизма, резолюція въ то же время признаетъ возможными частныя соглашенія съ ними въ „борьбѣ съ царизмомъ“!

насиліе, она сама не понимала разницы между демонстраціей и „бунтомъ“ и рекомендовала вооруженный отпоръ, который на отвѣтъ насиліемъ на насиліе походитъ, какъ одно яйцо на другое. Демонстрація можетъ быть только мирной и должна быть только массовой. При интенсивной предварительной агитаціи и широкомъ сочувствіи въ массахъ, хорошо организованная демонстрація превращается въ массовую и легче парализуетъ выдвинутую противъ нея вооруженную силу, чѣмъ маленькая кучка вооруженныхъ людей. Вотъ почему въ резолюціи, въ общемъ хорошей, слѣдовало бы подчеркнуть рѣзко разницу между putsch-емъ и демонстраціей и выбросить четвертый абзацъ объ организованномъ вооруженномъ отпорѣ. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Мартовъ, факты показываютъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ — вѣрнѣе, никогда — неудача демонстраціи объясняется отсутствіемъ оружія. Можно сказать, что „вооруженная“ демонстрація заранѣе осуждена на неудачу, превращаясь въ единоборство маленькой кучки демонстрантовъ съ войскомъ, при отсутствіи сочувствующей „публики“, которая, конечно, ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ на такую демонстрацію. И если мы хотимъ, чтобы демонстрація достигла своей цѣли, она, — конечно, при соблюденіи указанныхъ и въ резолюціи условій — должна быть мирной. Отпоръ полиціи и войскамъ подразумѣвается самъ собою, но онъ долженъ быть только вынужденнымъ. Удачно выбранный моментъ, широкая предварительная агитація въ массахъ, возможно болѣе интенсивная „деморализація“ войскъ — и мирная демонстрація будетъ стоить гораздо меньше жертвъ, чѣмъ вооруженная, не говоря уже о томъ, что вооруженная демонстрація, если она не хочетъ явить примѣръ безполезнаго самопожертвованія, никогда не достигаетъ цѣли, которую только можетъ ставить себѣ демонстрація. И чѣмъ сильнѣе будетъ развиваться у насъ социалдемократическая партія, чѣмъ лучше она съумѣетъ завоевать симпатіи широкихъ массъ, тѣмъ скорѣе демонстраціи станутъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ политическаго воспитанія трудящихся массъ и „расширенія и укрѣпленія вліянія соціалдемократіи“.

Въ своей резолюціи объ экономической борьбѣ съѣздъ долженъ былъ дать какъ оцѣнку значенія экономической борьбы, такъ и опредѣленную директиву для всей револю-

ціонной соціалдемократіи. Но, съ легкой руки Ленина, пустившаго въ ходъ „трэд-уніонистскій“ жупелъ, экономическая борьба была замѣнена болѣе узкимъ и болѣе оформленнымъ понятіемъ профессіональной борьбы. Признавая вмѣстѣ съ Ленинымъ что „въ нѣкоторыхъ странахъ легализація цеховыхъ союзовъ предшествовала легализаціи соціалистическихъ и политическихъ союзовъ“, что „мы, соціалдемократы, не должны никоимъ образомъ и абсолютно ничѣмъ давать мѣсто мнѣнію (или недоразумѣнію), будто для насъ дороже экономическія реформы, будто мы именно ихъ считаемъ особенно важными“ и т. п., въ полномъ согласіи, наконецъ, съ духомъ и буквой принятой на съѣздѣ программы, авторъ резолюціи видитъ главную задачу Р. С. Д. Р. П. и въ этомъ вопросѣ не въ устраненіи самого самодержавія, а въ „устраненіи всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя ставятся профессіональному движенію законодательствомъ русскаго самодержавія“. Конечно, онъ прекрасно знаетъ, что полное, послѣдовательное и прочное проведеніе такой политической реформы, какъ легализація цеховыхъ союзовъ, возможно только путемъ низверженія самодержавія, но Улита ѣдетъ, когда-то будетъ!

А между тѣмъ рѣзкая постановка этого вопроса являлась тѣмъ болѣе необходимой, что даже съѣздъ южно-русскихъ организацій говорилъ въ своей резолюціи о возможности при настоящихъ условіяхъ частичнаго, хотя и минимальнаго, улучшенія положенія пролетаріата, какъ класса. Наоборотъ, исходя изъ положенія, что соціалдемократія, какъ передовой отрядъ рабочаго класса въ борьбѣ его за свое освобожденіе, должна всѣми силами содѣйствовать его организаціи во всѣхъ формахъ, что экономическая борьба имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго подъема и усиленія рабочаго класса, что руководство экономической борьбой является лучшимъ средствомъ воспрепятствовать возникновенію и укрѣпленію различныхъ формъ „чисто рабочаго движенія“, слѣдовало въ тоже время указать, что conditio sine qua non развитія оформленной экономической борьбы т. е. профессіональнаго движенія является низверженіе самодержавія, а, слѣдовательно, политическая борьба всего рабочаго класса противъ всего политическаго режима, а не противъ отдѣльныхъ его препятствій, да еще въ его же рамкахъ.

Тогда съѣздъ, конечно, не принялъ бы совершенно ник-

ченную резолюцію о фабричныхъ дворникахъ, и партія избавлена была бы отъ необходимости кричать сознательнымъ рабочимъ „осади назадъ", а редакція — отъ неожиданнаго заявленія, что резолюція эта была принята такъ себѣ, здорово живешь, и мѣстные комитеты могутъ положить ее подъ сукно (въ 59 №) послѣ того, какъ та же редакція (въ 57 №) съ торжествомъ констатировала, „какого громаднаго вліянія достигла уже наша партія, рѣшеніямъ которой, принятымъ на ея съѣздѣ, съ готовностью слѣдуетъ рабочая масса, хотя бы послѣдняя „стихійно" была склонна идти по иному пути" *).

Какъ и всѣ почти резолюціи, она не получила никакой мотивировки, хотя бы въ краткомъ докладѣ. Но мы не ошибемся, если скажемъ, что такимъ обоснованіемъ является статья „Эра реформъ" (въ № 46). Начавъ, какъ и резолюція, рѣзкой критикой этой „жалкой реформы", доказавъ, что новый законъ о фабричныхъ старостахъ по мысли правительства является „средствомъ укрѣпленія политической опеки надъ рабочимъ классомъ", авторъ неожиданно приглашаетъ „развить широкую рабочую борьбу противъ каждой гнусной кляузы новаго закона", и все это на томъ основаніи, что „отстраняться отъ активнаго участія въ современной политической дѣйствительности, какъ бы гнусна она ни была,— тактика анархистовъ, а не соціалдемократовъ". Какъ будто агитировать противъ этого закона можно только связавъ себя предварительно его гнусными кляузами, какъ будто „проведеніе" при настоящихъ условіяхъ „наиболѣе надежныхъ представителей рабочихъ" не значитъ выдавать ихъ головой полиціи и жандармеріи? И все это не смотря на то, что мы прекрасно знаемъ, что „фабричное представительство, представительство рабочихъ на каждой отдѣльной фабрикѣ не можетъ удовлетворить даже на Западѣ, даже въ свободныхъ государствахъ"! Но что же дѣлать? Мы вѣдь обязаны

*) Дѣло въ томъ, что одесскіе рабочіе отказались сначала выбирать фабричныхъ старостъ, но послѣ „приняли" участіе въ этихъ выборахъ. И редакція такъ довольна „крупнымъ" успѣхомъ этого опыта, что дѣлаетъ неожиданный по своей смѣлости выводъ: оказывается, что наши капиталисты въ извѣстномъ смыслѣ хуже вооружены для политической борьбы на почвѣ какихъ бы то ни было выборовъ, чѣмъ рабочіе, руководимые соціалдемократіей!

устранять „всѣ тѣ препятствія, которыя ставитъ профессіональному движенію законодательство русскаго самодержавія“ и не должны отказыватсья даже отъ неполныхъ и непослѣдовательныхъ политическихъ реформъ. А то еще, боже упаси, прослывемъ анархистами!

Резолюція объ антиеврейскихъ погромахъ изображаетъ ихъ, какъ средство въ рукахъ полиціи (!), съ помощью котораго она (!) пытается задержать ростъ классоваго самосознанія пролетаріата, и въ тоже время, рекомендуетъ товарищамъ выяснять пролетаріату реакціонную и классовую подкладку антисемитческихъ подстрекательтвъ. И эта жалкая резолюція принята была, конечно, единогласно!

Старый „пропагандистъ“, я, конечно, могъ бы только привѣтствовать резолюцію, настаивающую на болѣе раціональной организаціи пропаганды, если бы она, выдѣляя пропаганду, не освящала стараго отдѣленія пропаганды отъ агитаціи, наградившаго насъ сначала періодомъ экономической ажитаціи, а послѣ—политической. Разница между пропагандой и агитаціей по содержанію являлась одинаковой аксіомой и для автора „Объ агитаціи“, и для Ленина, и для „экономистовъ“, и для „политиковъ“. Пропаганда теоретически признавалась, но на практикѣ она обрѣталась не въ авантажѣ. И экономическіе и политическіе ажитаторы одинаково признавали, что одной пропаганды недостаточно, что если „сѣраго рабочаго“ не натолкнуть извнѣ, то онъ не пойметъ и не почувствуетъ, что его гнететъ „темная сила“ политическаго произвола или что его давитъ „темная сила“ экономическаго гнета. И вмѣсто того, чтобы разъяснять сущность этихъ „темныхъ силъ“, вмѣсто того, чтобы разоблачать классовый характеръ современнаго общества и правительства, мы взапуски обличали фабрикантовъ, мастеровъ и т. д. какъ это дѣлала „Рабочая Мысль“ или правящую клику башибузуковъ-губернаторовъ, башибузуковъ-цензоровъ и т. д. И тѣ, и другіе одинаково забывали, что и пропаганда, и агитація „внушаетъ“ массѣ одинъ и тотъ же комплексъ идей, но при различныхъ условіяхъ: пропаганда имѣетъ дѣло съ людьми, самосознаніе которыхъ пробуждается подъ вліяніемъ обычнаго хода соціально-экономической жизни, агитація обращается къ людямъ, сомосознаніе которыхъ получаетъ толчекъ отъ какихъ либо крупныхъ

событій экономической или политической жизни. Пропаганда (устная и литературная) охватываетъ единицы, агитація (устная и литературная)—массы. Пропаганда возмѣщаетъ недостатокъ сильныхъ импульсовъ дѣйствительности болѣе интенсивной работой надъ отдѣльными единицами, агитація восполняетъ недостатки даваемаго ею революціоннаго воспитанія числомъ захватываемыхъ ею личностей. И пропагандистъ, и агитаторъ одинаково возбуждаютъ. Но отъ пропагандиста не всегда требуется то, безъ чего немыслимъ хорошій агитаторъ: послѣдній долженъ умѣть попадать „въ жилку". Для этого, конечно, требуются извѣстныя личныя качества, но агитаторъ, который не хочетъ быть игрушкой настроенія даннаго момента или данной группы, который хочетъ овладѣть этимъ настроеніемъ и использовать его въ цѣляхъ соціалдемократическаго воспитанія рабочаго класса, долженъ самъ пройти основательную школу научнаго соціализма, долженъ, какъ это говорится на партійномъ жаргонѣ, быть предварительно хорошимъ пропагандистомъ. Только такимъ путемъ можно увеличить число товарищей, которые будутъ отличаться другъ отъ друга, не какъ „теоретики" и „практики", можно будетъ, наконецъ, уничтожить существующую въ нашемъ движеніи пропасть между „теоретиками" и „практиками". Въ соціалдемократіи не должно быть мѣста ни чистымъ теоретикамъ, ни чистымъ практикамъ и, тѣмъ паче, не должно существовать такое положеніе, при которомъ такъ называемые „теоретики" пользуются правомъ безпрепятственнаго вмѣшательства въ область „практики", а „практики", сознавая свое „теоретическое" безсиліе, только тѣмъ и занимаются, что, съ поистинѣ голубиной кротостью, такаютъ, разъ дѣло заходитъ о теоріи.

Выдѣливъ пропаганду въ особенную область, резолюція заканчиваетъ практическимъ совѣтомъ, который стилистически выраженъ крайне неясно. Такъ, Ц. К. поручается „принять всѣ необходимыя мѣры для систематизаціи и объединенія пропагандистской работы на мѣстахъ, какъ-то (?) систематическіе указатели для занятій въ кружкахъ, рядъ систематически подобранныхъ брошюръ пропагандистскаго характера и т. д.

Мартовъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: изданіе сист. ук., ряда брошюръ и т. д. Но если это такъ, то странно, почему это дѣло поручается Ц. К., а не Ц. О.? Или, можетъ

быть, Мартовъ хотѣлъ сказать, — а съѣздъ такъ и понялъ, — что Ц. К. долженъ заботиться о доставленіи и систематизаціи указателей и брошюръ пропагандистскаго характера, составленныхъ „идейнымъ руководителемъ" Партіи, то бишь Ц. О.? Неясно.

И еще болѣе неясно становится, чего собственно хотѣлъ съѣздъ, когда мы обращаемся къ резолюціи о партійной литературѣ, въ которой мы встрѣчаемъ требованіе, чтобы „была создана обширная брошюрная литература, которая ставила бы себѣ задачей систематическую популяризацію партійной программы и резолюцій съѣзда по вопросамъ тактики". Въ какомъ же отношеніи будетъ находиться эта литература къ порученному Ц. К. „ряду систематически подобранныхъ брошюръ пропагандистскаго характера"?

И еще болѣе непонятно намъ требованіе, чтобы изъ Ц. О. были устранены статьи чисто-теоретическаго характера. Когда Ленинъ совершенно справедливо предложилъ выбросить эти слова, которыя представляютъ уступку Надеждину, Мартовъ, забывъ свою же резолюцію о постановкѣ пропаганды, аппелировалъ къ..... сознанію рабочихъ. „Искру", молъ, дѣлали особенно непопулярной именно статьи теоретическаго характера, которымъ мѣсто въ „Зарѣ". Съ такимъ же правомъ могъ-бы Мартовъ настаивать на устраненіи изъ „Искры" статей чисто полемическаго характера. Или можетъ быть Мартовъ думаетъ, что „Искру" дѣлали особенно популярной ея полемическія статьи?"

Факты говорятъ намъ совершенно иное. Конечно, мы вовсе не за то, чтобы статьи Ортодокса печатались не въ „Зарѣ" а въ „Искрѣ". Такія статьи требуютъ слишкомъ большой затраты умственной энергіи и мало доступны даже „интеллигентамъ". Но на страницахъ самой Искры мы читали, что „приходится слышать жалобы, что въ „Искрѣ" нѣтъ научнаго отдѣла (конечно, по вопросамъ научнаго соціализма), что передовая часть рабочихъ не можетъ удовлетвориться одной лишь „Искрой" и, поэтому, сплошь да рядомъ прибѣгаетъ къ легальной литературѣ, въ которой безусловно царитъ буржуазное направленіе". И если мы хотимъ, говоря словами резолюціи „о постановкѣ пропаганды", рѣшить „задачу выработки сознательныхъ и активныхъ агитаторовъ съ опредѣленнымъ революціоннымъ міровоззрѣніемъ", то мы должны создать Ц. О.,

который не только не чурался бы статей чисто теоретическаго характера, но умѣлъ бы высѣкать эту чистую теорію изъ всѣхъ фактовъ „политической и общественной жизни", который всѣми своими статьями доказывалъ бы, что теоретическія положенія научнаго соціализма суть только „общее выраженіе современныхъ отношеній, существующей нынѣ борьбы классовъ, совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія" *).

Конечно, мы „должны стремиться къ тому, чтобы Ц. О. былъ возможно доступнѣе для читателей", но мы никогда не должны забывать, что Ц. О. главнымъ образомъ предназначается для членовъ партіи, т. е. для передовыхъ рабочихъ и „интеллигенціи", которымъ уже ясны общіе принципы партіи и которые должны учиться выводить ихъ изъ всѣхъ явленій соціальной и политической жизни. Требовать отъ Ц. О. партіи, чтобы онъ въ тоже время служилъ и „популярнымъ" органомъ для мало затронутыхъ еще пропагандой рабочихъ, значитъ сознательно отталкивать отъ себя „передовыхъ рабочихъ" и заставлять ихъ искать въ своемъ Ц. О. только хронику революціонной борьбы и собраніе корреспонденцій.

Съѣздъ сдѣлалъ крупную ошибку, не создавъ или не превративъ въ партійный органъ такую газету, какъ „Южный Рабочій", конечно, не послѣдней его формаціи. Популяризируя принципы соціалдемократіи, обращая рабочихъ, въ которыхъ уже проснулся протестъ противъ политическаго и экономическаго гнета, въ соціалдемократовъ, онъ расширялъ бы кадры читателей Ц. О. партіи. Онъ могъ бы быть районнымъ, могъ бы при болѣе благопріятныхъ условіяхъ — стать общепартійнымъ, не становясь еще центральнымъ. А органъ для рабочихъ и „при данномъ положеніи партійныхъ силъ" для насъ безусловно необходимъ.

*) Къ сожалѣнію, не только для „экономистовъ" существовала пропасть между „общими принципами научнаго соціализма" и „насущной потребностью русскаго рабочаго движенія". Въ не меньшей степени она существовала и для „политиковъ". Не теорія оказывалась прокрустовымъ ложемъ для практики, а наоборотъ. И теоріи безжалостно отсѣкали то „голову", то „ноги". Если для „экономистовъ" кладеземъ премудрости была брошюра „Объ агитаціи", то для „политиковъ" такимъ кладеземъ является „Что дѣлать" Ленина. И трудно сказать, какая изъ этихъ брошюръ больше отступаетъ отъ „чистой теоріи".

И гораздо болѣе необходимъ, чѣмъ, напримѣръ, органъ для сектантовъ, который былъ такъ „внезапно" санкціонированъ съѣздомъ. Правда, поправка Мартова, принятая съѣздомъ, передавала вопросъ о предложеніи, заключающемся въ докладѣ т. Бонча-Бруевича, Ц. К., но она не мѣняла существа дѣла. Предложеніе Плеханова и Ленина противорѣчитъ всѣмъ правиламъ нормальной партійной жизни. Изданіе даннаго органа предоставляется одному лицу, при чемъ сами авторы ставятъ сейчасъ же эту газету подъ сугубый контроль редакціи Ц. О. Одно изъ двухъ: данный органъ дѣйствительно необходимъ, тогда выбирается его редакторъ, и органъ находится подъ такимъ же контролемъ, какъ и всѣ остальныя изданія партіи; или, если въ необходимости его еще не убѣдились, то опытъ этотъ предоставляется дѣлать данному лицу на извѣстныя спеціальныя средства, а не на средства партіи, и за его личной отвѣтственностью.

Такою же „внезапностью" отличается и вся резолюція „о работѣ среди сектантовъ". Авторы резолюціи даже не потрудились мотивировать свое предложеніе. Докладъ Бонча-Бруевича остается неизвѣстнымъ всѣмъ товарищамъ, кромѣ делегатовъ съѣзда. И имъ остается довольствоваться заявленіемъ, что „сектантское движеніе въ Россіи является во многихъ его проявленіяхъ однимъ изъ демократическихъ теченій, направленныхъ противъ существующаго порядка вещей".

И очень жаль, что Плехановъ не подѣлился съ своими „молодыми товарищами" воспоминаніями „о работѣ среди сектантовъ" въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Онъ могъ бы имъ напомнить, что „раціонализмъ на югѣ Россіи" занималъ не только Ковальскаго, что уже среди народниковъ увлеченіе сектантствомъ принимало ту форму, которую мы замѣчаемъ въ статьяхъ Бонча-Бруевича. Онъ могъ бы разсказать о покойникѣ Юзовѣ и болѣе „трезвомъ" Ѳедосѣевцѣ. Онъ указалъ бы имъ, что вмѣстѣ съ реакціей противъ народничества началась и реакція противъ „идеализаторовъ раскола", особенно рѣзко выразившаяся въ статьѣ подъ этимъ же заглавіемъ Харламова, что послѣдній въ цѣломъ рядѣ статей о наиболѣе „радикальныхъ" сектантахъ (о духоборцахъ, странникахъ, штундистахъ) прекрасно показалъ, что „нашъ духъ и истина, нашъ Богъ, — это далеко не то, что духъ и истина сектантовъ; что въ нашихъ упованіяхъ, въ

средствахъ осуществленія этихъ упованій мы съ сектантами сойтись не можемъ, потому что, въ сущности, мы люди разныхъ эпохъ, съ разными пріемами мысли, съ діаметрально противоположными міровоззрѣніями и что наша правда покажется сектантамъ ино мѣсто, сказать по совѣсти, „хуже всякой лжи“.

Вѣроятно, Плехановъ все это забылъ. Ибо, иначе, какъ предложилъ бы онъ съѣзду отдать партійный органъ человѣку, который собирается „претворять въ умахъ крестьянъ-сектантовъ коммунистическія идеи, унаслѣдованныя ими изъ смысла всей христіанской морали (вспоминаете ли Вы теперь статьи Юзова, Вы, „бывшій бунтарь“?), — въ чисто (!) широко (!) народныя соціалдемократическія убѣжденія, несомнѣнно болѣе всего свойственныя мыслительнымъ способностямъ (sic!) и всему укладу жизни всякаго порабощеннаго, но уже проснувшагося къ сознанію пролетарія!?!“ *).

Что касается резолюціи „объ отношеніи къ учащейся молодежи“, то можно только пожалѣть, что она слишкомъ огульна, что не было особой резолюціи о студенчествѣ, которая опредѣлила бы въ общихъ чертахъ также отношеніе соціалдемократическихъ организацій къ чисто-студенческимъ. А это слѣдовало тѣмъ болѣе, что процессъ дифференціаціи среди студенчества принимаетъ все болѣе рѣзкія формы и что соц.-демократическіе элементы студенчества могутъ теперь лучше обособиться. Въ ряды пролетаріата направятся теперь только тѣ его элементы, которые присоединяются не потому только, что соціалдемократія единственное революціонное движеніе, но потому что они убѣдились, что только это революціонное движеніе положитъ конецъ общественному строю, при которомъ наука превращается въ орудіе господства эксплуататоровъ, а искусство — въ ихъ средство наслажденія.

Я думаю, что читатель согласится со мною, что принятыя вторымъ съѣздомъ резолюціи можно смѣло назвать „искровскими“, хотя большинство ихъ выработано было безъ вѣдома „новой редакціи“ т. е. Плеханова и Ленина. Троцкій при-

---

*) В. Бончъ-Бруевичъ, „Значеніе сектантства для Россіи“, Жизнь № 1. Я надѣюсь, что буду еще имѣть случай вернуться къ этой статьѣ.

даетъ громадное значенiе тому обстоятельству, что эти резолюцiи были написаны меньшинствомъ. Sort. Но, пародируя богословскiй терминъ, мы можемъ сказать, что онѣ были искродухновенны. „Ясность никогда не мѣшаетъ", какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ доклада Сибирскому Союзу, писавшагося „въ нетерпящихъ отлагательства агитацiонныхъ цѣляхъ".

V.

Ажитаторы въ роли организаторовъ.

Первый періодъ нашего движенія, „пропагандистскій“, отличался, какъ извѣстно, прямо „возмутительнымъ“ отсутствіемъ какой нибудь „положительности“. Это были „доктринеры“, дорожившіе, какъ выразился съ самоуничтожающимъ презрѣніемъ Мартыновъ, только „распространеніемъ и усвоеніемъ идей“. Всюду и всегда они пропагандировали принципы соціалдемократіи цѣликомъ, безъ всякихъ урѣзываній. Правда, они оставили въ наслѣдіе слѣдующимъ періодамъ не особенно многочисленные, но вполнѣ и сознательно соціалдемократичесіе кадры пропагандистовъ рабочихъ. Но это въ „счетъ не идетъ“. Всѣ они были плохими организаторами. Мало того. Они почти и не занимались вопросами организаціи, хотя только люди, совершенно лишенные всякаго историческаго пониманія и не имѣющіе никакого понятія о тѣсной связи между формами организаціи и задачами, которыя ставитъ себѣ послѣдовательно, — „стихійно“ или „сознательно“ — соціалдемократія, могутъ ставить имъ это въ „вину“ *).

А задача, которую они ставили себѣ, была совершенно другая. Вмѣстѣ съ группой „Освобожденіе Труда“ они видѣли ее въ „пропагандѣ соціалистическихъ идей и выработкѣ элементовъ для организаціи русской соціалдемократической рабочей партіи“. Какъ я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, первые соціалдемократы отличались не меньшей „наивностью“, чѣмъ семидесятники. Они представляли себѣ революцію не за горами и точно также, какъ народовольцы, торопились создать ту силу, на которую они возлагали свои надежды. И въ высшей степени важно было создать тѣ элементы, ко-

*) Я не говорю о тѣхъ каррикатурныхъ формахъ, которыя приняла „кружковщина“ въ рукахъ эпигоновъ. Не трудно было бы показать, что именно первые соціалдемократы выступали съ критикой той „культурной“ пропаганды, которая велась въ народовольческихъ рабочихъ кружкахъ въ теченіе почти всѣхъ восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ.

торые, при неизбѣжной ликвидаціи современнаго политическаго строя, могли бы помочь рабочему классу завоевать большую сумму политическихъ правъ. Предполагалось, что въ періодъ паденія самодержавія, во время революціи, сравнительно легко будетъ дать формальную организацію подготовленнымъ такимъ образомъ элементамъ.

И единственный планъ организаціи, созданный, вѣрнѣе формулированный въ теченіе пропагандистскаго періода, былъ планъ Аксельрода. Какъ и слѣдуетъ человѣку, который дорожилъ „распространеніемъ и усвоеніемъ идей“, его особенно занималъ вопросъ объ организаціи именно этого дѣла. Сначала въ своемъ не напечатанномъ письмѣ къ одной изъ русскихъ группъ, затѣмъ въ своей брошюрѣ „Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи“, онъ писалъ; „Установленіе такой связи (между тѣми, кто издаетъ соціалистическую литературу, и рабочими) и превращеніе издательской и литературной дѣятельности въ общее дѣло всѣхъ рабочихъ кружковъ Россіи могло бы послужить первымъ серьезнымъ пунктомъ для сближенія ихъ въ одно пѣлое. Доставка соціалистической литературы въ Россію, распредѣленіе ея по главнымъ городамъ, собираніе средствъ на ея изданіе — все это служило бы къ тому, чтобы поддерживать и упрочивать связь между разрозненными теперь и незнающими другъ о другѣ революціонерами-рабочими. Изъ сговора и сношеній между ними по дѣлу заграничныхъ революціонныхъ изданій постепенно развилось бы и окрѣпла прочная общерусская рабочая организація, которая охватывала бы всѣ стороны революціонной дѣяности: пропаганду, агитацію, печатаніе и распространеніе воззваній къ народу отъ имени рабочаго союза и т. п.“

Заграничные теоретики тогда скромно ограничивались предложеніемъ своихъ услугъ русскимъ практикамъ, брали на себя лишь задачу разъясненія принциповъ научнаго соціализма въ ихъ приложеніи къ русской дѣйствительности, не задавались еще нелѣпой претензіей водить русское революціонное движеніе на веревочкѣ, протянутой изъ Женевы, не затыкали своихъ ушей отъ голоса критики, какъ Фамусовы, и энергично протестовали противъ попытокъ объяснять личными мотивами принципіальныя разногласія. *)

---

*) Плехановъ, дѣйствительно, многое забылъ. Отъ всей души

Но жизнь не стояла на одномъ мѣстѣ. Въ рамкахъ самодержавнаго строя гигантскими шагами развивалось рабочее движеніе. Все больше и больше, вмѣстѣ съ скачкообразнымъ развитіемъ соціально экономической жизни, накоплялись элементы для широкой агитаціи. Скромная цѣль, которую ставили себѣ піонеры русской соціалдемократіи — выработка элементовъ для организаціи соціалдемократической партіи — все больше уступала мѣсто другой — организаціи соціал-демократической рабочей партіи уже теперь, до паденія самодержавія.

Къ сожалѣнію, попытки достигнуть этой цѣли привели къ отклоненію отъ принциповъ революціонной соціалдемократіи. Насталъ періодъ „конкретныхъ дѣйствій", періодъ агитаціи. Пропаганда была рѣзко отдѣлена отъ агитаціи, и изъ каждой изъ нихъ была составлена особая сфера дѣятельности, отличная не только по пріемамъ, но и по содержанію. Подъ покровомъ соціалдемократіи и якобы на основѣ ея принциповъ сложились двѣ теоріи, вполнѣ тождественныя, не смотря на ихъ, повидимому полную противоположность: теорія неизвѣстнаго автора „Объ агитаціи" и теорія Ленина и „Искры".

„И авторъ брошюры „Объ агитаціи", — писалъ я въ своей книжкѣ, — и авторъ „Что дѣлать?" — соціалдемократы... въ сферѣ пропаганды, но и тотъ, и другой не любятъ пропаганды, а предпочитаютъ агитацію: одинъ — политическую, другой экономическую. Одинаковая „теорія" приводила къ одинаковымъ результатамъ. Агитація вырождается въ ажитацію. „Съ экономической агитаціей, — писалъ я,—это уже случилось, и мы уже видѣли, какъ по поводу стачки нѣсколькихъ рабочихъ насъ серьезно увѣряли, что „классовая борьба есть борьба политическая". Тоже происходитъ на нашихъ глазахъ съ политической агитаціей. Она тоже

совѣтую ему перечитать опять предисловіе къ „Нашимъ разногласіямъ". Онъ тамъ найдетъ отвѣтъ на свои „галантныя" возраженія противъ моей критики. Къ сожалѣнію, какъ это видно изъ статьи „Почему я вышелъ изъ редакціи „Вѣстника Народн. Воли" онъ совершенно забылъ этотъ періодъ. Чтобы свести исторію начатковъ русской соціалдемократіи къ исторіи о томъ, какъ зѣвалъ Тихомировъ и какъ не зѣвалъ Плехановъ и дать ей въ крестные отцы Судейкина и Дегаева — нужно окончательно потерять „чувство смѣшного"!

вырождается въ ажитацію. Такъ тов. Ленинъ уже мечтаетъ о томъ, какъ рабочіе, которымъ политическія обличенія дадутъ и умъ, и чувство, неудержимо захотятъ „сегодня устроить кошачій концертъ цензорамъ, завтра демонстрировать предъ домомъ усмирившаго крестьянскій бунтъ губернатора, послѣзавтра проучить тѣхъ жандармовъ въ рясѣ, что дѣлаютъ работу святой инквизиціи“ и т. д., ибо онъ увѣренъ, что „всякая политическая борьба есть борьба классовая“.

„Экономическая агитація, — писалъ я дальше, — съ ея экономическими обличеніями и объявленіемъ войны фабриканту, изолируя съ одной стороны пролетаріатъ, какъ классъ продавцевъ специфическаго товара, съ другой создавала общность экономическихъ стремленій — стремленій улучшить условія продажи товаровъ, общія пролетаріату съ другими товаропроизводителями. Отъ правительства абстрагировались, забывая связь его съ классовой структурой всего общества. Идеаломъ становилось массовое рабочее движеніе съ экономическимъ характеромъ. Политическая борьба объявлена была въ „подозрѣніи“. „Общее русское дѣло“ совершенно забывалось въ пылу экономической борьбы, заставлявшей уходить въ мѣстную работу. Сознанные интересы, сознаніе рабочихъ показывали, что рабочіе не хотятъ ничего, кромѣ „копейки на рубль“. И доказательствомъ служили письма рабочихъ, получавшіяся организаціями.—Политическая ажитація съ ея политическими обличеніями и объявленіемъ войны правительству, изолируя, съ одной стороны, пролетаріатъ, только какъ самый революціонный классъ, съ другой создаетъ общность политическихъ стремленій — стремленій освободиться отъ самодержавія. Правительство превращается въ абстракцію, въ „темную силу“, гнетущую всѣ классы, такъ какъ забывается связь его съ классовой структурой всего общества. Идеаломъ становится массовое рабочее движеніе съ политическимъ характеромъ. Экономическая борьба объявляется въ подозрѣніи. На первый планъ становится „общерусское дѣло“, которое не измѣришь ни часами, ни копейками“. Сознанные интересы, сознаніе рабочихъ показываютъ, что рабочимъ теперь не нужны ни стачки, ни кассы, ни книжки, что „теперь нужно учить, какъ идти въ бой“, что главный врагъ русскаго народа — правительство, что только тогда мы легче

вздохнемъ, какъ свергнемъ самодержавнаго тирана. И все это, конечно, со словъ рабочихъ или изъ ихъ писемъ *).

И каждое изъ этихъ „практическихъ" уклоненій вызывалось и обусловливалось принципіальнымъ уклоненіемъ. Задачи с.-дем. подвергались коренному урѣзыванію, сначала въ сторону „экономизма", затѣмъ въ сторону „политики". „Экономисты" „толкали" рабочихъ въ сторону „экономической борьбы" и не замѣчали, что они сами „толкаются" въ эту сторону возникшимъ „стихійно", въ силу благопріятныхъ условій, экономическимъ протестомъ рабочихъ массъ, „политики" еще болѣе энергично „толкали" рабочихъ въ сторону „политической борьбы", еще меньше замѣчая, что ихъ „толкаетъ" въ эту сторону „стихійно" возникшій политическій протестъ рабочихъ массъ. Не будучи въ состояніи использовать „стихійно" развивавшійся экономическій и политическій протестъ рабочаго класса въ цѣляхъ его соціалдемократическаго воспитанія, они съуживали задачи соціалдемократіи.

Для экономистовъ-ажитаторовъ самой насущной потребностью пролетаріата являлось экономическое воспитаніе его посредствомъ экономической агитаціи и экономическихъ обличеній, для политиковъ-ажитаторовъ политическое воспитаніе его посредствомъ политической агитаціи—и политическихъ обличеній.

И каждое изъ этихъ принципіальныхъ уклоненій порождало такое же организаціонное уклоненіе.

„Экономистовъ" оно завело въ тупой уголъ „цеховой" организаціи. На „кассахъ" „цехахъ", дѣлавшихъ каждаго рабочаго прирожденнымъ членомъ соціалдемократической партіи, воздвигалась неуклюжая надстройка изъ „комитетовъ", ни

*) Теперь эта параллель, годъ тому назадъ вызвавшая искреннее негодованіе всѣхъ правовѣрныхъ „искряковъ", становится въ переводѣ на языкъ „практиковъ" общимъ мѣстомъ. Объ этомъ впервые заговорилъ авторъ помѣщеннаго въ 43 № „Искры" письма „Объ агитаціонныхъ задачахъ нашей партіи", и примѣчаніе редакціи показало, что она ровно ничего не поняла, да и не могла понять, такъ какъ она продолжала находиться въ состояніи политической ажитаціи. Объ этомъ пишетъ въ своей интересной, очень характерной для „практика", брошюрѣ М. Панинъ. И то обстоятельство, что объ этомъ заговорилъ даже Троцкій, достаточно показываетъ, что, высказывая теперь эти взгляды, можно уже „преуспѣвать".

чемъ не руководившихъ, на дѣлѣ являвшихся только исполнительными органами по отношенію къ экономической борьбѣ рабочихъ. „Демократія“ понималась самымъ первобытнымъ образомъ и на практикѣ привела къ такимъ „чудовищнымъ“ проектамъ организаціи соціалдемократической партіи, какъ пресловутый уставъ петербургской рабочей организаціи. „Лѣсъ“ соціалдемократіи совершенно исчезалъ за „кустами“ и „деревьями“ отдѣльныхъ „чисто рабочихъ“ организацій и кружковъ.

Періодъ этотъ породилъ, конечно, и свою „теорію“ отношеній между заграничными „теоретиками“ и русскими „практиками“. Заграничный Союзъ русскихъ соціалдемократовъ превратился въ такой же исполнительный органъ по отношенію къ русскимъ комитетамъ, какимъ каждый изъ послѣднихъ являлся по отношенію къ рабочимъ организаціямъ. На практикѣ это, конечно, не могло не привести „къ безпринципному отраженію всякаго теченія, которое по тѣмъ или инымъ временнымъ и мѣстнымъ причинамъ, можетъ возникнуть въ средѣ различныхъ дѣйствующихъ въ Россіи группъ“.

„Политиковъ“ указанное мною принципіальное уклоненіе вывело на „широкую“ дорогу общедемократическаго движенія, гдѣ они и теперь еще съ трудомъ, спотыкаясь и падая, отыскиваютъ „колею самостоятельной политики пролетаріата“. Ихъ руководителемъ явился Ленинъ, дѣйствовавшій, по словамъ Плеханова, въ „идейномъ согласіи“ со всѣми своими коллегами по редакціи „Искры“.

Подвергать теперь вновь критикѣ теоретическія основы ленинскаго плана у меня нѣтъ никакого желанія, и я охотно предоставляю эту скучную работу Плеханову. *) Но я нѣсколько подробнѣе изложу планъ Ленина. Теперь это тѣмъ болѣе необходимо, что даже Мартовъ, еще недавно ярый защитникъ этого плана, не только забылъ тѣсную связь его со всѣмъ „искровствомъ“, но готовъ даже, какъ и Панинъ,

*) Пора давно пора, мой „галантный“ оппонентъ, поставить точки на і! Кстати, почему это прежде, когда Вы, по словамъ вашихъ противниковъ, только хорошо, — нѣкоторые говорили, какъ попугай — вызубрили Маркса, вы многое могли предвидѣть, а теперь, когда Вы до всего доходите „своимъ умомъ“, Вы, по остроумному выраженію Маркса, часто видите только „заднюю“ историческаго процесса?

утверждать, что такого плана и не было. Многіе прдставители „меньшинства“, какъ и слѣдуетъ „искрякамъ“, готовы скорѣе признать „здоровое ядро“ въ экономизмѣ и заниматься перепѣвами Надеждичскихъ и Мартыновскихъ пѣсенъ, чѣмъ признать, что „Искра“ отклонилась отъ принциповъ революціонной соціалдемократіи. Крупныя заслуги „практиковъ“ экономическаго періода приписываются такимъ образомъ теоріи, ложной въ самомъ основаніи своемъ. А Плехановъ рекомендуетъ даже товарищамъ опять „качнуться“ въ эту сторону!

Мы никогда не поймемъ, какимъ образомъ партія могла добровольно наложить на себя цѣпи теперешняго устава, мы не въ состояніи даже будемъ понять многіе его пункты, если мы забудемъ, что онъ является формой проявленія ленинскихъ организаціонныхъ идей, логически развившихся изъ упрощеннаго пониманія задачъ соціалдемократіи. Предоставимъ теперь слово Ленину:

„Веденіе самой широкой политической агитаціи, а, слѣдовательно, и организація всестороннихъ политическихъ обличеній есть безусловно необходимая и настоятельнѣе всего необходимая задача дѣятельности, если эта дѣятельность истинно соціалдемократическая. Но мы сдѣлали этотъ выводъ исходя только изъ самой насущной потребности рабочаго класса въ политическомъ знаніи и политическомъ воспитаніи... Область, изъ которой только и можно почерпнуть это знаніе, есть область отношеній всѣхъ классовъ и слоевъ къ государству и правительству, область взаимоотношеній между всѣми классами... Чтобы принести рабочимъ политическое знаніе, соціалдемократы должны идти во всѣ классы населенія, должны разсылать во всѣ стороны отряды своей арміи... Тотъ не социалдемократъ, кто забываетъ на дѣлѣ о своей обязанности быть впереди всѣхъ въ постановкѣ, обостреніи и разрѣшеніи всякаго общедемократическаго вопроса... Рѣчь шла о возможномъ и необходимомъ участіи разныхъ общественныхъ слоевъ въ низверженіи самодержавія, а этой „активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ“ мы не только можемъ, но и непремѣнно должны руководить, если мы хотимъ быть „авангардомъ“... А кто хочетъ конкретно представить себѣ эту политическую агитацію соціалдемократа во всѣхъ классахъ и слояхъ населенія,

тому мы укажемъ на политическія обличенія въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ на главное (но, разумѣется, не единственное) средство этой агитаціи... Авангардомъ революціонныхъ силъ съумѣетъ стать въ наше время только партія, которая съорганизуетъ дѣйствительно всенародныя обличенія (чтобы стать авангардомъ, надо именно привлечь другіе классы)... Трибуной для всенародныхъ обличеній можетъ быть только общерусская газета... Чтобы писать въ газетѣ (а не въ популярной брошюрѣ) о городскихъ и государственныхъ дѣлахъ, надо имѣть свѣжій, разностороннiй, умѣлымъ человѣкомъ собранный и обработанный матеріалъ. А для того, чтобы собирать и обработывать такой матеріалъ, недостаточна „примитивная демократія" примитивнаго кружка, въ которомъ всѣ дѣлаютъ все и забавляются игрой въ референдумы. Для этого необходимъ, штабъ спеціалистовъ-писателей, спеціалистовъ-кореспондентовъ, армія репортеровъ соціалдемократовъ, заводящихъ связи вездѣ и повсюду, умѣющихъ проникнуть во всѣ и всяческія „государственныя тайны", пролѣзть во всякія „закулисы", армія людей обязанныхъ „по должности" быть вездѣсущими и всезнающими... Вѣдь въ томъ то и суть, что нѣтъ иного средства воспитать сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты... Необходимы общія учрежденія, т. е. не одно только одно общее званіе „союза", а дѣйствительно общая работа... Надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это поприще, создать фактичесскую связь между городами на регулярной общей работѣ, ибо раздробленность придавливаетъ людей, которые „сидятъ какъ въ ямѣ", не зная, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. И я продолжаю настаивать, что эту фактическую связь можно начать создавать только на общей газетѣ, какъ единственномъ регулярномъ общерусскомъ предпріятіи...

Поэтому основнымъ содержаніемъ дѣятельности нашей партійной организаціи, фокусомъ этой дѣятельности должна быть такая работа, которая и возможна, и нужна какъ въ періодъ самаго сильнаго взрыва, такъ и въ періодъ полнѣйшаго затишья, именно: работа политической агитаціи, объединенной по всей Россіи, освѣщающей всѣ стороны жизни и направленной въ самыя широкія массы. А эта работа немыслима въ современной Россіи безъ общерусской, очень часто выходящей

газеты. Организація, складывающаяся сама собою вокругъ этой газеты, организація ея сотрудниковъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова т. е. всѣхъ трудящихся надъ ней) будетъ именно готова на все, начиная отъ спасенья чести, престижа и преемственности партіи въ моментъ наибольшаго революціоннаго „угнетенія“ и кончая подготовкой, назначеніемъ и проведеніемъ всенароднаго вооруженнаго возстанія“.*)

Надо отдать справедливость Ленину: все у него выходитъ „торжественно и стройно“. Упростивъ до нельзя содержаніе соціалдемократической дѣятельности, онъ вполнѣ послѣдовательно дошелъ до послѣднихъ выводовъ централистической организаціи. Все исходитъ отъ редакціи „общерусской“ газеты и все къ ней возвращается. И когда нужно было, наконецъ, оформить эти идеи въ видѣ устава, Ленину пришлось только переводить свои организаціонныя идеи на языкъ уставныхъ параграфовъ.

Централизмъ, анти-демократизмъ и построеніе всей партійной дѣятельности въ зависимости отъ даннаго состава лицъ т. е. Personencultus, какъ принципъ организаціи, являлись альфой и омегой одинаково какъ для „большинства“ такъ и для „меньшинства“. Ни то, ни другое не доросло еще до пониманія такой простой мысли, что соціалдемократическая партія — я нарочно беру формулировку Мартова**) — свою политику формулируетъ не въ составѣ своихъ отвѣтственныхъ учрежденій, а въ рѣшеніяхъ программнаго, тактическаго и организаціоннаго характера, ставящихъ тѣсныя рамки всякому составу“. Тогда бы они поняли, говоря словами объявленія объ изданіяхъ гр. „Борьба“, что только этимъ путемъ мы можемъ устранить возможность такихъ явленій, какъ прикрываніе принципіальныхъ разногласій организаціонными — и наоборотъ. Такое осложненіе однихъ разногласій другими не только не ведетъ къ выясненію принципіальныхъ разногласій, но, напротивъ, способствуетъ ихъ запутыванію и раздуванію и даже придумыванію несуществующихъ пунктовъ расхожденія“.

Какъ бы то ни было, пока дѣло не дошло до измѣненія

*) Ленинъ, „Что дѣлать?“ Курсивъ не нашъ.

**) См. „Борьба съ осаднымъ положеніемъ“, стр. 7. Къ сожалѣнію, Мартовъ и самъ еще не понимаетъ, какіе выводы слѣдуютъ изъ этой простой мысли.

персональнаго состава „гвоздя“ всей партіи, все шло благополучно, и „меньшинство“ самымъ усерднымъ образомъ проводило въ жизнь уставъ, относительно котораго самъ Мартовъ заявилъ на съѣздѣ, что онъ не послужитъ ко вреду для партіи только при сохраненіи всей старой редакціи!!

Каковы же отличительныя черты принятаго устава? Во первыхъ, рѣзкое отдѣленіе идейнаго руководства отъ практическаго; во вторыхъ, выдача всей партіи окончательно оформленнаго „волчьяго билета“, или свидѣтельства о соціалдемократической неблагонадежности; въ третьихъ, составляющая сколокъ съ политической организаціи всѣхъ централистическихъ восточныхъ деспотій, система децентрализаціи въ отношеніи освѣдомленности центра и отвѣтственности предъ нимъ.

„Основной идеей устава, говорилъ на съѣздѣ Ленинъ, является раздѣленіе функцій. Дѣленіе на два центра не есть результатъ раздѣленія этихъ центровъ по мѣсту, (Россія и заграница), а логическое слѣдствіе раздѣленія по функціямъ. Ц. К. принадлежатъ функція практическаго руководства, Ц. О. — идейнаго руководства.

Это—„символъ вѣры“ Ленина и Старовѣра, Павловича и Троцкаго, Плеханова и Мартова.

Въ Женевѣ сидитъ редакія Ц. О. и, сосредоточивая въ себѣ всѣ умственныя силы партіи, думаетъ за насъ „крѣпкую думу“ и пишетъ, пишетъ, пишетъ: она развиваетъ теоретическія истины, тактическія положенія, общія организаціонныя идеи и такимъ образомъ идейно руководитъ партіей. Въ Россіи орудуетъ практически Ц. К. Основательно стерилизованный отъ всякихъ идейныхъ бациллъ, онъ превращенъ въ „волевой“ аппаратъ, который „поступаетъ“, „распоряжается“, „сносится“, „носится“, „собираетъ средства“ по всему пространству нашей необъятной родины, „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“, отъ береговъ Вислы до самаго Портъ-Артура. Дѣятельность его не „стѣснена“ никакими рамками, никакими параграфами. Это лишенный всякихъ идей механизмъ, который съ помощью системы агентовъ, вояжирующихъ изъ Россіи въ Женеву и изъ Женевы въ Россію, „распредѣляетъ“, въ видѣ газеты, листковъ, брошюръ, умственную энергію, накопляющуюся на живописныхъ берегахъ Женевскаго

озера „маленькимъ духовнымъ орденомъ". Въ надлежащій моментъ, нащупавъ пульсъ „конкретныхъ общественныхъ соотношеній," редакція скажетъ Ц. К.: жарь! — и многовѣковое зданіе русскаго абсолютизма, минированное практическимъ Ц. К., конечно, сразу взлетитъ въ воздухъ, не хуже „Петропавловска"!

Что дѣлаютъ мѣстные комитеты — неизвѣстно. Вѣроятно, помня завѣты „Искры" — другихъ инструкцій съѣздъ, за недостаткомъ времени, не далъ,—что „въ томъ то и суть, что нѣтъ иного средства воспитать сильныя полит. организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты", они, какъ имъ усиленно еще рекомендовалъ Мартовъ, устраиваютъ кружки рабочихъ, которые занимаются „функціей" собиранія для Ц. О. корреспонденцій и средствъ, а по полученіи свѣжаго номера, выполняющіе „функціи" чтенія, обсужденія и распространенія Ц. О.! На этомъ вѣдь уже давнымъ давно согласились всѣ!

За то очень хорошо извѣстно, что съ ними слѣдуетъ дѣлать, какъ долженъ съ ними поступать Ц. К. Онъ ихъ „организуетъ" и „руководитъ" ими. Онъ разбираетъ „конфликты" между ними. И онъ же ихъ „дезорганизуетъ", если они „фордыбачатъ", и „фыркаютъ", если они „захотятъ сунуть свой носъ" или, какъ выражались на съѣздѣ, „засунуть свою лапу" въ дѣла, которыя не относятся „спеціально и исключительно къ той области партійной дѣятельности, для завѣдыванія которой они созданы". Сапожникъ, знай свои колодки!

Но вѣдь именно по вопросу объ отношеніяхъ между Ц. О. и Ц. К. прежнеее, столь солидарное и сплоченное „искровское" ядро раскололось на „большинство" и „меньшинство"? Какъ же вы проглядѣли „героическую" борьбу, которая велась на съѣздѣ по вопросамъ объ „единогласіи," „взаимной кооптаціи", функціяхъ „Совѣта Партіи"!

Совершенно вѣрно, но эта борьба была „борьба славянъ между собой", именно этотъ споръ показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, которые одинаково твердо „убѣждены" въ существованіи вѣдьмъ, но коренными образомъ расходятся лишь по „основному" вопросу о томъ, откуда онѣ родомъ: изъ Кіева или Чернигова.

Дѣло въ томъ, что „меньшинство", раньше очнувшись отъ ленинскаго или что тоже искровскаго кошмара, все еще

находится въ идейныхъ просонкахъ и до сихъ поръ не можетъ еще освободиться отъ искровскихъ „навязчивыхъ идей“. И „меньшинство“, и „большинство“ исходятъ изъ одного и того же факта, который они возводятъ въ „теорію“, на которомъ они разъ навсегда строютъ свои организаціонные „планы“.

„Практикамъ“ нельзя вѣрить ни на грошъ, имъ „пальца въ ротъ не клади“, за ними долженъ быть самый строгій надзоръ. Они тяжко согрѣшили. „Теоретики“ — другое дѣло. Они хранятъ „чистое“ — болѣе или менѣе! — ученіе, всякая мысль о контролѣ надъ ними была бы оскорбительна для нихъ. Россійскіе „практики“ питаютъ неудержимую страсть ко всякимъ компромиссамъ, къ оппортунизму, къ экономизму и т. д. и т. д., заграничные теоретики, конечно, отъ всего этого застрахованы, они — чище снѣга альпійскихъ вершинъ. *)

По тутъ „теоретики“ раскалываются: одни, съ Ленинымъ во главѣ, требуютъ „ежовыхъ рукавицъ“, они ставятъ себѣ въ заслугу желаніе вліять на Ц. К. и стремятся закрѣпить это вліяніе организаціоннымъ путемъ; другіе, съ Мартовымъ во главѣ, показали, что они не желаютъ превращенія Ц. К. въ орудіе редакціи. Одни борются за преобладаніе надъ Ц. К., другіе — за его независимость. Одни надѣются, что они „добьются“ своего — они уже многаго добились! — и не допустятъ Ц. К. и всѣхъ практиковъ до какихъ нибудь компромисовъ, другіе уже опустили въ безсиліи руки и хотятъ сохранить „чистоту“ „Искры“. Одни не боятся рисковать ея

*) „Редакція могла отдавать себя въ полное распоряженіе съѣзда, —говорилъ на съѣздѣ, пылая священнымъ огнемъ нравственнаго негодованія, исполнявшій нѣкогда „функцію“ ленинской дубинки Троцкій,—но съѣздъ самъ долженъ установить предѣлы своего вмѣшательства. Съѣздъ не имѣетъ ни нравственнаго(!), ни политическаго(!) права перекраивать редакцію... Предоставимъ ей самой измѣненіе ея состава, если она встрѣтитъ въ этомъ надобность. Это слишкомъ щекотливый вопросъ, чтобы съѣздъ могъ запустить въ него свою руку“!!! И мы еще смѣемся надъ астраханскимъ комитетомъ! Съѣздъ имѣлъ право „перекраивать“ принципы революціонной соціалдемократіи, онъ имѣлъ право связать всю партію угрюмъ-бурчеевскимъ уставомъ, но онъ не имѣетъ право „перекраивать“ редакцію! Поменьше суздальства и побольше уваженія къ себѣ!

популярностью, другіе приходятъ въ священный трепетъ отъ одной лишь мысли объ этомъ.

Что поетъ намъ „единственный“ политическій „капельмейстеръ“, то бишь „вождь“ — всѣмъ хорошо извѣстно. Послушаемъ представителей „меньшинства“.

„Таковъ „историческій поворотъ“ тов. Ленина. Онъ грозитъ, этотъ поворотъ, политическому вліянію „Искры“,—ибо теперь каждый шероховатый шагъ Ц. К., находящагося въ вассальныхъ отношеніяхъ къ редакціи, будетъ поставленъ въ счетъ „Искрѣ“,—трещалъ на съѣздѣ Лиги тоже, съ позволенія сказать, „вождь“ „меньшинства“.

А Данъ, получившій недавно отъ Мартова патентъ на званіе самаго неподдѣльнаго „искровца“—Ленинской пробы! — написалъ, въ качествѣ „мягкаго“, цѣлое письмо на тему: „Comprnedre — c'est pardonner!“ „Понимая“, что при настоящихъ условіяхъ — охъ, уже эти „практики“! — немыслимъ Ц. К., который устоялъ бы противъ бѣса оппортунизма, онъ великодушно заранѣе „прощаетъ“ практическому Ц. К. всѣ его „самостоятельные“ шаги въ области всякихъ „политическихъ компромиссовъ“ и сдѣлокъ съ принципами соціалдемократіи, утѣшая себя тѣмъ, что, съ другой стороны, партія будетъ имѣть „болѣе или менѣе“ — виноватъ! — неподдѣльный ортодоксальный Ц. О., котораго не коснется эта „зараза“. Практикамъ — практика, теоретикамъ — теорія! Съ одной стороны постоянно и упорно „уклоняющіеся“, „узкіе“, „политически невоспитанные“ практики, съ другой — „неуклонные“, „широкіе“, „политически-воспитанные“ теоретики. И нашъ „неподдѣльный“ искровецъ скорбитъ теперь, что Ц. К. не есть верховный руководитель практической политической дѣятельности партіи, что онъ не подчиненъ референдуму большинства комитетовъ — это, видите ли, было бы полезно въ цѣляхъ укрѣпленія дѣйствительной связи Ц. К. съ комитетами — и плачетъ совсѣмъ горькими слезами по поводу того, что Ц. О. теперь поставленъ въ полную зависимость отъ всѣхъ колебаній, настроеній и взглядовъ большинства партіи, потому что редакція выборная!!! *) Что Ц. К. — здорово, то Ц. О. смерть!

*) Это слово повергаетъ въ ужасъ и вызываетъ судорожные припадки даже у такихъ не „слабонервныхъ“ людей, какъ Данъ. Бѣдные искровцы, неподдѣльные и поддѣльные! Такіе „бона-

Стоило ли поднимать на „объединительномъ" съѣздѣ такой скандалъ по поводу „тактики процесса", стоило ли три года городить искровскій огородъ, чтобы такъ безпомощно сложить руки предъ „стихійностью"! Не лучше ли было подумать о томъ, какъ уничтожить раздѣленіе на „идейный" и „практическій" центры, раздѣленіе функцій „идейнаго" и „практическаго" руководства, раздѣленіе, увѣковѣчивающее „разъ на всегда" всѣ эти печальные факты?

И вотъ, заговорившіе вдругъ на „разныхъ" (!) языкахъ, „мягкіе" и „твердые" вступили въ ожесточенный бой. „Колятъ", „рубятъ"! Летятъ поправки, контръ-поправки, поправки къ поправкамъ. Одни кладутъ въ свои резолюціи „ординарные" заряды, другіе „двойные"! Шумъ, трескъ, адскій грохотъ! А на предсѣдательскомъ креслѣ сидитъ „Зевсъ-Діалектикъ" и, самъ „качаясь" въ тактъ, съ любопытствомъ смотритъ, какъ „то сей, то оный на бокъ гнется".

Да, были люди въ наше время!
Богатыры — не вы!

Побѣдилъ нашъ „маленькій капралъ". Ему удалось закрѣпить „организаціоннымъ путемъ" вліяніе редакціи Ц. О. на Ц. К. въ Россіи. Редакція имѣетъ теперь большинство въ Совѣтѣ партіи. Она „согласуетъ и объединяетъ дѣятельность Ц. О. и Ц. К.", она „представляетъ" партію въ сношеніяхъ съ другими партіями. Она „возстановляетъ" Ц. К. и редакцію Ц. О. Она, однимъ словомъ, „можетъ" не меньше, чѣмъ англійскій парламентъ, а тотъ, какъ извѣстно, не можетъ только женщину сдѣлать мужчиной.

Но — увы! — безжалостная жизнь разбила и эти организаціонныя иллюзіи. Карточный организаціонный домикъ, воздвигнутый „Искрой", разсыпался именно потому, что былъ разсчитанъ на данный составъ лицъ. Достаточно было выйти изъ редакціи Мартову, который послѣдовалъ за „вышибленными" оттуда Засуличъ, Аксельродомъ, Старовѣромъ, — и построенная на двухъ китахъ, идейномъ и практическомъ, партійная организація зашаталась въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Но киты все же стояли на мѣстѣ. Но едва вышелъ

партистскіе" выборы на основѣ „плебисцита", какъ произведенные „демократомъ" Ленинымъ, конечно, не излечатъ отъ этого паническаго ужаса передъ словомъ „демократизмъ".

изъ редакціи „метафизикъ“ Ленинъ, и „діалектикъ“ Плехановъ „единогласно“ кооптировалъ прежнихъ редакторовъ — какъ все пошло вверхъ дномъ. Идейный центръ оказался въ то же время и практическимъ, практическій оказался въ то же время и идейнымъ. Въ результатѣ этого „діалектическаго“ процесса, редакція Ц. О., имѣющая большинство въ Совѣтѣ Партіи, оказалась совершенно безсильной. Она теперь ни чѣмъ не „руководитъ“, ничего не „согласуетъ“, ничего не „объединяетъ“. Устами Совѣта она все время предлагаетъ иначе „разсѣсться“,

Ужъ вѣрно мы поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ!

и съ такимъ же успѣхомъ, какъ и крыловскій поваръ, читаетъ нотаціи „язвѣ здѣшнихъ мѣстъ“ — Ц. К. А Васька слушаетъ да ѣстъ!

Задушевное желаніе „меньшинства“, за осуществленіе котораго оно такъ героически боролось на съѣздѣ — независимый и авторитетный Ц. К. — наконецъ, воплотилось въ жизнь. Но „часъ отъ часу не легче“. Казалось бы, совершенно иммунизированный противъ какой бы то ни было „идейной“ заразы, Ц. К. вдругъ, невѣдому почему, какимъ то наитіемъ, сверху или снизу, пріобрѣлъ сразу „идейную“ прыть, и въ свою очередь требуетъ отдачи Ц. О. подъ его строгій надзоръ! Чудеса, да и только!

И, какъ будто для того, чтобы придать совершенно каррикатурный характеръ своей „функціи“ идейнаго руководства всей партіей, редакція Ц. О., устами Плеханова, заявляетъ теперь, что „идейно руководитъ“ партіей значитъ „имѣть право время отъ времени давать болѣе или менѣе суровые уроки“ комитетамъ! Отъ комитетовъ, превращенныхъ усиліями искровскихъ агентовъ въ кустарныя свѣтелки по части сбора обличительныхъ корреспонденцій и фабрикаціи политическихъ обличеній, требуютъ теперь, чтобы они на мѣстѣ выполняли соціалдемократическое дѣло во всей его полнотѣ. И редакція Ц. О., забывъ, что она руководитъ не на „пустомъ мѣстѣ“, что она имѣетъ дѣло съ пламенемъ или съ копотью, раздутыми самой „Искрой“, воюетъ почти со всѣми россійскими комитетами и допекаетъ ихъ съ помощью разныхъ „стороннихъ сообщеній“ какъ разъ за то, въ чемъ эти бѣдные комитеты

видятъ альфу и омегу настоящаго „искровства"! Ихъ убѣдили, что они должны заниматься только „практической" дѣятельностью, на нихъ помощью партійнаго устава надѣли смирительную рубашку и имъ же кричатъ, поколачивая ихъ „идейной" ферулой: дѣйствуйте самостоятельно! Вотъ уже подлинно: не доверпись—бьютъ, перевернись—бьютъ!

Въ тѣсной и необходимой связи съ первой указанной мною чертой стоитъ и вторая. Я знаю, что моя формулировка, вѣроятно, будетъ „шокировать" своей рѣзкостью и по этому приведу болѣе „мягкую" формулировку, данную на съѣздѣ бывшей ленинской дубинкой. „Нашъ уставъ, говорилъ Троцкій, представляетъ „организованное недовѣріе" со стороны партіи ко всѣмъ ея частямъ, т. е. контроль надъ всѣми мѣстными, районными, національными и другими организаціями". Другими словами, всѣ организаціи приглашаются питать полное „довѣріе" къ „маленькому духовному ордену", а послѣдній, хорошо зная, что „практикамъ" нельзя вѣрить ни на грошъ, обезпечиваетъ себѣ всякія средства контроля или надзора за неблагонадежными комитетами. И, сознавая свои тяжкіе грѣхи, увѣренные въ непогрѣшимости „теоретиковъ", бѣдные „практики" покорно продѣли свои побѣдныя головушки въ придуманные для нихъ уставные ошейники!

Насколько согласны въ этомъ пунктѣ „меньшинство" и „большинство", видно хотя бы изъ того, что въ своемъ единственномъ принципіальномъ спорѣ на съѣздѣ — о „членствѣ" — обѣ стороны пользуются однимъ и тѣмъ же критеріемъ: какая изъ этихъ формулировокъ лучше обезпечиваетъ контроль надъ членами партіи? Никому изъ нихъ и въ голову не пришла мысль: а какая изъ этихъ формулировокъ лучше обзпечиваетъ столь же необходимый контроль надъ центрами?

Но и тѣмъ, и другимъ мало было гласнаго контроля надъ комитетами. Надо было создать еще тайный, негласный, на совершенно особыхъ, специфическихъ началахъ. Какъ всякій азіатскій деспотъ считаетъ себя еще безсильнымъ, если у него кромѣ широко развѣтвленной системы агентовъ, съ помощью которыхъ онъ централизуетъ въ своихъ рукахъ руководство всей жизнью страны, нѣтъ еще болѣе широко развѣтвленной системы доносчиковъ, которая даетъ ему возможность децентрализировать отвѣтственность предъ нимъ,

такъ и нашъ „маленькій духовный орденъ“ думаетъ вмѣстѣ съ Ленинымъ, что онъ „будетъ безсиленъ, если въ тоже время мы не проведемъ максимальной децентрализаціи и въ отвѣтственности передъ нимъ и въ освѣдомленности его о всѣхъ колесахъ и колесикахъ партійной машины“. *) И центръ „усилилъ“ себя, проведя въ партійный уставъ такіе чудовищные, азіатски-чудовищные параграфы, какъ десятый и одиннадцатый. Согласно первому изъ нихъ, каждый членъ партіи и всякое лицо, имѣющее какое либо дѣло съ партіей, въ правѣ требовать, чтобы его заявленіе въ подлинномъ видѣ (почему бы еще не засвидѣтельствовать его нотаріальнымъ порядкомъ?) доставлено было въ Ц. К. или Ц. О., согласно второму, всякая организація обязана доставлять Ц. О. и Ц. К. всѣ средства къ ознакомленію со всею ея дѣятельностью и всѣмъ ея личнымъ составомъ!

И кто яростнѣе всѣхъ отстаивалъ, вмѣстѣ съ Ленинымъ, эти два пункта? Все та же бывшая ленинская дубинка, а теперь съ пѣной у рта громящій Ленина за „бюрократизмъ“ и „формализмъ“ — Троцкій! „Это, — говорилъ нашъ „изъ молодыхъ да ранній“, вся недолгая „эволюція“ котораго состоитъ изъ чисто кавалерійскихъ „эволюцій“,—можетъ быть полезно для выясненія нѣкоторыхъ интересныхъ эволюцій“. И эти двѣ квалифицированныя пощечины всѣмъ россійскимъ организаціямъ были, конечно, приняты; послѣдняя, правда, только (!) 27 голосами противъ 12, при 7 воздержаніяхъ.

И теперь остается лишь поскорѣе учредить при Ц. О. или при Ц. К. департаментъ по части выяснеія интересныхъ эволюцій. Тогда воплотится въ жизнь и мечта нашего политическаго „капельмейстера“ о томъ, чтобы „было въ точности извѣстно, кто, гдѣ и какую скрипку ведетъ, гдѣ и какъ какому инструменту обучался и обучается, кто, гдѣ и почему фальшивитъ (когда музыка начинаетъ ухо драть), и кого,

*) См. „Письмо къ товарищу о нашихъ организаціонныхъ задачахъ“ Н. Ленина, стр. 21. Очень жаль, что это удивительное письмо циркулировало только среди „своихъ“. Оно даетъ прекрасный комментарій къ уставу, предложенному Ленинымъ и проведенному почти цѣликомъ на съѣздѣ. Громадное большинство пунктовъ партійнаго устава цѣликомъ заимствовано изъ этого письма. И остается только диву даться, какъ это „меньшинство“ до сихъ поръ не видѣло ни „бюрократизма“, ни „бонапартизма“!

какъ и куда надо для исправленія диссонанса перевести и т. д. ! *) А рядомъ съ этимъ департаментомъ другой, куда „въ подлинномъ видѣ“ будутъ поступать всѣ „входящія“ въ Ц. О. или Ц. К. заявленія каждаго члена партіи, то бишь— каждаго лица, работающаго подъ руководствомъ одной изъ партійныхъ организацій, и всякаго лица, имѣющаго какое либо дѣло съ партіей! И я увѣренъ, что за кандидатами дѣло не станетъ!**)

А „меньшинство“ самымъ усерднымъ образомъ перечитываетъ и перепечатываетъ всякіе „документы“, которые должны показать, что сначала Ц. О., а послѣ Ц. К. въ проведеніи этого устава провинились въ „бюрократизмѣ“, „формализмѣ“, „бонапартизмѣ“ и т. п. ужасахъ! Пора бы уже наконецъ понять, что всѣ эти милые „атрибуты“ лежатъ не въ формахъ проведенія этого угрюмъ-бурчеевскаго устава, а въ немъ самомъ, составляютъ самую его „субстанцію“. И приглашая всѣхъ, кстати и не кстати, работать „въ рамкахъ устава“, который, по признанію лидера „меньшинства“, Мартова, не „послужитъ ко вреду партіи“ лишь при извѣстномъ составѣ редакціи Ц. О., „меньшинство“ затягиваетъ еще туже и крѣпче петлю, которую оно же помогло надѣть на партію, если можно еще говорить о партіи, Ц. О. которой является теперь органомъ „меньшинства“, а Ц. К. находится въ рукахъ „большинства“.

Или, можетъ быть, „меньшинство“ вмѣстѣ съ нашими „мягкими“ либералами изъ бюрократовъ думаетъ, что можно „мягко“ проводить въ жизнь угрюмъ-бурчеевскіе законы? Я лично предпочитаю, чтобы этимъ дѣломъ занимались Угрюмъ-Бурчеевы и отставные корнеты Толстолобовы. „Ясность никогда не мѣшаетъ“!

Съуживаніе задачъ соціалдемократіи и признаніе насущной

---

*) Ленинъ, „Письмо къ товарищу“, стр. 22.

**) Редакція Ц. О. идетъ еще дальше. Она эти „подлинныя заявленія“, не въ примѣръ „бюрократамъ“, которые, конечно, положили бы ихъ „подъ сукно“, просто печатаетъ, даже въ томъ случаѣ, если это лицо совершенно ей неизвѣстно. См. напр. въ 64 № „Искры“ любопытное и по стилю, и по содержанію письмо, конечно, рабочаго, который даетъ „честное пролетарское слово“, что онъ не вретъ. И редакція Ц. О. партіи шпыняетъ теперь комитетъ партіи, который „всего“ устраиваетъ „ничтожныя собраньица въ нѣсколько десятковъ человѣкъ!“ Такъ и сказано!

потребностью пролетаріата политическое воспитаніе пролетаріата посредствомъ политическихъ обличеній и политической агитаціи, выдвиганіе на первый планъ указанной потребности пролетаріата именно потому, что она совпадаетъ съ потребностью общедемократическаго движенія, непониманіе принципіальной разницы между либерализмомъ и буржуазной демократіей съ одной стороны и рабочей демократіей—съ другой, убѣжденіе, что только путемъ общерусской газеты можно воспитать сильную политическую организацію, ограниченіе общей дѣятельности, безъ которой невозможно общее руководство, одной только литературной дѣятельностью въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, пренебреженіе дѣломъ организаціи самого пролетаріата, стремленіе увѣковѣчить и „закрѣпить“ „законодательнымъ“ порядкомъ раздѣленіе между функціями „идейнаго“ и „практическаго“ руководства — все это „принципіальное“ зданіе, воздвигнутое „Искрой“, нашло только достойное увѣнчаніе въ „чудовищномъ“ планѣ организаціи, который былъ проведенъ на съѣздѣ Ленинымъ и Мартовымъ, „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“.

На комитетахъ, районныхъ группахъ, рабочихъ кружкахъ, главнымъ занятіемъ которыхъ является конспиративная постановка распространенія литературы, воздвигается, въ видѣ гигантскаго организаціоннаго спрута, Ц. К., вдохновляемый Ц. О. Если прежде „комитеты“ были „исполнителями“, „выразителями“ сознанныхъ подъ вліяніемъ экономической агитаціи мѣстныхъ и профессіональныхъ нуждъ, то теперь они являются „повелителями“, „распорядителями“, вносящими извнѣ, путемъ политической агитаціи, сознаніе еще несознанныхъ политическихъ нуждъ. Прежде комитеты служили рабочимъ, теперь рабочіе служатъ комитетамъ. Всюду требуется безпрекословное „повиновеніе“: рабочіе повинуются комитетамъ, комитеты повинуются Ц. К., а послѣдній, подъ руководствомъ Ц. О., опираясь на готовую къ повиновенію рабочую массу, подготовляетъ, назначаетъ и проводитъ всенародное вооруженное возстаніе. *) „Пропаганда“ остается въ такомъ же пренебре-

*) Такъ еще О. К. изъ ростовскихъ событій сдѣлалъ главный выводъ, что массы уже безпрекословно подчиняются своимъ руководителямъ. И еще въ 61 № „Искры“ изъ Кіева, (гдѣ господствуетъ „меньшинство“) пишутъ: „Въ городѣ недовольство тоже росло. Хотя отъ соціалдемократическаго комитета не было никакихъ

женіи, какъ и прежде. Пропасть, образовавшаяся въ теченіе „экономическаго“ періода между „теоретиками“ и „практиками“, окончательно санкціонируется. „Заграничные“ теоретики не отражаютъ россійское движеніе, а заряжаютъ его, изъ исполнителей они превращаются въ его руководителей. „Кусты“ и „деревья“ отдѣльныхъ рабочихъ организацій совершенно исчезаютъ за „лѣсомъ“ соціалдемократіи, принимающей смутныя очертанія буржуазной демократіи. Ибо, если „экономисты“, замыкаясь въ рамкахъ „чисто рабочаго“ движенія, создавали благопріятную почву для ея укрѣпленія, то „политики“, вырвавшись на „широкую“ улицу общедемократическаго движенія, раскрыли ей настежъ двери.

И чѣмъ скорѣе русскіе соціалдемократы объявятъ „рѣшительную войну всему кругу идей, на которыя опирается такъ называемое „чисто политическое теченіе въ нашемъ движеніи“, тѣмъ лучше. Въ статьяхъ Аксельрода „меньшинство“ уже начало критику „ленинизма“, какъ Мартовъ почему то окрестилъ безпримѣсное „искровство“. Но „одна ласточка не дѣлаетъ еще весны“. И лидеры „меньшинства“ сдѣлали бы гораздо болѣе полезное дѣло, если бы вмѣсто вылавливанія грамматическихъ, историческихъ и логическихъ ошибокъ въ резолюціяхъ „большинства“ — а онѣ, право, нисколько не хуже тѣхъ рукоприкладствъ, въ которыхъ тѣ же комитеты присягали на вѣрность „Искрѣ“ и подчеркивали свою солидарность съ „Что дѣлать?“ — занялись бы болѣе энергично критикой старой „Искры“ и ленинскихъ откровеній. Ибо если „Искра“ была прежде „кристаллически-цѣльнымъ цѣлымъ“, то кристаллизовалась она вокругъ именно „ленинскихъ“ откровеній. А критика этой „теоріи“ была бы въ тоже время и критикой „практики“.

Если „экономическій“ періодъ кончился полнымъ фіаско „практиковъ“, то „политическій“ закончился не менѣе полнымъ фіаско „теоретиковъ“. Мы опять переживаемъ періодъ шатаній и разброда. И чѣмъ скорѣе русская соціалдемократія покончитъ съ „теоретическими“ иллюзіями, возникшими въ періодъ политической ажитаціи, тѣмъ скорѣе она въ состояніи будетъ использовать всякое положеніе, поскольку оно

распоряженій, но рабочіе были очень возбуждены“. Непонятное явленіе!

благопріятно для извѣстной формы борьбы, не становясь игрушкой „экономическихъ" или „политическихъ" иллюзій. „Экономисты", которыхъ „толкалъ" экономическій приливъ, скромно думали, что это они „сталкиваютъ" рабочихъ съ фабрикантами; „политики", которыхъ „толкала" и вынесла на своемъ гребнѣ „политическая" волна, такъ же скромно думали, что это они „сталкиваютъ" рабочихъ съ самодержавіемъ. Du glaubst zu schieben, und du wirst geschoben!

Въ Ростовскихъ, а затѣмъ іюльскихъ событіяхъ ясно слышится уже грозный гулъ, надвигающагося все ближе и ближе, новаго историческаго прилива. „Стихійно" развивающееся классовое сознаніе, разрывая мѣстныя, профессіональныя и національныя перегородки, „стихійно" же подыскиваетъ себѣ соотвѣтствующія формы проявленія и дѣятельности. „Экономическая борьба" и „политическая борьба" сливаются „стихійно" въ массовую стачку противъ политическаго режима. Растетъ и крѣпнетъ, пока еще „стихійный", протестъ рабочаго класса не только противъ капиталистовъ, не только противъ правительства, но и противъ всего классоваго общества и государства.

А мы, усѣвшись, какъ ни въ чемъ не бывало, „въ рамкахъ устава", продолжаемъ либо отстаивать „планъ", либо выдумывать новыя магическія „формулы". Надъ нами не каплетъ!

VI.

Противъ организаціоннаго фетишизма.

Какъ расширить и укрѣпить тѣ связи, которыя дадутъ намъ возможность во время революціи и на другой день послѣ нея быть дѣйствительнымъ авангардомъ самаго революціоннаго класса, а не только штабомъ безъ армій? Этотъ „проклятый вопросъ" опять поставленъ на очередь дня ростовскими, а затѣмъ іюльскими событіями.

И ничто не характеризуетъ такъ ярко повальное увлеченіе организаціоннымъ вопросомъ, какъ попытка рѣшить этотъ вопросъ съ помощью организаціонныхъ „формулъ" или „ключей". Такъ Панинъ, освободившійся отъ гипноза „политицизма", все еще ищетъ „ключа", который откроетъ доступъ нашему вліянію на широкія массы пролетаріата" въ „политической организаціи революціонеровъ, построенной по принципу объединенія и централизаціи ихъ дѣятельности". Онъ не замѣчаетъ, что повторяетъ основную идею той самой Ленинской книги, противъ которой онъ полемизируетъ. Ошибка Ленина состоитъ не въ томъ, что онъ политическую организацію революціонеровъ строитъ по принципу централизаціи руководства, мы видѣли въ предыдущей главѣ, что и въ планѣ Ленина централизація руководства предполагаетъ централизацію дѣятельности, — а въ томъ, что онъ упрощаетъ, съуживаетъ эту общую дѣятельность, ограничивая ее „работой политической агитаціи, объединенной по всей Россіи".

Развѣ не характерно, что единственный принципіальный споръ, раздѣлявшій на съѣздѣ искровцевъ, вращался вокругъ спора о „формулахъ", въ которыхъ и та, и другая сторона, съ фанатизмомъ фетишистовъ, видѣли „все спасающій, чудеса творящій талисманъ"? Даже Аксельродъ, пріучившій насъ искать центръ тяжести всей нашей дѣятельности не въ организаціонныхъ формулахъ, а въ точномъ опредѣленіи „характера агитаціонно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ самого пролетаріата", почему-то ухватился за мартовскую формулу, точно она и въ самомъ дѣлѣ открываетъ „доступъ

нашему вліянію на широкія массы пролетаріата". Только послѣ съѣзда онъ нащупалъ „больное мѣсто" и упрекаетъ теперь большинство делегатовъ, которые, повидимому, и не догадывались, что „жизнеспособность новой организаціи будетъ прямо пропорціональна объему и значенію того содержанія, которое она внесетъ въ движеніе".

Къ сожалѣнію, — и странно, какъ Аксельродъ не замѣтилъ этого раньше,—для громаднаго большинства делегатовъ все это было давнымъ давно ясно. „Объемъ и значеніе" были уже опредѣлены въ „Что дѣлать?", и вся практика искровцевъ въ одно и то же время питалась этимъ новымъ откровеніемъ и питала его. Всѣ давнымъ давно согласились, что „основнымъ содержаніемъ дѣятельности нашей партійной организаціи, фокусомъ этой дѣятельности должна быть работа политической агитаціи по всей Россіи". Что же удивительнаго, если, говоря словами Аксельрода, „съ перемѣщеніемъ центра нашей партійной дѣятельности въ сферу агитаціи на почвѣ общедемократическаго антагонизма пролетаріата съ царскимъ самодержавіемъ, всякое революціонизированіе рабочихъ массъ съ цѣлью „вовлеченія ихъ въ борьбу" съ нимъ пріобрѣло въ кругу многихъ соціалдемократовъ такое же значеніе универсальнаго средства классоваго воспитанія этихъ массъ, какимъ прежде для нихъ была агитація узко-экономическя"?

Не отказываясь еще отъ логической формулы Мартова, Аксельродъ въ своихъ статьяхъ ищетъ уже „ключъ" не въ формѣ организаціи, а въ ясной и опредѣленной формулировкѣ задачъ, которыя должна ставить себѣ соціалдемократія вообще и русская въ частности. Онъ замѣтилъ наконецъ, что въ періодъ чисто политической ажитаціи задачи эти были съужены и упрощены не въ меньшей степени, чѣмъ въ періодъ экономической ажитаціи.

Но прекрасныя статьи Аксельрода еще не кончены, и волей-неволей мнѣ придется пользоваться формулировкой, которую я далъ послѣ обстоятельнаго разбора „искровской" постановки задачъ русской соціалдемократіи. *)

---

*) Н. Рязановъ, ibid сс. 83-167. Часть вторая. Изъ области практики. 1) Задачи соціалдемократіи вообще. 2) Особенности Россіи и задачи русскихъ соціалдемократовъ. Я надѣюсь, что, по окончаніи статей Аксельрода, буду еще имѣть случай вернуться къ этому вопросу.

„Итакъ, писалъ я, организація самостоятельной политической партіи рабочаго класса съ революціонной соціалдемократической програмой, а для этого: соціалдемократическое воспитаніе рабочаго класса посредствомъ разоблаченія классового характера всего современнаго общества и государства; развитіе классоваго сознанія путемъ пропаганды и агитаціи, руководство, какъ экономической, такъ и политической борьбой пролетаріата; координированіе его экономической борьбы съ буржуазіей (фабрикантами) и политической борьбы съ правительствомъ въ борьбу соціалдемократіи съ классовымъ обществомъ и съ классовымъ государствомъ; подчиненіе экономической и политической организаціи пролетаріата его соціалдемократической организаціи во имя идеи соціальной революціи, какъ классоваго интереса пролетаріата, присущаго ему въ отличіе отъ всѣхъ другихъ классовъ современнаго общества; борьба соціалдемократической партіи съ капитализмомъ съ цѣлью уменьшить сумму страданій, которыми сопровождается неизбѣжная при этомъ строѣ экспропріація трудящихся массъ — вотъ задачи соціалдемократіи, какъ онѣ диктуются ей особенностями капиталистическаго развитія Россіи. Этими задачами должны опредѣляться какъ организація партіи, такъ и ея средства политической борьбы".

Только точное опредѣленіе „объема и значенія" того „содержанія", которое соціалдемократія „вноситъ" въ рабочее движеніе, постоянная провѣрка „практики" соц.-демократич. „теоріей", т. е. конденсированнымъ опытомъ всего западноевропейскаго движенія, можетъ гарантировать насъ отъ смѣшеніи экономической и политической организаціи пролетаріата съ его соціалдемократической организаціей. Только въ этомъ случаѣ форма организаціи не поглощаетъ ея содержанія, только въ этомъ случаѣ процессъ организаціи не отождествляется съ ея результатомъ, только въ этомъ случаѣ не развивается организаціонный фетишизмъ, для котораго организовать значитъ прежде всего составить уставъ. Вѣдь такъ легко создать „политическую" организацію и „приписать" ее къ вездѣсущему Ц. К.! Куда легче даже, чѣмъ организовать рабочихъ въ „кассы"!

Соціалдемократическая организація пролетаріата является болѣе сложнымъ дѣломъ. Организовать пролетаріатъ съ этой точки зрѣнія—значитъ, исходя изъ различія уже сознанныхъ

мѣстныхъ, профессіональныхъ, политическихъ интересовъ, пользуясь въ своей пропагандѣ и агитаціи уже пробудившимся экономическимъ или политическимъ протестомъ, развивать въ рабочей массѣ пониманіе еще не сознанныхъ классовыхъ интересовъ, значитъ превращать разрозненныя „массы", изъ которыхъ состоитъ рабочая масса данной страны, въ „массу", проникнутую сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, въ классъ не только an sich, но и für sich, значитъ сливать изолированные другъ отъ друга, разнородные ручейки и рѣчки „массового" экономическаго или политическаго движенія въ одинъ могучій однородный потокъ соціалдемократическаго рабочаго движенія. Только это сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ служитъ связующимъ цементомъ классовой организаціи пролетаріата, только оно создаетъ классовыя связи, соединяющія рабочихъ въ одно единое и нераздѣльное цѣлое.

Гдѣ плохо выполняется такая организація пролетаріата, гдѣ забывается „эта самая насущная потребность" рабочаго класса, тамъ не помогутъ никакія организаціонныя „формулы", тамъ, вопреки Панину, никакія „организаціонныя" связи между партіей и рабочими массами не уничтожатъ ея „оторванности отъ правильно понятыхъ пролетарскихъ интересовъ".

И какъ это ни кажется странно Акимову и Мартову, классовая организація пролетаріата идетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ яснѣе и отчетливѣе границы, отдѣляющія партію отъ „рабочихъ", чѣмъ лучше партія „огорожена" отъ Акимовской „жизни", чѣмъ меньше „каждый стачечникъ, каждый демонстрантъ можетъ объявлять себя членомъ партіи."

Соціалдемократія, представительница классовыхъ интересовъ пролетаріата, его передовой отрядъ, хотя и рекрутируется главнымъ образомъ изъ его среды, какъ партія, знаетъ только соціалдемократовъ. Отъ безчисленнаго количества маленькихъ и большихъ „массъ", разбросанныхъ по всей странѣ, она отдѣляетъ себя „средостѣніемъ" въ видѣ партійной организаціи, ревниво оберегая себя такимъ образомъ отъ вторженія „жизни". Образованіе такой „замкнутой" партіи есть conditio sine qua non превращенія массового рабочаго движенія въ соціалдемократическое. Работая, не покладаючи рукъ, среди самыхъ „конкретныхъ" рабочихъ самыхъ разнообразныхъ профессій, она принимаетъ въ свою

среду „отвлеченныхъ“ рабочихъ, „отвлеченныхъ“ отъ всякихъ мѣстныхъ и профессіональныхъ интересовъ, проникнутыхъ сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, т. е. рабочихъ, ставшихъ соціалдемократами.

Но, отдѣляя себя организаціоннымъ барьеромъ отъ качественно разнородныхъ элементовъ, хотя бы ими являлись самыя что ни на есть рабочія организаціи, съуживая такимъ образомъ свои рамки, она этимъ самымъ расширяетъ предѣлы своего воздѣйствія не только на рабочій классъ, но и на всю трудящуюся массу, безпомощно бьющуюся въ тискахъ капитализма. Руководя всѣми формами, въ которыхъ проявляется дѣятельность рабочаго класса, направляя ихъ къ одной цѣли—развитію классового сознанія, она считаетъ фокусомъ своей дѣятельности соціалдемократическое воспитаніе рабочаго класса посредствомъ разоблаченія классового характера всего современнаго общества и государства. Выступая всегда принципіальнымъ врагомъ всего буржуазнаго общества, энергично борясь со всякими проявленіями экономическаго, политическаго и. т. п. гнета, она становится наиболѣе народной партіей, становится во главѣ всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ, все больше убѣждающихся, что интересы пролетаріата въ то же время и ихъ интересы. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивается число тѣхъ, кто соглашаются взять на себя всѣ жертвы и обязанности, съ которыми сопряжена принадлежность къ партіи, и наложить на себя организаціонныя узы.

Къ сожалѣнію не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ сказка сказывается. Тяжелыя условія борьбы за существованіе затрудняютъ оформленіе этихъ отношеній, и въ дѣйствительности процессъ организаціи пролетаріата обгоняетъ ростъ пролетарской организаціи. Настоящее ложится такимъ тяжелымъ гнетомъ на каждаго рабочаго, что требуется очень высокая степень развитія, сильный энтузіазмъ, готовность на самопожертвованіе, чтобы стать членомъ организаціи, въ которой интересы настоящаго подчиняются интересамъ будущаго. Достаточно вспомнить, какъ незначителенъ процентъ экономически организованныхъ рабочихъ, и мы уже не будемъ удивляться, что процентъ политически и соціалдемократически (а эти термины, какъ увидимъ, далеко не совпадаютъ) организованныхъ рабочихъ еще ниже. Опытъ даже германской соціалдемократіи доказываетъ, что на

практикѣ приходится довольствоваться очень грубымъ приближеніемъ къ идеалу.

А идеальной формулой организаціи явилась бы разсѣянная по всей странѣ сѣть соціалдемократическихъ союзовъ и группъ, дѣлающихъ въ рамкахъ мѣстныхъ условій одно и то же общее дѣло и объединенныхъ въ одну партійную организацію. Но такой оформленной организаціи, которая охватила бы всѣхъ соціалдемократовъ, германская соціалдемократія до сихъ поръ не имѣетъ. Въ то время, какъ экономическая и политическая организація пролетаріата соціалдемократами идетъ болѣе или менѣе успѣшно, соціалдемократическая организація, созданная ими, все еще держится, такъ сказать, въ воздухѣ. Вмѣсто оформленныхъ организаціонныхъ связей между партіей и рабочими, партія во многихъ мѣстахъ все еще пользуется такъ назыв. Vertrauensmänner (довѣренными лицами) и такимъ неопредѣленнымъ признакомъ принадлежности къ партійной организаціи, какъ поддержка ея въ теченіе извѣстнаго времени денежными средствами. Точный подсчетъ настоящихъ членовъ партіи поэтому совершенно невозможенъ. Партія не знаетъ даже числа политически организованныхъ членовъ, такъ какъ вступленіе въ члены Wahlverein'а обставлено цѣлымъ рядомъ ограниченій (возрастъ и полъ). Къ великому огорченію Ленина, нѣмецкій Ц. К. не только лишенъ возможности „доходить" до каждаго члена партіи, но не знаетъ даже, какъ велики личныя и финансовыя средства соціалдемократической организаціи.

Неудивительно поэтому, что время отъ времени возникаютъ конфликты между оформленной экономической и политической организаціей съ одной стороны и расплывчатой соц.-дем. съ—другой. Интересы партіи оттѣсняются на задній планъ, а иногда совсѣмъ забываются, и во главу угла ставятся мѣстные профессіональные или мѣстные политическіе интересы. Инцидентъ съ каменьщиками въ Гамбургѣ и инцидентъ съ Гере въ Чоппау показываютъ это наглядно. Въ одномъ случаѣ соціалдемократы, организовавшіеся въ gewerkschaft, требуютъ, чтобы партія исключала изъ своихъ рядовъ членовъ, провинившихся въ нарушеніи профессіональной дисциплины, въ другомъ—соціалдемократы, организованные въ Wahlverein, забываютъ, что они не политическій союзъ избирателей гражданъ, выбирающихъ представителя народа, а политическая

организація соціалдемократовъ, защищающихъ въ данномъ избирательномъ округѣ кандидатуру представителя своей партіи и завоевывающихъ ей лишнюю трибуну для разоблаченія классовой подоплеки всѣхъ формъ гнета. И оппортунисты, для которыхъ соціалдемократическая организація всегда является бѣльмомъ на глазу, сейчасъ же ухватились за эти инциденты, чтобы поднять знамя возстанія противъ партіи. Если оппортунисты—„экономисты" à la Эльмъ очень охотно превратили бы соціалдемократическую партію въ ариѳметическую сумму gewerkschaften съ „парламентскимъ комитетомъ", то оппортунисты-„политики" à la Гейне не менѣе охотно превратили бы ее въ такую же сумму избирательныхъ комитетовъ съ парламентской фракціей въ главѣ, члены которой были бы избавлены отъ стѣснительнаго контроля при заключеніи сдѣлокъ и компромиссовъ съ буржуазными партіями. Но и тѣ, и другіе каждый разъ натыкаются на несокрушимый отпоръ плохо оформленной классовой организаціи пролетаріата, т. е. соціалдемократической партіи *).

И все таки, несмотря на „расплывчатость" ея организаціи, ни одна партія въ мірѣ не является въ такой степени партіей рабочаго класса, какъ именно германская соціалдемократія. И это „очевидно" для всѣхъ, хотя она никогда не добивалась того, чтобы каждый стачечникъ и каждый демонстрантъ могъ объявить себя ея членомъ (Мартовъ), хотя „въ составъ ея не входятъ рабочія организаціи всѣхъ родовъ", ни lose, ни feste (Страховъ и Ленинъ), хотя она отдѣляетъ себя организаціоннымъ барьеромъ отъ всѣхъ рабочихъ организацій (gewerkschaften) и совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы между ней и массой былъ рядъ организацій (Мартовъ).

Мы видѣли уже, какой чудеса творящій талисманъ имѣла нѣмецкая соціалдемократія. Правильно понимая свои задачи, никогда не уклоняясь ни въ сторону „экономизма", ни въ

---

*) Въ этомъ отношеніи оппортунистъ Гейне и ортодоксъ Ленинъ одного и того же поля ягоды. Въ угоду политической злобѣ дня приносится въ жертву будущность соціалдемократіи. И Гейне сейчасъ бы пересталъ кричать противъ „формализма" и „бюрократизма", если бы могъ добиться реорганизаціи партіи на ленинскихъ началахъ: ему вѣдь нужны только полная автономія политическихъ вождей въ предѣлахъ ихъ „функцій" и извѣстная степень ихъ безотвѣтственности или, какъ выражается рѣзко Парвусъ, ему нужна партія, состоящая изъ барановъ и овецъ.

сторону „политики“, она неуклонно продолжала видѣть „фокусъ“ своей дѣятельности въ социалдемократическомъ воспиганіи рабочаго класса посредствомъ разоблаченія классового характера всего современнаго общества и государства. Говоря словами „Объявленія объ изданіяхъ гр. „Борьбы“, она „помогала рабочему классу выяснить и высказывать свои ближайшія требованія“, она „приходила къ нему на помощь своимъ опытомъ, почерпнутымъ изъ исторіи практики западно-европейскаго рабочаго движенія“, она всегда „соединяла неразрывной связью эти ближайшія требованія съ задачами движенія въ его цѣломъ“, превращая массовое рабочее движеніе въ соціалдемократическое.

Вотъ почему центръ тяжести ея организаторской дѣятельности лежалъ въ раціональной организаціи даннаго ядра соціалдемократовъ, которая позволила бы ей въ одно и то же время быть очагомъ непрерывной соціалдемократической пропаганды и агитаціи и пунктомъ кристаллизаціи всѣхъ, выдѣляемыхъ общественно-экономическимъ броженіемъ, элементовъ соціалдемократической партіи.

Какъ должны организоваться соціалдемократы, чтобы наиболѣе цѣлесообразно и успѣшно выполнять дѣло классовой организаціи пролетаріата? Какая форма организаціи имѣющихся уже соціалдемократическихъ силъ лучше всего гарантируетъ партію отъ превращенія въ секту?

Какъ образовалось это ядро соціалдемократовъ—вопросъ, представляющій лишь историческій интересъ. Но гдѣ нѣтъ такого ядра, тамъ могутъ существовать „духовные руководители“ и секты, получающіе отъ нихъ „твердость убѣжденій и единство взглядовъ“.

Имѣется ли у насъ такое ядро? Несмотря на печальный опытъ второго съѣзда, мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Лучшимъ доказательствомъ служатъ, какъ ростовскія и іюльскія событія, въ которыхъ „искровство“ не повинно ни душою, ни тѣломъ, такъ и соціалдемократическіе процессы послѣднихъ лѣтъ. И какъ разъ теперь, когда кончилась самымъ позорнымъ фіаско попытка превратить русскую соціалдемократію въ „секту“ или, по изящному выраженію Ленина, въ „посудину“, въ которую „извнѣ“ вливаютъ „болѣе или менѣе“ сильный растворъ бернштейніанства и брентанизма, организація имѣющихся на лицо соціалдемокра-

тическихъ силъ становится не только необходимой, но и возможной.

Какая же форма организаціи диктуется задачами соціалдемократіи, какъ мы ихъ выше формулировали?

Кто говоритъ: „организація соціалдемократовъ", тѣмъ самымъ указываетъ, что эта организація не признаетъ политики „открытыхъ дверей", что она ставитъ извѣстный барьеръ между собою и „жизнью". Чтобы стать ея членомъ, мало объявить или признать себя имъ. Нужно еще быть признаннымъ, принятымъ. Принимая новыхъ членовъ путемъ кооптаціи, она предъявляетъ всякому „новичку" цѣлый рядъ требованій. Основанная на солидарности мысли, дѣйствія и отвѣтственности, она требуетъ признанія программы, соотвѣтственныхъ этому дѣйствій и готовности нести отвѣтственность за ея дѣйствія. Она можетъ подвергать его болѣе или менѣе продолжительному „искусу", но разъ она кооптировала его, онъ становится ея равноправнымъ членомъ.

Нѣтъ обязанностей безъ правъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей. Взявъ на себя рядъ обязанностей, наложивъ на себя организаціонныя узы, отказавшись отъ свободнаго проявленія своей „индивидуальности", онъ можетъ „развернуться во всю", какъ соціалдемократъ, онъ получаетъ право принимать участіе въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, имѣетъ право влiять на всѣ дѣла.

Въ этомъ отношеніи организація соціалдемократовъ не знаетъ различія между „интеллигентами" и „рабочими", между „теоретиками" и „практиками". Какъ бы ни отличались другъ отъ друга отдѣльные члены организаціи по своему развитію, по своимъ способностямъ, какъ бы высоко ни поднимались надъ среднимъ уровнемъ нѣкоторые изъ нихъ; при обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ каждый членъ имѣетъ одинаковый голосъ. Какъ бы ни были разнообразны роды и виды, на которые распадается ея дѣятельность, какъ бы ни были разнообразны „функціи", которыя берутъ на себя члены этой организаціи, всѣ эти „части" общей работы должны исполняться „цѣлостными" соціалдемократами. Организація никогда не должна напоминать мануфактуру съ ея „детальными работниками", съ рѣзкимъ отдѣленіемъ „идейнаго руководства" отъ „практической работы", съ превращеніемъ всѣхъ работниковъ въ винтики или колесики общаго механизма. Она скорѣе напоминаетъ

простую кооперацію свободныхъ работниковъ. Взаимная связь этихъ функцій, ихъ распредѣленіе и ихъ единство должны быть свободнымъ продуктомъ ихъ дѣятельности, а не навязываться имъ, какъ въ капиталистической мануфактурѣ, извнѣ какой нибудь группой, которая присваиваетъ себѣ „функцію распредѣленія функцій".

Всякая совмѣстная дѣятельность нуждается въ большей или меньшей степени въ руководствѣ и управленіи, которое соединяетъ различныя индивидуальныя дѣятельности въ одно гармоническое цѣлое. И точно также изъ всякой совмѣстной дѣятельности возникаетъ цѣлый рядъ общихъ функцій. Выполненіе этихъ функцій руководства и согласованія, а равно и всѣхъ общихъ функцій, возлагается на цѣлый рядъ должностныхъ лицъ, выбираемыхъ всей организаціей и отвѣтственныхъ предъ нею. Довѣріе, которымъ пользуются эти лица, основано на постоянной провѣркѣ ихъ дѣйствій всѣми членами организаціи. Контроль выбранныхъ организаціей должностныхъ лицъ надъ отдѣльными членами ея въ предѣлахъ взятыхъ ими на себя функцій дополняется контролемъ всѣхъ членовъ организаціи должностными лицами во всѣхъ ихъ функціяхъ. Каждый членъ отвѣчаетъ за организацію, и организація—за каждаго. „Сапожникъ, знай свои колодки"!—принципъ, которому не должно быть мѣста въ организаціи соціалдемократовъ. Какъ бы ни была спеціальна функція, которую взялъ на себя членъ организаціи, онъ долженъ помнить, что онъ не только „транспортеръ", не только „техникъ", что на немъ лежитъ отвѣтственность не только „въ предѣлахъ его функцій", что онъ отвѣчаетъ за всю организацію. Онъ долженъ поэтому „совать свой носъ" во всѣ дѣла, иначе организація превратится въ собраніе овецъ, а должностныя лица изъ слугъ ея въ „диктаторовъ." *) Соціалдемократизмъ не имѣетъ и не долженъ имѣть никакихъ степеней. Нужно имѣть самое дикое представленіе о немъ, чтобы думать, что извѣстнымъ степенямъ соціалдемократизма соотвѣтствуютъ извѣстныя функціи и отвѣтственность въ

---

*) Нашимъ товарищамъ, которые хотятъ устроить разсадникъ „диктаторовъ", слѣдовало бы помнить слѣдующія слова „солдата революціи", Либкнехта: Того, кто хочетъ стать лично диктаторомъ, въ мирное время, какъ я сказалъ Лассалю, можно, конечно, высмѣять; въ революціонное же время ему пускаютъ пулю въ лобъ".

данномъ предѣлѣ функціи (Ленинъ и Павловичъ). Конечно, оркестръ нуждается въ дирижерской палочкѣ. Но организація соціалдемократовъ не оркестръ, хотя и хорошій оркестръ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если его „винтики" знаютъ всю партитуру, а не довольствуются знаніемъ части ея, находящейся въ вѣдѣніи „контрабаса" или „барабана".

Согласно тому-же принципу свободной простой коопераціи долженъ быть построенъ и союзъ такихъ организацій. Каждая мѣстная группа вѣдаетъ все соціалдемократическое дѣло во всей его полнотѣ. Мѣстной она является не потому, что „вѣдаетъ дѣлами, относящимися спеціально и исключительно къ данной мѣстности" (Ленинъ и Мартовъ), а потому, что дѣлаетъ общее дѣло — соціалдемократическое воспитаніе рабочаго класса — въ рамкахъ мѣстныхъ условій.

Совмѣстная дѣятельность этихъ группъ нуждается въ руководствѣ и согласованіи такъ же, какъ и дѣятельность членовъ каждой изъ этихъ группъ въ отдѣльности. Возможность объединенія и централизаціи общихъ функцій (общая касса, общая „техника", общій транспортъ и т. д. и т. д.) усиливается еще въ большей степени. Создается также возможность выполнять цѣлый рядъ предпріятій, которыя не подъ силу отдѣльнымъ организаціямъ. Сила партійной организаціи далеко превышаетъ простую сумму силъ, входящихъ въ нее организацій. Развивается та потенціальная сила, которая возникаетъ изъ сліянія многихъ силъ въ одну общую силу, развивается сила массъ.

Какъ же обезпечиваются единство и планомѣрность общепартійной деятельности?

Единство и планомѣрность общепартійной дѣятельности обезпечиваются періодически созываемыми партійными съѣздами, которые обсуждаютъ и рѣшаютъ всѣ относящіеся къ этой дѣятельности вопросы и поручаютъ выполненіе этихъ рѣшеній выборнымъ должностнымъ лицамъ всей партіи или „центру". Этому же „центру" поручаются функціи руководства и управленія всей общепартійной дѣятельностью и организація всѣхъ „общихъ функцій". Онъ является только отвѣтственнымъ представителемъ партіи и исполнителемъ ея рѣшеній.

Безъ принципіальнаго единства, безъ солидарности мысли невозможно организаціонное единство, безъ единства взглядовъ

невозможно единство дѣйствія. Но не надо думать, что солидарность мысли исключаетъ борьбу идей, что единство взглядовъ тождественно съ „единомысліемъ". Соціалдемократія — партія класса, а не секты, и солидарность мысли достигается въ ней борьбой различныхъ „оттѣнковъ", приходящихъ къ извѣстному соглашенію. Участіе въ организаціи даетъ столько преимуществъ, что всякій охотно подчиняется рѣшенію, съ которымъ онъ небезусловно согласенъ, если только онъ имѣлъ возможность до принятія рѣшенія отстаивать свое личное мнѣніе. Лишь тамъ, гдѣ классовому движенію навязываютъ всякіе сектантскіе лозунги, гдѣ являются пророки и знахари съ особенными патентованными средствами, („планы", „отрѣзки" и т. д.), гдѣ изъ организаціи „вышибаются" всякіе „оттѣнки", несогласные съ „оттѣнкомъ" господствующей группы, развивается дикое стремленіе установить „единство взглядовъ" путемъ установленія „единомыслія". *) Только на этой „сектантской" почвѣ могла выросги искровская утопія внесенія „единства взглядовъ" въ партію путемъ установленія „единомыслія" въ „центрѣ", состоящемъ изъ десятка прекрасно спѣвшихся вождей.

Объ этомъ мечталъ глуповскій градоначальникъ, Василискъ Бородовкинъ, объ этомъ мечтала и „Искра", столь „много возлюбившая".

„Утвердившись такимъ образомъ и въ самомъ центрѣ, единомысліе градоначальническое неминуемо повлечетъ за собою и единомысліе всеобщее. Всякій — уразумѣвъ, что градоначальники: а) распоряжаются единолично б) палятъ также единомысленно, — будетъ единомысленно же и изготовляться къ воспріятію сихъ мѣропріятій. Ибо отъ такого единомыслія имъ некуда будетъ дѣваться. Не будетъ, слѣдственно, ни

*) Исключеніе необходимо только въ томъ случаѣ, если членъ партіи или часть ея хотятъ пользоваться не только „свободой критики", но и свободой дѣйствія. Но оно всегда остается печальной необходимостью. Я лично предпочитаю „нерѣшительность" нѣмецкихъ товарищей по отношенію къ бернштейніанцамъ „рѣшительности" нашихъ обезпамятѣвшихъ марксистовъ, которые уже давнымъ давно исключили бы не только Бернштейна, но и Ауэра. Лучше терпѣть бернштейніанцевъ въ своей средѣ, чѣмъ терпѣть бернштейніанство въ своей программѣ.

своры, ни розни, а будутъ распоряженія и пальба повсемѣстная“.

Оказалось, что отъ такого „единомыслія“ некуда было дѣваться самимъ „градоначальникамъ“. Къ сожалѣнію, учинивъ бунтъ, они все еще думаютъ вмѣстѣ съ глуповскимъ же градоначальникомъ Беневоленскимъ, что „глуповскіе“ законы мѣняютъ свое естество, если примѣнять оные „добросердечно“. Они все еще продолжаютъ упорно смѣшивать тайную организацію съ заговорщической, централизованную съ централистической, и, вмѣстѣ съ Ленинымъ, готовы сейчасъ же „разстрѣлять“ всякаго „демократа“.

VII.

„Сверху“ или „снизу“.

Мы уже видѣли, что форма организаціи диктуется задачами, которыя она себѣ ставитъ, мы видѣли также, что въ силу этихъ задачъ соціалдемократическая организація должна быть построена по типу свободной простой коопераціи. Въ основу ея кладется „демократическій принципъ“, т. е. равноправіе членовъ организаціи и контроль всѣхъ членовъ ея надъ выборными должностными лицами. По своему происхожденію „аристократическая“, разножаясь только путемъ кооптаціи, обводя вокругъ себя рѣзкую демаркаціонную линію, она впускаетъ (принимаетъ) только выдержавшихъ извѣстный „искусъ“, но внутри этихъ предѣловъ она знаетъ только одинъ „демократическій принципъ“.

Становясь тайной, вынужденная скрывать своихъ членовъ отъ „полиціи“, она еще болѣе усиливаетъ требованія, которыя она предъявляетъ новичкамъ, она еще болѣе увеличиваетъ срокъ того stage-а, *) которому она ихъ подвергаетъ.

Заговорщическая организація соціалдемократовъ —логическій абсурдъ, и тамъ, гдѣ соціалдемократы говорятъ о ней, можно быть увѣреннымъ, что въ ихъ сознаніи стерлась разница между бланкизмомъ и соціалдемократизмомъ, или что они употребляютъ слова, смыслъ которыхъ имъ плохо извѣстенъ. Соціалдемократія не устраиваетъ никакихъ „заговоровъ“, она не готовитъ возстанія, она не дѣлаетъ революціи. Тайная соціалдемократическая организація можетъ и должна быть строго конспиративной, но она не „конспирируетъ“ ни противъ правительства, ни противъ полиціи. Въ заговорщическую она превращается только тогда, когда вмѣстѣ съ Ленинымъ и „Искрой“ ставитъ себѣ цѣлью „подготовленіе, проведеніе и назначеніе вооруженнаго возстанія“. Мы уже видѣли, что она перестаетъ тогда быть и соціалдемократической. Смутно

*) Даже во Франціи новый членъ становится членомъ de jure только послѣ полугодичнаго „испытанія“.

сознавали это и „мягкіе“, когда устами Мартова заявили на съѣздѣ, что „заговорщическая организація имѣетъ для нихъ смыслъ лишь постольку, поскольку ее облекаетъ(sic!) широкая соціалдемократическая рабочая партія“. Организаціонная формула Аксельрода и Мартова и явилась тѣмъ „философскимъ камнемъ“, который помогъ имъ сдѣлать этотъ политическій фокусъ-покусъ.

Забывъ, что не ихъ дѣло—готовить и назначать возстаніе, смѣшавъ строго конспиративную организацію съ заговорщической, наши обезпамятѣвшіе марксисты вполнѣ естественно забыли также, что организація можетъ быть строго централизованной, не будучи централистической, что только заговорщическая организація, которая все приноситъ въ жертву „единству дѣйствія“, должна быть централистической.

Централизація функцій руководства и управленія, а съ ними и всѣхъ общихъ функцій, въ „центрѣ“, который является уполномоченнымъ всей организаціи и находится подъ ея контролемъ, смѣшивается съ концентраціей всей активной энергіи въ „центрѣ“, которому отдается подъ надзоръ вся организація. Членами централизованной организаціи являются цѣлостныя группы, вѣдающія вполнѣ самостоятельно всѣ области партійной дѣятельности и руководящіяся только рѣшеніями партійныхъ съѣздовъ, членами централистической организаціи — спеціализированныя группы, вѣдающія самостоятельно только „дѣла, относящіяся спеціально и исключительно къ той (!) области партійной дѣятельности, для завѣдыванія которой онѣ созданы“, обязанныя подчиняться „всѣмъ постановленіямъ Ц. К.“ Въ одномъ случаѣ централизація выростаетъ „снизу“, естественно вытекая изъ совмѣстной дѣятельности, въ другомъ — она вносится „извнѣ“, навязывается „сверху“. Въ централизованной организаціи, съ изчезновеніемъ центра, остаются вполнѣ жизнеспособныя группы, быстро возобновляющія временно прекратившіяся связи; въ централистической, гдѣ центръ является организаціей въ организаціи, организація, въ случаѣ его провала, распадается на, ни чѣмъ не связанныя, искалѣченныя группы.

Забывъ эти элементарныя вещи, наши обезпамятѣвшіе марксисты стараются оправдать свое пристрастіе къ заговорщической и централистической организаціи ссылкой на исторію. По мѣрѣ того, какъ въ ихъ сознаніи стиралась разница

между задачами соціалдемократіи и революціонной демократіи, между соціалдемократизмомъ и бланкизмомъ, забывалась и принципіальная разница между „Землей и Волей“ и „Народной Волей“. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ Плехановъ и Аксельродъ, Ленинъ и Мартовъ усердно рекомендуютъ намъ „строго конспиративную и централистическую организацію „Земли и Воли“ и „Народной Воли“! Трудно болѣе легкомысленно извратить исторію революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ!

Въ то время, какъ Н. В. была организаціей централистической, организація З. и В., будучи организаціей централизованной, боялась, какъ огня, всякаго централизма. Въ то время, какъ организація „Земли и Воли“ состояла изъ вполнѣ равноправныхъ членовъ, выбиравшихъ и контролировавшихъ дѣйствія всѣхъ „должностныхъ лицъ“, организція „Народной Воли“ придерживалась прямо противоположнаго принципа. Центръ („администрація“) „Земли и Воли“, который по уставу долженъ былъ находиться въ Петербургѣ, выбирался по большинству голосовъ. „Какъ ни велико было значеніе администраціи, но она не могла сдѣлать серьезнаго шага, не спросивши разрѣшенія Совѣта, а въ очень важныхъ случаяхъ и согласія всѣхъ членовъ общества. *) Наоборотъ, центръ Н. В. „пополнялся по собственному его выбору изъ среды своихъ агентовъ или членовъ (мѣстныхъ и спеціальныхъ) группъ. Это было впрочемъ общее правило. Всякая группа высшаго порядка пополняется по собственному выбору, на счетъ группъ нисшаго порядка.

Другими словами, организація „З. и В.“ была тайной и централизованной, а организація „Н. В.“ — заговорщической и централистической. Въ первой принципъ кооптаціи внутри организаціи являлся исключеніемъ, выборное начало — правиломъ, во второй—наоборотъ: принципъ кооптаціи и внутри организаціи являлся правиломъ, а выбрное начало безусловно исключалось. Въ первой „единство взглядовъ и единство дѣйствія“ устанавливались „снизу“, во второй они вносились „извнѣ“.

Это различіе типовъ организаціи обусловливалось разли-

---

*) Функціи этого совѣта были аналогичны функціямъ нѣмецкой Controll kommission.

чіемъ задачъ, которыя ставили себѣ „З. и В.“ и „Н. В.“. Первая исходила изъ убѣжденія, что „революціи — дѣло народныхъ массъ“, что „подготовляетъ ихъ исторія“ и т. д. и т. д., вторая хотѣла „снять съ народа подавляющій его гнетъ современнаго государства, произвести политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу“. А для этого она считала нужнымъ сейчасъ же „подготовляться именно къ возстанію“.

Вѣрно только, что и организація „З. и В.“ была строго конспиративной. И если мы присмотримся поближе къ исторіи революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ, мы увидимъ, что народовольцы перваго призыва потому лишь могли такъ успѣшно бороться съ „полиціей“, что прошли основательную школу въ рядахъ „З. и В.“ Тотъ же опытъ „Н. В.“ показываетъ, что централистическая организація плохо воспитываетъ конспиративныя качества. Послѣднія концентрируются въ „центрѣ“, въ которомъ должны сходиться „корни и нити“. Строгое раздѣленіе функцій, доходящее до спеціализаціи капиталистической мануфактуры, заставляетъ смотрѣть сквозь пальцы на сознательность и зрѣлость принимаемыхъ членовъ. Достаточно только „опредѣлить степень ихъ „радикализма“ или соціалдемократизма, дать имъ соотвѣтствующія функціи и отвѣтственность въ данномъ предѣлѣ функціи“, какъ говорилъ на съѣздѣ Павловичъ — и „дѣло въ шляпѣ“. Больше всего цѣнятся „готовность“ и „подчиненіе“. Всякіе самостоятельные элементы, какъ „сомнѣвающіеся“ или „шатающіеся“, вышибаются вонъ. Но тѣмъ легче втираются въ организацію „сомнительные“ элементы, которые зачастую забираются въ самый „центръ“. Вся „периферія“ медленно атрофируется, и съ крушеніемъ „центра“ рушится безвозвратно и вся организація. Наоборотъ, „центръ“ становится тѣмъ „неуловимѣе и недосягаемѣе“, чѣмъ плотнѣе окружающіе его ряды соціалдемократическихъ единицъ, а не живыхъ соціалдемократическихъ дробей, чѣмъ выше уровень ихъ сознательности. Тайной организаціи болѣе всего страшны не шпіоны, а предатели и агенты-провокаторы, которымъ легче всего забраться именно въ „централистическую“ организацію. *)

*) Не случайность вѣдь явленіе, на которое указалъ авторъ

Но наши обезпамятѣвшіе марксисты забыли даже исторію своихъ нѣмецкихъ предковъ. Они забыли вмѣстѣ съ Плехановымъ, что „въ такихъ странахъ, какъ Германія, передовые представители пролетаріата, не отказываясь отъ участія въ предстоящей революціи, видѣли свою ближайшую цѣль не въ захватѣ власти, а въ подготовкѣ рабочей партіи будущаго. Такова, между прочимъ, была цѣль „Союза коммунистовъ", въ которомъ главная роль принадлежала Марксу и Энгельсу. „Союзъ коммунистовъ былъ, поэтому, не обществомъ заговорщиковъ, а обществомъ стремившимся къ тайной организаціи пролетаріата, потому что нѣмецкій пролетаріатъ находился подъ интердиктомъ, былъ лишенъ огня и воды, печати, слова и ассоціацій" *). Плехановъ могъ бы прибавить, что организація этого союза была вполнѣ демократическая, съ выборными и всегда смѣняемыми должностными лицами, что, какъ говоритъ Энгельсъ, такая организація исключала всякія заговорщическія вожделѣнія, требующія диктатуры. Этотъ уставъ — такъ демократически поступали послѣ вступленія Маркса и Энгельса въ союзъ — былъ предложенъ на обсужденіе секціи, затѣмъ подвергнутъ вторичному обсужденію на съѣздѣ и окончательно принятъ послѣднимъ. Конечно, quod licet Jovi, non licet bovi!

„Столь же многознаменательнымъ въ этомъ отношеніи фактомъ является нелегальное существованіе такого обширнаго „общества", какъ германская соц.-дем. партія" **), отъ 1878 до 1890 г. Законъ о соціалистахъ разрушилъ однимъ

статьи „Такъ ли мы готовимся?" (Искра, № 12). „Товарищи хорошо знаютъ, что — по ироніи судьбы—съ того времени, какъ мы начали „вплотную" заниматься „выработкой строго конспиративной организаціи", нѣкоторыя важныя техническо-конспиративныя функціи нашей партійной работы стали выполняться изъ рукъ вонъ плохо". Статья направлена противъ утопическихъ воззрѣній на „подготовку возстанія", которыя „начинаютъ замѣтно проявляться среди нашихъ товарищей". Какъ видно, автору осталась неизвѣстной книга „Что дѣлать?", въ которой эти воззрѣнія уже давно проявились очень замѣтно и выразились даже въ очень „стройномъ" планѣ такой „подготовки".

*) Плехановъ, Наши разногласія, стр, 118.

**) Аксельродъ, Рабочее движеніе въ началѣ 60-хъ годовъ и теперь, Соціалдемократъ 1888. На протяженіи всей статьи централистической организаціи Н. В. противопоставляется централизованная организація соціалдемократовъ.

ударомъ всю легальную организацію партіи. „Центръ“ поспѣшилъ распуститься. Началась смута. Нѣкоторые „вожди“ поколебались, большинство изъ нихъ растерялось. И Мерингъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что только благодаря массамъ, а не вождямъ, соціалдемократія вышла съ честью изъ этого тяжелаго испытанія. „Снизу“ была создана тайная организація, въ которую входили только активные члены партіи. Строго централизованная, она имѣла во „главѣ“ парламентскую фракцію, которая являлась исполнительнымъ органомъ партіи и находилась подъ ея постояннымъ контролемъ. Не фракція вносила „единство взглядовъ“ въ партію, а, наоборотъ, партія слѣдила за тѣмъ, чтобы неизбѣжныя среди „вождей“ разногласія не вредили „единству взглядовъ“, не нарушали принципіальнаго единства. И когда фракція забывала иногда, что она только „представляетъ“ партію, что она является только ея уполномоченнымъ въ рейхстагѣ, „масса“, „рядовые“, напоминала объ этомъ своему „центру“ очень сердито. Для насъ особенно поучителенъ инцидентъ съ Dampfersubvention.

Въ сессію 1884—5 г. парламентская фракція большинствомъ голосовъ рѣшила вотировать субсидіи въ пользу нѣсколькихъ пароходныхъ линій, которыя предназначались для установленія болѣе регулярныхъ сношеній съ Азіей и Австраліей, а на дѣлѣ должны были служить интересамъ колоніальной политики Бисмарка (Либкнехтъ и Бебель принадлежали къ меньшиству). Противъ этого рѣшенія протестовали цюрихскіе товарищи вмѣстѣ съ оффиціальнымъ органомъ партіи „Соціалдемократомъ“ и многіе товарищи въ самой Германіи. Фракція была возмущена этой критикой и разразилась манифестомъ, въ которомъ подвергала анаѳемѣ критику ея дѣйствій со стороны членовъ партіи и между прочимъ выставила слѣдующій тезисъ: „не газета должна опредѣлять поведеніе фракціи, а наоборотъ фракція должна контролировать поведеніе газеты“.

Она наткнулась однако на самый рѣзкій отпоръ. Зарвавшимся „вождямъ“ пришлось выслушать очень много непріятныхъ вещей. *) Рѣзче всего выступили франкфуртскіе това-

*) Во главѣ большинства фракціи стоялъ Ауэръ. Онъ, конечно, не согласенъ съ приведеннымъ въ текстѣ мнѣніемъ Меринга.

рищи. Въ манифестѣ фракціи они увидѣли диктаторскія замашки, попытку ввести исключительные законы въ партіи, непомѣрное и неслыханное покушеніе на право самоопредѣленія товарищей. Они заявили, что не хотятъ быть безвольными носителями какой нибудь идеи и напомнили фракціи, что именно основа партіи, т. е. находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, собирающіе деньги и распространяющіе литературу товарищи, что именно dieser kern ist es, welcher die Haltung des Blattes und der Fraktion bestimmt, что имено это ядро опредѣляетъ поведеніе газеты и фракціи. Воззваніе кончалось зловѣщимъ предупрежденіемъ, что въ случаѣ, если фракція выпустить еще разъ подобный манифестъ, пролетаріи съумѣютъ отдѣлить пшеницу отъ плевелъ! И фракція „образумилась".

Кто же были эти дерзкіе „демагоги", осмѣливавшіеся „запустить свою руку" въ такіе „щекотливые вопросы"? Увы! Если бы нашъ Балалайкинъ сдѣлалъ „перекличку" этимъ товарищамъ, онъ не нашелъ бы тамъ „именъ". Это были тѣ „namenlose", которыми и до сихъ поръ держится партія.

Года два спустя послѣ этого бурнаго эпизода нѣмецкая соціалдемократія созвала тайный съѣздъ (въ Сен-Галленѣ), на которомъ „имѣлъ удовольствіе присутствовать" и одинъ русскій товарищъ. Предоставимъ же слово ему.

„Не талантами, не блескомъ краснорѣчія ораторовъ или оригинальностью и глубиною ихъ мыслей произвело на меня это собраніе глубокое впечатлѣніе. Конечно, были тамъ и люди талантливые и даже чрезвычайно крупныя личности, какъ Бебель и Либкнехтъ, но большинство состояло изъ людей заурядныхъ, во всякомъ случаѣ, крайне посредственнаго общаго образованія (на сколько вообще они таковое получили) отнюдь не съ выдающимися интеллектуальными способностями. И вотъ больше всего меня поразили высокій уровень соціально-политическаго развитія, замѣчательно ясное пониманіе положенія соціалдемократіи и другихъ политическихъ партій въ Германіи и вообще чрезвычайно сознательное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, проявившіяся въ рѣчахъ и рѣшеніяхъ именно этой массы заурядныхъ лицъ — сапожниковъ, плотниковъ, наборщиковъ, сигарочниковъ, машинистовъ

и т. д. и т. д. И при этомъ глубоко революціонное настроеніе, толкающее на самую рѣшительную борьбу съ врагомъ, готовность на всякія жертвы, рядомъ съ полнѣйшимъ отсутствіемъ въ рѣчахъ и заявленіяхъ ораторовъ громкихъ революціонныхъ фразъ и всякой ходульности"!

И какимъ презрительнымъ смѣхомъ встрѣтили бы эти „заурядные люди" громкія фразы и ходульныя рѣчи бывшей ленинской дубинки о томъ, что „съѣздъ не имѣетъ ни нравственнаго, ни политическаго права перекраивать редакцію", какъ были бы поражены они, если бы услышали отъ великаго „солдата революціи" слѣдующую „глуповскую" рацею:

„Вопросъ о правахъ и обязанностяхъ разрѣшается заявленіемъ: „вотъ вамъ работа". Право у члена партіи, по нашему проекту, одно — доводить до свѣдѣнія центра свои мнѣнія и желанія. Другое право — составлять общественное мнѣніе" *).

Но они сейчасъ же поняли бы, что непримиримый врагъ швейцеріанскихъ тенденцій шутитъ, и расхохотались бы тѣмъ здоровымъ пролетарскимъ смѣхомъ, которымъ они привыкли встрѣчать всякую шутку.

Что нѣмцу смерть, то русскому здорово. И тѣ самыя „мягкія" Мартовскія рѣчи, въ которыхъ „нѣмцы" сейчасъ же разслышали бы повтореніе домартовскихъ рѣчей своихъ Фрицовъ и Вильгельмовъ, на нашихъ „славянъ" подѣйствовали, точно „райская пѣсня". Не потому ли и Аксельродъ, тотъ самый русскій товарищъ, слова котораго я привелъ выше, изъ русскаго съѣзда вынесъ прямо обратное впечатлѣніе?

---

*) Изъ рѣчи Мартова на съѣздѣ партіи. Протоколы, стр. 238. Мартовъ уже далъ толкованіе устава въ духѣ „твердыхъ". У Щедрина онъ могъ бы найти толкованіе и въ духѣ „мягкихъ". Послѣднее написано глуповскимъ градоначальникомъ Беневоленскимъ: 1) Всякій градоправитель да будетъ добросердеченъ. 2) Да памятуетъ градоправитель, что одною строгостью, хотя бы оная была стократъ сугуба, ни голода людскаго утолить, ни наготы человѣческой одѣть не можно!.. 13) Въ пищѣ и питіи никому препятствія не полагать. 14) Просвѣщеніе внѣдрять съ умѣренностью, по возможности, избѣгая кровопролитія. 15) Въ остальномъ поступать по произволенію". Конечно, лучше быть объѣзженнымъ, чѣмъ заѣзженнымъ! Ну, а если обыватель „возмечтаетъ": какъ бы получить такой „законъ", при которомъ насъ не только заѣзжать, но и объѣзжать нельзя будетъ?

Мало того. Ему пришлось принять дѣятельное участіе въ созданіи заговорщической и централистической партіи, члены которой „по нашему проекту“ пользуются тѣми же самыми правами, что и русскіе обыватели.

Надо ему отдать однако справедливость. Увидѣвъ воочію эту слѣпленную или сколоченную „Искрой“ „посудину“, онъ отпрянулъ. Онъ замѣтилъ вдругъ, что предъ нимъ — облекшаяся въ плоть и кровь „своеобразная теорія, по которой дѣло извѣстнаго класса можетъ быть совершено „въ большей или меньшей степени“ — кружкомъ“. Онъ понялъ, что организація профессіональныхъ революціонеровъ, что всесильный центръ съ его агентами рискуютъ остаться сами по себѣ, а рабочее движеніе — само по себѣ. Но онъ, какъ и теперь, не замѣчалъ еще, что именно объ этой „посудинѣ“ мечталъ, спрятавшись за Писарева, Ленинъ, когда доказывалъ въ „Что дѣлать“ или въ „Съ чего начать“, что „организація, складывающаяся сама собою вокрукъ „Искры“, организація ея сотрудниковъ (въ широкомъ смыслѣ слова т. е. всѣхъ трудящихся надъ ней) будетъ именно готова на все, начиная отъ спасенія чести, престижа и преемственности партіи въ моментъ наибольшаго революціоннаго „угнетенія“ и кончая подготовкой, назначеніемъ и проведеніемъ всенароднаго вооруженнаго возстанія“.

И вотъ, вмѣсто того, чтобы, подвергнувъ критикѣ эту безсмысленную „мечту“, опредѣлить задачи, которыя должна будетъ преслѣдовать объединенная соціалдемократія, и, исходя изъ этого опредѣленія, предложить форму организаціи, которая дала бы возможность наиболѣе цѣлесообразно бороться во имя ближайшихъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса, не жертвуя будущностью движенія, Аксельродъ вмѣстѣ съ Мартовымъ употребили всѣ усилія, чтобы примирить непримиримое.

„Заговорщическая организація для меня имѣетъ смыслъ лишь постольку, поскольку ее облекаетъ (sic!) широкая соціалдемократическая рабочая партія“. „Для насъ рабочая партія не ограничивается организаціей профессіональныхъ революціонеровъ. Она состоитъ изъ нея плюсъ вся совокупность передовыхъ элементовъ пролетаріата“. Такъ говорилъ Мартовъ, и Аксельродъ прибавляетъ: „Партію пролетаріата нельзя уже потому ограничивать тѣсными рамками заговорщической орга-

низаціи, что пришлось бы сотни и даже тысячи сознательныхъ пролетаріевъ считать внѣ партіи, не считать ихъ членами ея".

И опять таки, вмѣсто того, чтобы реорганизовать партію такъ, чтобы она могла служить пунктомъ кристаллизаціи для соціалдемократическаго рабочаго движенія, они предлагаютъ уже слѣпленную „Искрой" „посудину" облечь партіей такъ сказать второго порядка. Членами первой будутъ всѣ тѣ, кто получаетъ отъ центра „работу" только въ томъ случаѣ, если они состоятъ въ организаціи, членами второй — тѣ, кто согласенъ работать на партію, не вступая въ партійную организацію. Почему въ самомъ дѣлѣ не дать „той массѣ пролетаріата и отдѣльныхъ городскихъ обывателей, которые, не входя въ тѣ или иныя организаціи партіи, служатъ орудіемъ въ рукахъ организацій для осуществленія ихъ задачъ", названіе „члена партіи? говорилъ Русовъ". „Прикрѣпленіе ихъ къ партіи,—доказывалъ онъ дальше,—не вредя ни чуть работѣ и идейной чистотѣ партіи, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность каждую минуту знать, на какую минимальную силу можемъ мы разсчитывать. Кромѣ того, это прикрѣпленіе даетъ возможность требовать отъ всѣхъ этихъ лицъ безусловнаго выполненія обязательствъ, наложенныхъ партіей на ея членовъ".

Но Ленинъ и Плехановъ непоколебимы. Та опасность, которая пугаетъ Аксельрода и Мартова, для нихъ не существуетъ. Партія должна быть лишь передовымъ отрядомъ, руководителемъ громадной массы рабочаго класса, который весь (или почти весь) работаетъ „подъ контролемъ и руководствомъ партійныхъ организацій", но который не входитъ весь и не долженъ входить въ партію. Нужно поэтому оградить партію отъ вторженія всякаго рода представителей оппортунизма. Для этого необходимъ строгій и неукоснительный надзоръ. Говорить же о контролѣ надъ людьми, стоящими внѣ организаціи, значитъ играть словами.

Аксельродъ и Мартовъ, конечно, понимаютъ, что центръ обязанъ контролировать всѣхъ, а членъ партіи имѣетъ право быть контролируемымъ. Они начинаютъ поэтому увѣрять своихъ коллегъ по редакціи, что контроль, право же, осуществимъ. „Контроль осуществимъ, поскольку комитетъ, поручая кому-либо извѣстную функцію, имѣетъ возможность слѣдить

за нею!“ Иными словами, контроль осуществимъ, потому что онъ осуществимъ.

Ленинъ и Плехановъ только улыбаются. Они прекрасно понимаютъ, что Ц. К., уже лишенный „по нашему проекту“ головы, рискуетъ еще совершенно „обезножѣть“, если ему придется „доходить“ и до тѣхъ членовъ партіи, которые стоятъ внѣ организацій.

Тогда Аксельродъ и Мартовъ мѣняютъ фронтъ. Еще болѣе неосуществима цѣль, которую ставитъ себѣ Ленинъ. Жизнь наплодитъ столько организацій, что ихъ волей неволей придется принять въ партію, тогда какъ формула Мартова позволяетъ „прикрѣпить“ организацію такъ, чтобы она въ одно и тоже время и входила, и не входила въ партію. „Я же думаю, что если такая организація согласна принять партійную программу и партійный контроль, то мы ее можемъ ввести въ партію, не дѣлая ее тѣмъ самымъ партійной организаціей“! Такъ говорилъ Мартовъ!

Хотя Плеханову нравится эта „діалектика“, дѣлающая „видимое, какъ бы невидимымъ“, но Ленинъ сейчасъ же показываетъ „кулакъ“, которымъ Ц. К. сможетъ „метафизически“ прихлопнуть или „отмѣтить“ всякую партійную организацію — и у Плеханова еще „прочнѣе складывается убѣжденіе, что правда на сторонѣ Ленина“.

Аксельродъ, Мартовъ и „мягкіе“ начинаютъ упрашивать. Вѣдь это же въ сущности не важно! Все равно никакими декретами нельзя запретить кружкамъ и отдѣльнымъ лицамъ называть себя соціалдемократами и даже считать себя частью партіи“. Тотъ титулъ „члена партіи“, — дополняетъ Аксельрода Русовъ, — который даетъ уставъ, не передаетъ въ руки лица, носящаго его, никакихъ правъ на партію, и обязанностей массу. При отсутствіи выборнаго начала во всѣхъ партійныхъ организаціяхъ, при строгой централизаціи, при отвѣтственности каждаго работающаго для партіи передъ центральными учрежденіями партіи, нѣтъ никакого основанія бояться вторженія опасныхъ для чистоты принциповъ элементовъ.... Еще разъ напоминая товарищамъ, что членъ партіи никакихъ правъ не имѣетъ, а наоборотъ массу обязанностей по отношенію къ партіи, приглашаю присоединиться къ резолюціи тов. Мартова!“

И въ самомъ дѣлѣ! Что мѣшаетъ дать названіе, титулъ

члена партіи? Вѣдь „отъ слова не станется“! А между тѣмъ мы такимъ образомъ и невинность соблюдемъ и капиталъ пріобрѣтемъ то бишь будемъ имѣть заговорщическую организацію профессіональныхъ революціонеровъ, облеченную широкой зоной „почетныхъ соціалдемократовъ!

Но Ленинъ не умолимъ. Онъ, конечно, не „буквоѣдъ“. Онъ прекрасно знаетъ, что „отъ плохого пункта устава мы еще далеко не погибнемъ“. Но своимъ „недреманнымъ окомъ“ онъ уже провидитъ въ недалекомъ будущемъ опасность, которой не замѣчаютъ его коллеги. Мартовъ сдѣлалъ безтактность и заговорилъ о „правахъ“. И какъ ни „минимальны“, по выраженію бывшей ленинской дубинки, эти „права“, все таки „руководимые“ легко могутъ впасть въ искушеніе.

И Ленинъ дѣлаетъ послѣднее „геройское усиліе, чтобы спасти свою „посудину“ отъ вторженія „разномыслящихъ“ элементовъ: „Мнѣ возражали, что правъ то членамъ партіи мы (!) никакихъ не даемъ (!), и потому злоупотребленій быть не можетъ. Такое возраженіе несостоятельно: если у насъ не указано, какія именно особыя права получаетъ членъ партіи, то замѣтьте, что у насъ не приведено и никакихъ указаній объ ограниченіи правъ членовъ партіи“. Но „его не поняли“!

Несмотря на полную несостоятельность аргументаціи Аксельрода и Мартова, безпомощно путавшихся въ противорѣчіяхъ и неудачныхъ примѣрахъ, побѣдило „меньшинство“. Безупречная формально, ленинская формула окончательно закрѣпила бы побѣду нашихъ „политиковъ“ и — проведенная въ жизнь — уничтожила бы всѣ связи между партіей и рабочимъ классомъ, который, по мнѣнію ея автора, и не **долженъ** входить въ партію. Наоборотъ, Мартовская формула, говоря его же словами, все таки „выражала стремленіе къ тому, чтобы между организаціей профессіональныхъ революціонеровъ и массой былъ рядъ организацій“ т. е. выражала хотя и въ аляповатой формѣ, прямо противоположное стремленіе. Ленинъ и Плехановъ хотѣли, чтобы партія окончательно превратилась въ секту, Аксельродъ и Мартовъ, плохо ли хорошо ли, хотѣли сдѣлать ее партіей класса.

Ростовскія событія были еще слишкомъ живы въ памяти многихъ делегатовъ и, несмотря на „научный“ авторитетъ Ленина и Плеханова, большинство — дѣйствителиное боль-

шинство!—вотировало за болѣе „симпатичную“ формулу Аксельрода и Мартова. Въ ней чувствовалось дыханіе партійной жизни!

„Посудина была разбита,—жаловался Ленинъ на съѣздѣ Лиги. Къ сожалѣнію, въ ней сдѣлана была только маленькая брешь. Но и этого было достаточно, чтобы въ ея „консервированомъ“ содержимомъ начался процессъ разложенія со всѣми его непріятными послѣдствіями.

Усиленно подчеркивая, что титулъ „члена партіи“ не даетъ въ сущности никакихъ правъ, Мартовская формула оставила открытымъ вопросъ, чѣмъ же собственно отличаются члены партіи, работающіе въ партійныхъ организаціяхъ отъ членовъ, работающихъ подъ руководствомъ такихъ организацій? Приставая къ Ленину съ вопросомъ, какъ при его формулѣ поступать съ агентами Ц. К., „меньшинство“ не замѣчаетъ, что если держаться „буквы“, то мартовская формула „исключаетъ“ изъ партіи всѣхъ членовъ, работающихъ въ партійныхъ организаціяхъ. *) Такимъ образомъ дѣйствительные члены партіи наталкивались на мысль, что у нихъ имѣется еще какія то особенныя права, кромѣ тѣхъ двухъ, о которыхъ такъ „мягко“ пѣлъ Мартовъ.

Вопросъ этотъ былъ выясненъ борьбой Лиги съ Ц. К., Она не приняла бы такія безобразныя формы, если бы Ц. К. не былъ увѣренъ, что „по нашему проекту“ всѣ члены партіи имѣютъ „мартовскія“ права. И какъ ни непріятно чтеніе протоколовъ съѣзда Лиги, каждый членъ партіи долженъ ихъ изучать самымъ внимательнымъ образомъ: въ рѣчахъ Мартова, Старовѣра, Засуличъ, Дана, онъ найдетъ драгоцѣнныя указанія для борьбы со всякими притязаніями Ц. К. и Ц. О., каждаго порознь и той ихъ комбинаціи, которая получила названіе Совѣта Партіи **). Теперь очередь за

*) Костровъ замѣтилъ эту оплошность и предложилъ формулу соединяющую Ленинскую и Мартовскую въ одну. Но ее отклонили.

**) Всяко бываетъ. Такая власть, какую имѣетъ „по нашему проекту“ редакція Ц. О. ,можетъ ввести въ соблазнъ и „ангеловъ“. На такой „экстренний случай“ при нашихъ нравахъ можно всегда разсчитывать. Достаточно, что бы „градоначальники“ опять поняли „вредъ градоначальническаго многомыслія“, чтобы „они, такъ сказать, по всему лицу земли“ русской опять заговорили „едиными устами“.

другими организаціями. Нѣтъ обязанностей безъ правъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей. Въ добрый часъ!

Но та же самая мартовская формула — обратная сторона медали! — раздавая направо и налѣво титулъ „члена партіи", приведетъ неизбѣжно къ цѣлому ряду возстаній противъ „властей предержащихъ" и со стороны организацій, которыя Мартовъ думаетъ не пустить въ партію, хотя они и признаютъ партійную програму и партійный контроль. Было бы слишкомъ наивно ждать, что онѣ согласятся долго занимать такое промежуточне положеніе. Онѣ захотятъ получить всѣ „права" ибо, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Ленинъ, въ уставѣ „не приведено никакихъ указаній объ ограниченіи правъ членовъ партіи".

Мартовъ такъ увѣренъ въ чудодѣйственной силѣ своей формулы, что „считалъ бы большимъ торжествомъ нашей партіи, если бы, напримѣръ „какой нибудь союзъ „независимыхъ" опредѣлилъ, что онъ принимаетъ точку зрѣнія соціалдемократіи и ея програму и **вступаетъ** въ **партію, что не значитъ однако, что мы включаемъ союзъ въ партійную организацію**". Дѣйствительно, чудо изъ чудесъ! Но, чтобы вѣрить въ такія чудеса, нужно такъ „вѣрить" въ пролетаріатъ, какъ Акимовъ, который приходитъ въ негодованіе, когда употребляютъ „имя пролетаріата, какъ дополненіе" къ партіи! Для такого „рабочелюбца" каждый рабочій есть прирожденный членъ соціалдемократической партіи, и хотя Акимовъ находитъ мартовскую формулу недостаточно „эластичной", онъ, конечно, подписался подъ ней обѣими руками. А я, какъ подобаетъ неисправимому „доктринеру", сильно опасаюсь, что при формулѣ, которая даетъ возможность спокойно впускать въ партію всякаго, кто признаетъ ея програму, — ибо впускать въ партію не значитъ еще включать въ нее, — соціалдемократія, какъ партія, рискуетъ опять надолго исчезнуть въ волнахъ „массового", экономическаго и политическаго, рабочаго движенія, Опять забыто будетъ различіе между этимъ движеніемъ и соціалдемократическимъ рабочимъ движеніемъ, между партіей и классомъ, и опять каждый стачечникъ или демонстрантъ считался бы соціалдемократомъ, а наши комитеты думали бы, что они занимаются соціалдемократической работой, если они сегодня „вызываютъ" стачки, а завтра „демонстраціи"! Да минетъ насъ чаша сія!

„Но вы то сами за какую формулу? спрашиваетъ меня съ негодованіемъ читатель.

Я вполнѣ понимаю его негодованіе и сознаю свою вину. Но и онъ началъ бы „увиливать“, если бы кто нибудь присталъ къ нему съ ножемъ къ горлу и спросилъ: что было раньше, курица или яйцо? Что лучше—ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?

На нелѣпо поставленный вопросъ лучшимъ отвѣтомъ является правильная постановка его. Я сдѣлалъ это въ предыдущей главѣ. Такъ же ставитъ теперь этотъ вопросъ и Аксельродъ, и я увѣренъ, что его отвѣтъ (конечно, въ общемъ) совпадетъ съ моимъ. Съ точки зрѣнія революціонной соціалдемократіи нѣтъ двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. А создавъ въ самомъ „характерѣ нашей пропагандистско-агитаціонной дѣятельности въ средѣ рабочаго класса“ гарантіи все болѣе и болѣе растущаго вліянія на рабочія массы, не трудно уже найти форму для этого „ключа“ и совсѣмъ легко разобраться во всѣхъ этихъ вопросикахъ о „профессорахъ„ „интеллигентныхъ одиночкахъ“ и т. д. и т. д., которые служатъ теперь предметомъ жаркихъ дебатовъ во всѣхъ группахъ и комитетахъ!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я могъ бы, конечно, тоже представить „планъ" организаціи, могъ бы даже составить проектъ устава, разбивъ его на столько то и столько то пунктовъ и параграфовъ. Но я считаю это такъ же излишнимъ, какъ и детальное изображеніе всѣхъ „винтиковъ и колесиковъ" партійной организаціи. Гораздо важнѣе опредѣлить основное содержаніе партійной дѣятельности и намѣтить общіе контуры соотвѣтствующей этой дѣятельности организаціи. Всякая регламентація только вредна, потому что мѣшаетъ „практикѣ" внести необходимые коррективы въ „теоретическое" построеніе. Я ограничусь поэтому нѣсколькими замѣчаніями.

Основной организаціонной клѣточкой по прежнему должны оставаться комитеты. Они слишкомъ привились къ жизни, чтобы думать о замѣнѣ ихъ новой формой. За то необходимо коренным образомъ реорганизовать ихъ дѣятельность. Чѣмъ полнѣе и всесторонѣе будетъ она, чѣмъ болѣе будетъ она социалдемократической, тѣмъ прочнѣе и устойчивѣе будетъ вся партійная организація, тѣмъ меньше будетъ послѣдняя страдать отъ неизбѣжныхъ при настоящихъ условіяхъ проваловъ центральныхъ учрежденій.

Во главу угла всей дѣятельности комитета должна быть поставлена именно пропаганда. Безъ раціональной организаціи этого „рода" работы невозможно созданіе соціалдемократическихъ кадровъ изъ среды рабочихъ. Теперь находящаяся въ загонѣ пропаганда зачастую превращается въ „функцію" одного комитетчика, которому нельзя поручить болѣе „живое" дѣло. Понятно, что она ведется „спустя рукава". Главными „пропагандистами" являются гимназисты и студенты обоего пола, которые превращаютъ ее сейчасъ же въ „ажитацію". Отъ рабочихъ они большей частью отличаются только увѣренностью, что достаточно прочитать одну соціалдемократическую брошюру, чтобы на другой день выступить въ роли „учителя". Пора понять, что пропаганда т. е. развитіе классового сознанія — слишкомъ важное дѣло, чтобы поручить его хотя бы очень хорошимъ, но все таки дѣтямъ. Пора

понять, что отъ этого больше всего страдаетъ и столь излюбленная, хотя и плохо понимаемая, агитація. Только имѣя въ своемъ распоряженіи рядъ опытныхъ пропагандистовъ, особенно изъ среды рабочихъ, комитетъ сможетъ въ тѣ моменты, когда масса поднимается, какъ одинъ человѣкъ, развить настоящую агитацію. А „въ наше время, когда „пропаганда играетъ роль Сандрильоны и комитетъ круглый годъ занимается исключительно ажитаціей, онъ является почти безпомощнымъ, когда нужна именно агитація, агитація и агитація и сплошь да рядомъ оказывается не въ состояніи — вслѣдствіе недостатка подготовленныхъ силъ — овладѣть „стихійнымъ“ движеніемъ.

Пора также оставить „интеллигентскую“ точку зрѣнія на неконспиративность рабочаго. Именно „въ наше время, когда“ такъ много говорятъ о выработкѣ „профессіональныхъ революціонеровъ“, конспиративность рабочихъ взята подъ особое „сомнѣніе“, хотя въ среднемъ рабочіе не менѣе конспиративны, чѣмъ наши „интеллигенты“. Противъ провокаторовъ можно помочь опять таки повышеніемъ уровня подготовки. Укоренившійся предрасудокъ между тѣмъ мѣшаетъ расширенію соціалдемократическихъ организацій. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ движеніе начинается или имѣетъ не значительные размѣры, можно еще съ грѣхомъ пополамъ, довольствоваться комитетомъ въ пять человѣкъ; но это очень и очень нецѣлесообразно въ тѣхъ городахъ, гдѣ движеніе уже разрослось и приняло значительные размѣры. Расширеніе организаціи въ такихъ случаяхъ является безусловной необходимостью, и въ нее должны войти всѣ дѣйствительно активные члены, какъ изъ среды „интеллигенціи“, такъ и, въ особенности, изъ среды рабочихъ. Нѣтъ обязанностей безъ правъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей. Лучше всего, если комитетъ является выборнымъ учрежденіемъ болѣе широкаго соціалдемократическаго союза, въ который члены принимаются только путемъ очень строгой кооптаціи. Болѣе или менѣе продолжительный срокъ работы на мѣстную организацію даетъ возможность ознакомиться съ качествами „оглашеннаго“ и рѣшить вопросъ, достоинъ ли онъ принятія въ „общину“. Кружки саморазвитія и рабочія организаціи всегда могутъ доставить достаточный контингентъ кандидатовъ. Страсть къ „генеральству“ и „демагогіи“ развивается только тамъ, гдѣ имѣются маніаки-генералы и гдѣ имѣется возможность влiять на дѣла, только попавъ въ какой нибудь „сверхъ

центръ". Въ какой степени будетъ расширена мѣстная организація, на какой ступени принципъ кооптаціи уступаетъ мѣсто выборному, каковъ срокъ „искуса"—все это зависитъ, конечно, отъ условій времени и мѣста. Она не должна превосходить извѣстныхъ размѣровъ, дѣлающихъ невозможной тайную дѣятельность, но она не должна также превращаться въ коллегію изъ 3-5 человѣкъ *).

Такое количественное расширеніе мѣстной организаціи является необходимымъ условіемъ и для созданія сѣти „чисто рабочихъ" организацій. Пора понять, что руководство экономической борьбой пролетаріата должна взять въ свои руки именно революціонная соціалдемократія. Участвуя въ организаціи „кассъ", соціалдемократы создадутъ тѣсныя личныя связи съ чисто рабочими организаціями, которыя должны быть вполнѣ самостоятельны. Надо всѣми силами бороться съ предразсудкомъ, по которому всякій стачечникъ есть соціалдемократъ. И наоборотъ надо стараться, чтобы соціалдемократы стояли во главѣ всѣхъ стачечниковъ. Рабочія организаціи должны имѣть свой особенный комитетъ, хотя бы — и этого нужно добиваться — онъ состоялъ изъ соціалдемократовъ—рабочихъ, участвующихъ въ соціалдемократическихъ организаціяхъ. И только, будучи вполнѣ самостоятельными во всѣхъ дѣлахъ своей организаціи, избавленные отъ „опеки" интеллигентовъ, онѣ научатся цѣнить помощь соціалдемократической организаціи, если, конечно, послѣдняя будетъ помнить, что „нѣтъ и не можетъ быть такой „мелкой" нужды, такого „мелкаго" требованія рабочихъ, на защиту которыхъ не должна была бы выступить соціалдемократія, не измѣняя своему знамени", что выступая на защиту этихъ „мелкихъ" нуждъ, являясь единственнымъ адвокатомъ рабочаго класса, адвокатомъ, котораго въ его защитѣ не связываютъ никакія „постороннія соображенія", соціалдемократія этимъ самымъ наглядно доказываетъ рабочимъ, что даже „въ рамкахъ существующихъ политическихъ условій" только наша партія является наибо-

*) Опубликованныя „Искрой" резолюціи, кромѣ указаній на качественный составъ комитетовъ, даютъ очень любопытныя указанія на ихъ количественные размѣры. Мы, оказывается, перещеголяли „Народную Волю", которая все таки насчитывала въ своей партійной организаціи человѣкъ 300-400.

лѣе рѣшительнымъ борцомъ за улучшеніе положенія рабочаго класса" *).

Отдѣленіе рабочей организаціи отъ соціалдемократической не только не ослабитъ связей соціалдемократіи съ рабочими массами,—конечно, въ томъ случаѣ, если она понимаетъ задачи своей „пропагандистско-агитаціонной дѣятельности въ средѣ рабочаго класса",—но укрѣпитъ ихъ еще больше и устранитъ конфликты, неизбѣжные тамъ, гдѣ „кассы" и „рабочія организаціи" являются составными частями соціалдемократической партіи. Нельзя же требовать отъ рабочихъ, чтобы, находясь подъ контролемъ, они отказались отъ желанія контролировать своихъ контролеровъ, особенно если эти „контролеры", берутъ подъ „подозрѣніе" экономическую борьбу и хотятъ, чтобы рабочіе отвѣчали демонстраціями на всякое поруганіе сколько нибудь честной земщины! И это же отдѣленіе вполнѣ самостоятельной и независимой въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ рабочей организаціи отъ соціалдемократической даетъ возможность успѣшно бороться съ организаціями „независимыхъ" и — о ужасъ! — провести болѣе послѣдовательно въ нашихъ соціалдемократическихъ организаціяхъ „демократическій принципъ".

Конечно, „замѣнить „кустарничество" комитетовъ капиталистической формой домашней промышленности по системѣ взаимнаго довѣрія гораздо легче, чѣмъ создать организацію, въ основѣ которой лежатъ „цѣлостныя" соціалдемократическія группы съ верховной инстанціей — съѣздомъ, контролирующимъ дѣйствія „политическихъ вождей" и мѣстныхъ комитетовъ. Въ первомъ случаѣ комитеты знали только „мѣстныя" дѣла, во второмъ — они вѣдаютъ только „мѣстныя" дѣла, предоставляя „общія" посреднической конторѣ, въ третьемъ они дѣлаютъ „общее дѣло" въ рамкахъ мѣстныхъ условій"**). И пока не будутъ въ этомъ смыслѣ реорганизованы комитеты, у насъ не будетъ настоящей партіи.

Разъ въ мѣстныхъ организаціяхъ соціалдемократическая жизнь бьетъ ключемъ, то съѣздъ представителей комитетовъ

*) Н. Рязановъ, замѣчанія на программу „Рабочаго Дѣла", Заря, № 1 стр. 132

**) Н. Рязановъ, Проектъ программы „Искры" и задачи русскихъ соціалдемократовъ с. 164. Цѣнныя замѣчанія по этому вопросу можно найти въ цитированной брошюрѣ Панина.

или партійный съѣздъ становится насущной потребностью партійной жизни. Только тамъ, гдѣ онъ становится періодическимъ, все больше и больше развивается сознаніе, что партійная организація не есть ариѳметическая сумма отдѣльныхъ мѣстныхъ организацій. Все яснѣе становится, что партія есть нѣчто единое, что она только развѣтвляется на отдѣльныя мѣстныя организаціи. Являясь выразителемъ всей мысли и воли партіи, съѣздъ представляетъ собой верховный „органъ“ партіи, или ея верховное учрежденіе, которое своими „рѣшеніями програмнаго, тактическаго и организаціоннаго характера“ опредѣляетъ всю политику партіи. Исполненіе этихъ рѣшеній, руководство и согласованіе всей дѣятельности партіи въ духѣ указанныхъ съѣздомъ принциповъ, выполненіе всѣхъ общихъ функцій съѣздъ возлагаетъ на выбранныхъ имъ лицъ. Эти лица составляютъ центральный комитетъ.

Но этотъ Ц. К. „объединяетъ и направляетъ“ не только „практическую дѣятельность“ партіи. На его обязанности лежитъ руководство всей партійной дѣятельностью, какъ „идейное“ такъ и „практическое“. Въ его средѣ не должно быть ни чистыхъ теоретиковъ, ни чистыхъ практиковъ. Свои инструкціи онъ получаетъ отъ съѣзда въ видѣ только что перечисленныхъ рѣшеній, которыя точно и ясно опредѣляютъ рамки его компетенціи. Возложенныя на него функціи руководства и согласованія онъ выполняетъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы всѣ партійныя организаціи сообразовались съ рѣшеніями съѣзда и въ своей дѣятельности руководились партійной програмой. Онъ организуетъ съ помощью мѣстныхъ комитетовъ всѣ „общія функціи“ и устраиваетъ общепартійныя предпріятія. Онъ же долженъ откликаться на всѣ событія дня, волнующія страну. Только въ этомъ случаѣ онъ можетъ пользоваться авторитетомъ. Воля партіи, ея отношеніе къ тому или иному явленію, должны высказываться только Ц. К., который находится на полѣ борьбы.

Та нелѣпая идея раздѣленія „идейнаго“ и „практическаго“ руководства, которая лежитъ въ основѣ нашего партійнаго устава, на практикѣ должна привести и уже привела къ нелѣпостямъ. Ц. К. ждетъ „идейныхъ“ указаній отъ Ц. О., а этотъ предпочитаетъ выпускать общепартійныя прокламаціи отъ имени редакціи „Искры“! И все это, конечно,

изъ за границы! Смѣшно было бы надѣяться, что можно поправить дѣло, посадивъ въ Ц. К. двухъ или трехъ представителей „меньшинства". Ц. К. осужденъ на бездѣйствіе и буквой, и духомъ устава. Это все, что угодно, но только не центральный комитетъ.

Какъ бы ни былъ важенъ заграничный органъ, смѣшно возлагать на него обязанность „идейно руководить" всей партіей изъ Женевы. У него есть болѣе скромная, но не менѣе важная функція. Онъ долженъ отстаивать принципы партіи, обосновывая ихъ и защищая отъ всякихъ противниковъ. Онъ неустанно слѣдитъ за всѣми врагами рабочаго дѣла и безпощадно разоблачаетъ всѣ ихъ продѣлки. Онъ знакомитъ товарищей съ исторіей и опытомъ западно-европейскаго рабочаго движенія. Онъ является публичной трибуной для всѣхъ членовъ партіи, на которой они могутъ отстаивать свои взгляды и съ которой они могутъ дѣлиться своимъ опытомъ съ иногородними товарищами. Онъ подвергаетъ критикѣ всѣ дѣйствія мѣстныхъ комитетовъ и Ц. К., если они, по его мнѣнію, отступаютъ отъ програмы. Находясь внѣ выстрѣловъ, онъ имѣетъ возможность болѣе спокойно обсуждать многія явленія и иногда во время предупредить товарищей отъ ненужныхъ увлеченій. Менѣе связанный съ мѣстными условіями, онъ въ состояніи лучше отдѣлять общее и необходимое отъ частнаго и случайнаго, чѣмъ мѣстные комитеты, а зачастую и Ц. К.

Такую роль игралъ упомянутый уже мною „Соціалдемократъ". Хотя онъ не имѣлъ права „давать суровые уроки", онъ всетаки пользовался громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ. Его редакторомъ, Бернштейномъ, руководилъ Энгельсъ, который былъ слишкомъ уменъ, чтобы брать на себя „идейное руководство партіей" изъ заграницы. Quod licet bovi, non licet Jovi. Важно было только обезпечить себѣ независимость отъ Ц. К., а эта независимость лучше всего достигалась зависимостью отъ всей партіи, которая, какъ мы видѣли, опредѣляла и контролировала поведеніе и своего органа, и своего Ц. К.

И чѣмъ скорѣе у нашего Ц. О. будутъ отняты всякія экстраординарныя полномочія, тѣмъ лучше для него и для движенія. Забавно читать, какъ редакція Ц. О. направо и налѣво увѣряетъ, что она—не въ примѣръ Ленину—не будетъ

злоупотреблять властью, которую ей даетъ уставъ, обезпечивъ за ней большинство въ дѣйствительномъ „сверхъ-центрѣ“ партіи, въ ея Совѣтѣ. „Согласовать и объединять дѣятельность Ц. К. и редакціи Ц. О.“—дѣло съѣзда и его инструкцій. „Представлять партію въ сношеніяхъ съ другими партіями“ можетъ только Ц. К. И если мы не хотимъ, чтобы наши съѣзды превратились въ градоначальническіе съѣзды, о которыхъ мечталъ Бородавкинъ — „на съѣздахъ сихъ занимать ихъ чтеніемъ градоначальническихъ руководствъ и освѣженіемъ въ памяти градоначальническихъ наукъ. Увѣщевать быть твердыми и не взирать“,—то центральныя учрежденія должны имѣть только совѣщательный голось во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ дѣятельности. Принимая во вниманіе, что съѣздъ „законенъ“, если на немъ представлены организаціи, имѣющія вмѣстѣ право болѣе чѣмъ на половину рѣшающихъ голосовъ, „центры“, особенно, когда въ нихъ будетъ возстановлено „единомысліе“, могутъ превратить съѣздъ въ простую „такальную машину“. Я не говорю уже о томъ, что съѣздъ обыкновенно созывается Совѣтомъ партіи. *)

Характерно, что противъ этого чудовищнаго преобладанія „заграничнаго“ Совѣта ничего не имѣетъ и „меньшинство“. Лидеръ его, Мартовъ, заявилъ на съѣздѣ категорически, что „для насъ совѣтъ не только примирительное учрежденіе“, что „наша формулировка умышленно оставляетъ возможность развитія совѣта въ высшее партійное учрежденіе“. И только Старовѣръ, а въ особенности Панинъ, старались превратить его въ чисто третейское учрежденіе для разбора конфликтовъ между Ц. К. и Ц. О. Къ сожалѣнію, они не понимали, что именно раздѣленіе на „идейный“ и „практическій“ центры создаетъ самую благопріятную почву для всякаго рода конфликтовъ и что третейскимъ судомъ тутъ не поможешь. Такъ или иначе, партія отдавалась подъ начало редакціи Ц. О., имѣющей свое пребываніе заграницей!

---

*) При 20 комитетахъ (я беру maximum) сумма рѣшающихъ голосовъ равняется 40 плюсъ 9, принадлежащихъ „центрамъ“ т. е. 49. Достаточно, слѣдовательно, 8 комитетовъ, чтобы устроить „законный“ съѣздъ, на которомъ изъ 25 рѣшающихъ голосовъ. 9 уже принадлежитъ „центрамъ“. Имѣя на своей сторонѣ два комитета, центръ можетъ „поступать“ на полной своей волѣ!

Я уже сказалъ, что Ц. К., и редакція Ц. О. выбираются съѣздомъ. Нашъ уставъ предпочитаетъ бурбонское слово „назначаются". Если мы имѣемъ дѣло со съѣздомъ, а не „свозомъ", то выборы являются „специфическимъ выраженіемъ „воли партіи" par excellence". И если Мартовъ увидѣлъ въ этомъ взглядѣ швейцеріанство, то это, кромѣ плохого знакомства съ исторіей нѣмецкой социалдемократіи, объясняется, какъ мы видѣли, тѣмъ, что напуганное ленинскими „выборами" „меньшинство" еще болѣе утвердилось въ своемъ ужасѣ передъ этимъ страшнымъ словомъ. Конечно, „о вкусахъ не спорятъ". Но редакція, выбранная съѣздомъ, всегда будетъ пользоваться большимъ авторитетомъ, чѣмъ редакція, составившаяся путемъ такой „единогласной" кооптаціи, какъ произведенная Плехановымъ (вопреки прямой волѣ большинства „законнаго" съѣзда).

И эта доведенная до абсурда „кооптація" лишній разъ напоминаетъ, какъ нужно быть осторожнымъ при ослабленіи выборнаго принципа внутри организаціи. Конечно, при нашихъ условіяхъ, Ц. К. приходится предоставить право самопополненія, но оно должно быть ограничено. Это можетъ быть достигнуто какъ путемъ „назначенія" на съѣздѣ же кандидатовъ, такъ и нормировкой отношенія между числомъ членовъ, выбранныхъ съѣздомъ и кооптированныхъ послѣ самимъ Ц. К. Отвергнутые съѣздомъ не могутъ быть кооптированы.

Но если право кооптаціи можетъ еще быть предоставлено Ц. К., то его безусловно не должна имѣть редакція Ц. О. Съѣздъ опредѣляетъ ея личный составъ, и если выбрана данная редакція, то она можетъ быть измѣнена только на слѣдующемъ съѣздѣ. Разъ всѣмъ членамъ партіи обезпечено право отстаивать свое мнѣніе предъ всей партіей, то признать, какъ этого хочетъ Мартовъ „за каждымъ членомъ партіи право и внѣ, и послѣ съѣзда пытаться воздѣйствовать на составъ и политику той или иной коллегіи", значило бы узаконить самую безшабашную анархію. Партійная жизнь вырождается при этомъ въ „борьбу за жизнь" отдѣльныхъ группъ. И то обстоятельство, что такой группѣ удается „учесть свою силу и на измѣненіи состава той или иной кол-

легіи“, доказываетъ лишь безсиліе выбранной коллегіи, ея полную несостоятельность, да безсиліе партіи *).

Вмѣстѣ съ созданіемъ настоящаго, а не фиктивнаго Ц. К., является и потребность въ организаціи представительства партіи заграницей. Для этого достаточно создать заграничный комитетъ, „назначаемый“ тѣмъ же съѣздомъ. На его обязанности лежитъ „содѣйствіе русскому движенію“, по скольку оно выражается въ организаціи транспорта, всякаго рода „техническихъ“ предпріятій, издательскаго дѣла и т. д. и т. д. Поскольку редакція Ц. О. и всей партійной литературы входитъ въ какую нибудь организацію, она можетъ входить только въ этотъ комитетъ, находящійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ настоящимъ центромъ партіи, съ Ц. К. Рядомъ съ заграничнымъ комитетомъ можетъ существовать и другая организація, содѣйствующая русскому движенію сборомъ денегъ и пропагандой, имѣющей цѣлью подготовленіе необходимыхъ для работы въ Россіи молодыхъ силъ.

Итакъ, „аристократическая“ по отношенію къ внѣшнему міру, демократическая внутри, партійная организація, основной клѣточкой которой являются цѣлостные комитеты, вѣдающіе самостоятельно все соціалдемократическое дѣло; періодически собирающійся съѣздъ, какъ верховное учрежденіе; центральный комитетъ, выбираемый съѣздомъ, руководящій партіей какъ „идейно“, такъ и „практически“; отдѣленная отъ него только „по мѣсту“ редакція общепартійной литературы; заграничный комитетъ—вотъ главныя части партійной организаціи.

Чѣмъ уже и замкнутѣе эта организація, — а по нашимъ временамъ это необходимо, — тѣмъ полнѣе долженъ быть проведенъ въ ней демократическій принципъ. Нѣтъ обязанностей безъ правъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей. Всѣ члены партіи находятся подъ контролемъ постоянно контролируемыхъ всей партіей выбранныхъ ею должностныхъ лицъ. Всякій, берущій на себя отвѣтственность за дѣйствія партій,

*) Мартовъ, Борьба съ осаднымъ положеніемъ, стр. 6—8. Понятно, что если члены партіи имѣютъ только права русскихъ обывателей, то естественнымъ дополненіемъ является право устраивать заговоры и свергать—если есть сила — предержащія власти. Но для чего aus der Noth eine Tugend machen?

имѣетъ право принимать участіе въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ партійной дѣятельности.

Тогда легко рѣшается и вопросъ, кого партія должна считать своимъ членомъ. Такъ какъ она знаетъ только дѣйствительныхъ, активныхъ членовъ, то членомъ партіи можетъ стать лишь тотъ, кто принимаетъ личное участіе въ какой нибудь партійной организаціи. Только такимъ образомъ партія можетъ знать опредѣленно, кто является равноправнымъ членомъ ея, съ кѣмъ она должна считаться при обсужденіи и рѣшеніи всякихъ вопросовъ. Представляя коллективность, она нормально должна имѣть дѣло только съ коллективностями. Какъ организація, она можетъ разчитывать только на постоянныхъ членовъ. Она съ охотой принимаетъ услуги всякихъ добровольцевъ, ее радуетъ сочувствіе и симпатіи, которыя встрѣчаетъ ея дѣятельность, но она раскрываетъ свои „двери“ только для тѣхъ добровольцевъ, симпатизирующихъ, сочувствующихъ, которые хотятъ ей оказыватъ не „пассивное“, а активное, не случайное, а постоянное содѣйствіе.

Она не можетъ иначе поступать и потому, что должна дорожить своимъ „престижемъ“. Каждый за всѣхъ, но и всѣ за каждаго. Она можетъ брать на себя отвѣтственность только за людей, которые удовлетворяютъ извѣстнымъ условіямъ, которые готовы дѣлить съ ней не только „радость“, но и „горе“.

Kurz und gut: безъ демократическаго принципа въ организаціи, безъ организованнаго контроля со стороны партіи надъ такъ называемыми „вождями“, безъ постоянной провѣрки дѣйствій должностныхъ лицъ, выбираемыхъ партіей въ силу довѣрія къ нимъ, безъ равноправности всѣхъ членовъ организаціи, безъ точнаго опредѣленія правъ и обязанностей „руководителей“ и „руководимыхъ“ — мы будемъ имѣть не партію, а анархію, гдѣ „кто палку взялъ, тотъ и капралъ“, хотя бы это дѣлалось „на основаніи точнаго смысла дѣйствующихъ законовъ“. А въ такомъ случаѣ необходимо ясно и точно опредѣлить, кто имѣетъ право носить „званіе“ члена партіи. И лучше всего это можно сдѣлать съ помощью „ленинской“ формулы, но только тогда, тогда она будетъ превращена въ свою „противоположность“ — иными словами, если она явится „увѣнчаніемъ“ строго демократическаго

устава. *) Это—формула, которую всегда отстаивали и нѣмецкіе „ортодоксы“, особенно Парвусъ.

Я прекрасно знаю, что, выступая въ защиту „демократизма“, я опять навлеку на себя „громы небесные“. Но „громы“ эти не изъ „тучи“. Я знаю также, что, къ великому ужасу нашего Балалайкина, соціалдемократія лишить себя такого важнаго боеваго орудія, какъ страшное слово—„демократизмъ“! *) Но и это меня не пугаетъ. Безъ демократическаго принципа, безъ уничтоженія всякихъ слѣдовъ Personencultus'а, возможна въ лучшемъ случаѣ только секта, а не партія. Безъ этого невозможна та демократическая дисциплина, которой только и можетъ держаться партія.

„Эта демократическая дисциплина, говоритъ Либкнехтъ, которая соединяетъ свободныхъ и мыслящихъ людей для общаго дѣла, дастъ совершенно другой источникъ энергіи, чѣмъ дисциплина слѣпо повинующихся орудій. Отдѣльная личность отдаетъ тогда гораздо больше силъ и приноситъ съ собой свое самостоятельное мнѣніе. Мнѣніе одного дополняетъ и исправляетъ мнѣніе другого, и только такимъ путемъ достигается наиболѣе прочная гаранітя, что общее рѣшеніе правильно. Мы, соціалдемократы, всегда держали высоко знамя демократическаго равенства. Personencultus, противъ котораго мы боремся въ теоріи, не долженъ быть терпимъ и въ практикѣ. Мы никогда не знали въ своихъ рядахъ аристократію“.

Долой сектантство! Долой Personencultus! — вотъ лозунги, которые были написаны на знамени Либкнехта и Бе-

---

*) Только что появилась новая книга Ленина, въ которой отмѣнно длинно“ и „научно“—даже съ помощью діаграммъ!—разсказывается исторія о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ Мартовъ (М.) сь Иваномъ Никифировичемъ Ленинымъ (Л.) и какъ при этомъ разбита была „посудина“ то бишь партія! Сдѣлавъ уже давно „два шага назадъ“ отъ своихъ „Задачъ русскихъ соціалмокртовъ“ онъ упорно тащитъ „разбитую посудину“ „впередъ“ по пути буржуазной демократіи. Вѣрно указавъ на противорѣчія и непослѣдовательность Мартова, онъ уже успѣлъ забыть свое признаніе на съѣздѣ, что въ полемикѣ съ „экономистами“ онъ перегнулъ „палку“ въ другую сторону. Все обстоитъ благополучно! И нашъ бѣдный Фердинанъ, король испанскій, продолжаетъ считать „безпринципными“ всѣхъ, кто не согласенъ съ „принципомъ“, что „луна дѣлается въ Гамбургѣ“!

беля, когда они боролись съ швейцеріанствомъ. И если „меньшинство“ уже заговорило о „швейцеріанскихъ тенденціяхъ“ нашего партійнаго устава, то пусть оно вспомнитъ и другія слова Либкнехта: „Solche Organisationen können nicht umgestaltet, sie müssen zerbrochen werden“! Швейцеріанскія организаціи не могутъ быть реформированы, онѣ должны быть разрушены. Дѣйствительно, только послѣ разрушенія этой организаціи стало возможно объединеніе германской соціалдемократіи.

Созданный „Искрой“ швейцеріанскій уставъ отчасти уже разрушенъ самими творцами его. И чѣмъ скорѣе онъ будетъ окончательно уничтоженъ, тѣмъ скорѣе у насъ будетъ дѣйствительно единая и объединенная партія, тѣмъ скорѣе можно будетъ организовать дѣйствительно россійскую соціалдемократическую рабочую партію!

Насъ не должна останавливать мысль о „законности“ рѣшеній второго съѣзда или „своза“. О ней могутъ говорить только заядлые „бюрократы“ и „формалисты“. И послѣ того, какъ самъ Мартовъ заявилъ на съѣздѣ, что „Искра“ создала внутри партіи „осадное положеніе“ съ исключительными законами противъ отдѣльныхъ группъ, нужно была только его непослѣдовательность, чтобы признать „законными“ рѣшенія съѣзда, принятыя случайнымъ и безусловно „незаконымъ“ большинствомъ.

„Отнынѣ старой „Искры“ не существуетъ, и было бы послѣдовательнѣе перемѣнить ея названіе“—говорилъ онъ же на съѣздѣ, когда изъ редакціи были „вышиблены“ Аксельродъ, Засуличъ и Старовѣръ. И опять таки нужна только непослѣдовательность Мартова, чтобы послѣ выхода изъ редакціи Ленина, дѣйствительнаго духовнаго отца старой „Искры“, говорить о ея существованіи. Свершилось! Старая „Искра“ умерла, и всякія попытки гальванизировать ея трупъ прививкой—да

*) „Слова—жоресизмъ, анархизмъ, оппортунизмъ и т. д. — это очень сильныя орудія въ рукахъ революціонной соціалдемократіи. Наша обязанность — обращаться осторожно съ этими словами. Если мы будемъ всякаго человѣка, несогласнаго въ чемъ нибудь съ нами, клеймить этими словами, то они могутъ опошлиться. Такимъ образомъ, мы сами лишимъ себя этого важнаго боеваго орудія соц.-демократіи“! Такъ вразумлялъ Плеханова на съѣздѣ Лиги Троцкій.

еще въ гомеопатическихъ дозахъ — истиннаго соціалдемократизма осуждены заранѣе на фіаско.

Кто говоритъ А, долженъ сказать Б! Послѣ статей Аксельрода смѣшно говорить. что въ партіи существуетъ полное согласіе по всѣмъ вопросамъ программы и тактики. И совсѣмъ уже странно слышать такія утвержденія послѣ „неслыханнаго скандала", свидѣтелемъ котораго является вся партія. Гдѣ организаціонныя разногласія вырождаются въ полемику, образцы которой даетъ намъ какъ „большинство", такъ и „меньшинство", тамъ — сознаютъ ли это или не сознаютъ сами противники — существуютъ глубокія принципіальныя разногласія. За критикой организаціонныхъ идей „Искры" должна была послѣдовать критика ея тактическихъ положеній. А принятіе аграрной программы на ею же созванномъ съѣздѣ лишь ничтожнымъ большинствомъ голосовъ, т. е. „формалистически" и „бюрократически", показываетъ, что такъ же неизбѣжно послѣдуетъ и критика ея „болѣе или менѣе" несостоятельныхъ программныхъ идей. И если это не будетъ сдѣлано „руководителями", то объ этомъ постараются „руководимые". *) И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Долой Personencultns! Соціалдемократическая партія свою политику формулируетъ въ рѣшеніяхъ программнаго, тактическаго и организаціоннаго харатера, ставящихъ тѣсныя рамки всякому составу! Она довѣряетъ только тѣмъ, кого можетъ постоянно провѣрять!

Долой сектантство! Соціалдемократія не должна превращаться въ секту, отрицающую всякую связь съ предшествовавшимъ ей движеніемъ. („Съ чего начать?") Классовое движеніе не должно быть подчинено сектѣ. Формулируя безъ всякихъ „болѣе или менѣе" принципы научнаго соціализма т. е. теоретическое выраженіе освободительной борьбы самаго революціоннаго класса современнаго общества, она не должна навязывать классовому движенію сектантскіе рецепты въ родѣ „отрѣзковъ" или организаціонныхъ „плановъ" или „формулъ"! Только секта, — говоритъ Марксъ — ищетъ свой

---

*) Прекрасный починъ представляетъ брошюра Панина. Теперь появилась брошюра Череванина „Организаціонный вопросъ", авторъ которой идетъ еще дальше въ критикѣ „искровскаго" наслѣдства.

raison d'être въ своемъ point d'honneur, не въ томъ, что соединяетъ ее съ классовымъ движеніемъ, а въ томъ специфическомъ лозунгѣ, который отдѣляетъ ее отъ этого движенія.

И чѣмъ скорѣе будетъ произведена ликвидація „политическаго" или „искровскаго" періода нашего движенія, тѣмъ больше гарантій, что при надвигающейся ликвидаціи русскаго абсолютизма русская соціалдемократія дѣйствительно окажется передовымъ отрядомъ самаго революціоннаго класса современной Россіи!

Оглавленіе.

	фр. с.
Соціалдемократическій календарь на 1902 годъ	2.50
Ю. Невзоровъ и Н. Рязановъ, Отказываемся ли мы отъ наслѣдства?	1.50
Н. Рязановъ, Новая программа „Рабочаго Дѣла" . . .	—.60
Н. Рязановъ, Проектъ программы „Искры" и задачи русскихъ соціалдемократовъ	3.—
Наша программа	—.60

Съ требованіями просятъ обращаться по адресу экспедіи Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи:

V. Oulianoff, Rue de la Colline, 3. Genève—Suisse.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Н. Рязановъ, Русско-японская война и ближайшая задача русскихъ соціалдемократовъ.

